

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

Чобитько Максим Борисович

**ВЫДАЧА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Прошляков Алексей Дмитриевич

Челябинск – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
 ГЛАВА 1. ВЫДАЧА КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН	
§ 1. Выдача с позиции теории права.....	18
§ 2. Регулирование выдачи в современном международном праве.....	29
§ 3. Содержание выдачи (фундаментальные правила и их межотраслевая сущность)	71
§ 4. Генезис выдачи в российском уголовном судопроизводстве.....	92
 ГЛАВА 2. ЭКСТРАДИЦИОННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ	
§ 1. Экстрадиционные нормы во внутригосударственном праве Российской Федерации.....	128
1.1 Регулирование выдачи по запросам Российской Федерации.....	134
1.2. Правовой режим выдачи Российской Федерацией по запросам иностраных государств.....	147
§ 2. Модельная взаимосвязь судебного контроля и формы уголовного судопроизводства в процедуре выдачи	171
§ 3. Практико-правовые проблемы выдачи	191
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 242
 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	 249
 ПРИЛОЖЕНИЕ № 1. Проект Федерального закона	 289
 ПРИЛОЖЕНИЕ № 2. Справка статистических данных	 297

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Президент Российской Федерации¹ в марте 2018 г. выразил позицию государства в ответ на требования США о выдаче российских граждан, якобы причастных к вмешательству в американские выборы, обозначив два основных тезиса, позиционируемые в качестве основы российской экстрадиционной политики. В.В. Путин заявил: «Россия вообще никогда не экстрадирует своих граждан» и отметил, что «для рассмотрения подобного требования должны быть представлены материалы, подтверждающие причастность таких лиц к инкриминируемым им противоправным действиям, чтобы им могла быть дана юридическая оценка»². Из сказанного следует, что для российского права константами выдачи являются запрет на выдачу граждан Российской Федерации и лиц, которым Россия предоставила защиту, а также проведение тщательной проверки обоснованности экстрадиционных требований. Однако соблюдение этих правил является небезупречным, равно как и нестабильны экстрадиционные взаимоотношения Российской Федерации с другими государствами. Очевидно, что на экстрадиционную практику существенным образом влияют факторы, не имеющие прямого отношения к задачам, которые ставят друг перед другом участники соглашений о выдаче, главной из которых является борьба с преступностью в целом и, в частности, с ее наиболее опасными видами.

Значение института выдачи в системе уголовно-процессуальных норм и его реализация с учетом публичных интересов Российской Федерации ввиду последних внешнеполитических событий существенно изменилось.

На экстрадиционные процессы повлияли преобразования в структуре российской судебной системы, связанные с созданием апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, установление приоритета Конституции

---

¹ Далее – Президент РФ.

² См.: Экстрадиции не будет: Путин объяснил, почему РФ не выдает граждан по обвинениям США // [Электронный ресурс] URL: <https://ren.tv/news/politika/280551-ekstraditsii-ne-budet-putin-obiasnil-pochemu-rf-ne-vydast-grazhdan-po-obvineniiam-ssha> (дата обращения: 11.12.2022).

Российской Федерации¹ и переосмысление в российской правовой системы подходов к принципу верховенства международного права допускающих умаление суверенитета, отказ от исполнения ряда решений Европейского суда по правам человека², а также выход из состава Парламентской ассамблеи Совета Европы³. Ожидается, что данные события неизбежно приведут к новой правовой парадигме, в которой формат экстрадиционного взаимодействия будет выстраиваться на принципиально иных началах.

Представляется, что происходящие события детерминируют изменения как качественного (в части устранения проблем правового регулирования), так и количественного (в части повышения эффективности) содержания выдачи.

Совершенствование регулирования и механизма реализации выдачи в рамках отечественного права перспективно именно в плане оптимизации его уголовно-процессуальной компоненты, требующей совершенствования юридической техники и приведения в соответствие с современным реалиями, в том числе с учетом изменений смежного отраслевого законодательства.

Институт выдачи в любом состоянии международных отношений призван обеспечить баланс публичных интересов государства при уголовном преследовании лиц, находящихся за пределами его территориальной юрисдикции, и гарантий частных интересов таких лиц на защиту от произвольного ограничения их прав и свобод. Несмотря на то, что данный принцип зачастую лишь декларируется, этот баланс будет и должен соблюдаться вне сферы политических интересов отдельных государств, а приоритеты не должны смещаться ни в сторону произвола, ни ставить под сомнение принцип неотвратимости ответственности.

В этой связи нужно отметить, что статистический анализ выдачи за период 2017-2019 гг., показывает рост международного взаимодействия с России по

---

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Рос. газета. 1993. 25 дек.; Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11, ст. 1416. Далее – Конституция РФ.

² Далее – ЕСПЧ.

³ Заявление МИД России о запуске процедуры выхода из Совета Европы от 15 марта 2022 г. // [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/ (дата обращения: 16.08.2022).

линии НЦБ Интерпола по выявлению лиц, скрывающихся от правосудия на территории других государств¹. Например, в 2019 году (последний допандемийный год) рассмотрено 1 438 поручений о международном розыске. При этом результаты экстрадиции показывают скорее отрицательный результат, ввиду высокого процента отказа России в выдаче: по 1 231 запросам иностранных государств отказано в выдаче лишь 153 лиц. Напротив, из направленных Российской Федерацией 455 запросов удовлетворено лишь 184. Лишь в 47 случаях выдача не состоялась с обоснованным официальным отказом (по причинам предоставления убежища, истечения сроков давности, наличия гражданства иностранного государства и т.п.). На иные запросы официальных ответов не поступило².

Такое положение обуславливает ряд факторов, в том числе, отсутствие должного взаимодействия с государствами-контрагентами, что часто связано с различными принципами и формами выдачи, принятыми в других странах.

Немаловажную роль при этом играют правовые традиции распределения компетенций в этой сфере. Разрешение выдачи в большинстве стран осуществляется в той или иной форме судебного производства, в то время как в Российской Федерации системообразующим компетентным органом при административном порядке выдачи является Прокуратура Российской Федерации³, с минимальным и, зачастую, как презюмируется при критике отечественной системы, и формальном участии в этой процедуре судов.

Кроме того, несмотря на улучшение качества нормативного регулирования выдачи в гл. 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁴, проблематика правового статуса в широком смысле и защиты субъекта экстрадиционных правоотношений, в частности, как участника уголовного

---

¹ См.: Фалалеев М. Тот самый Интерпол. Интервью с начальником Национального центрального бюро Интерпола МВД России А. Прокопчуком // Росс. газета. 2021. 30 сентября. С. 10.

² См.: Справка о сотрудничестве с компетентными органами иностранных государств по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора... Управления экстрадиции Главного управления международно-правового сотрудничества, октябрь 2021 г. – Приложение № 2 к диссертации.

³ Далее – Прокуратура РФ.

⁴ Далее – УПК РФ.

судопроизводства, остается не до конца разрешенной, о чем свидетельствует применение механизмов аналогии закона и права.

Нельзя не отметить и то, что пробелы в институте выдачи в условиях вооруженных конфликтов (интернирование, обмен пленными и т.д.), размывает понимание экстрадиционных правоотношений, поскольку отсутствие общих правовых стандартов приводит к смешению внешне схожих, но принципиально различных по юридической сути процедур.

Не менее актуальным представляется необходимость преодоления коллизий и избыточного регулирования отдельных уголовно-процессуальных норм, возникающих при сопоставлении их с нормами материального права, относящихся к выдаче, а также приведения их в соответствие с Конституцией РФ.

Тема исследования избрана в области междисциплинарной дискуссии относительно теоретических представлений о правовой природе выдачи, которая связана с определением ее положения в системе российского права и влиянии на эффективность ее применения.

Степень научной разработанности темы исследования. Экстрадиционные правоотношения в России стали предметом научного исследования еще с середины XIX века, получили освещение в классических работах П. Дегаля (1847), М.В. Духовского (1910), Д. Никольского (1884), Л. Оппенгейма (1906), Л.Я. Таубера (1917), А. Штиглица (1882), были связаны с их анализом в связи с судебной реформой 1864 г. и, хотя это не столь ярко проявилось, с международным положением Российской Империи того периода.

В период советской государственности проявилась тенденция рассмотрения институтов выдачи с позиции международного права, что проявилось в трудах Р.М. Валеева, В.М. Волженкиной, Л.Н. Галенской и др.

К современным исследованиям, посвященным различным правовым аспектам выдачи с позиций различных дисциплин, относятся работы А.И. Бастрыкина, П.Н. Бирюкова, Ю.Г. Васильева, А.Г. Волеводза, В.П. Волобуева, В.С. Выскуба, В.В. Дорошкова, Е.Г. Ляхова, А.В. Марченко, Т.Н. Москальковой, Х.З. Нагдалиева, Р.В. Нигматуллина, О.И. Цоколовой, С.П. Щербы и др.

Подход к выдаче как межотраслевому правовому институту характерен для исследований А.И. Бойцова, П.А. Смирнова, М.Д. Шаргородского, Н.А. Сафарова. Кроме того, различные подходы и особенности выдачи, раскрывающие уголовно-процессуальную природу данного института, анализировались в диссертационных исследованиях А.Д. Прошлякова (1997), А.В. Марченко, А.К. Строгановой (2004), А.Е. Косаревой (2005), Р.В. Нигматулина (2007), Т.В. Решетневой (2009), А.С. Гришина, А.Г. Вениаминова (2010), Н.В. Несмачной (2016), А.О. Зайцева (2017), А.А. Насонова (2018), Р.Г. Лятифова (2019) и др.

Специфика защиты процессуальных прав участников процессуальных действий и особенностей их процессуального статуса во взаимосвязи с пределами применения различных форм и стадий осуществления уголовного судопроизводства подробно освещены в трудах И.А. Насоновой «Обеспечение уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы» (2019) и «Запрет в уголовно-процессуальном праве России» (2022).

Особенности правового положения лиц, запрашиваемых к выдаче по запросам правоохранительных органов Российской Федерации, проанализированы в монографии К.К. Клевцова «Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации» (2018).

Уголовно-правовое содержание выдачи раскрыто в диссертации А.И. Джигирь «Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации» (2008), концепция которой во многом является основой для научной дискуссии в настоящем исследовании.

Наличие указанных исследований, существенно повлиявших на понимание правовой природы выдачи, является одной из отправных точек постановки этого вопроса с позиций ее сопоставления с концепцией судебного контроля, и рассмотрения ее как формы уголовного процесса с позиции стадийности уголовного судопроизводства.

Ранее предметно не затрагивались проблемы субсидиарного сочетания начал диспозитивности и состязательности во взаимосвязи со статусом выдаваемых лиц, особенностей предмета доказывания по сравнению с ординарным порядком производства и их влияния на модель выдачи в российском уголовном процессе с учетом изменения инстанционной иерархии судов общей юрисдикции.

Объектом исследования является вся сфера процессуальной деятельности участников, вовлеченных в экстрадиционные правоотношения, а также ее закономерности и последствия, возникающие как в досудебном, так и судебном производстве.

Предметом исследования являются уголовно-процессуальные нормы, регулирующие выдачу и, в необходимой мере, взаимосвязанные нормы международного права, положения отраслевого законодательства правоохранительных и судебных органов, а также содержащие их источники, в соотнесении с судебной практикой, степень единообразия и исполнимости которой являются критерием эффективности применения данных норм в российской уголовном судопроизводстве.

Целью диссертационного исследования является основанный на теоретическом осмыслении понимания природы экстрадиционных отношений поиск путей совершенствования их правового регулирования, направленный на преобразование формы и модели выдачи с учетом проблематики правоприменения в рамках действующего российского уголовно-процессуального законодательства.

Для достижения целей диссертационного исследования требуется разрешение следующих **задач**:

- осуществить комплексное исследование генезиса института выдачи с учетом основных исторических событий, повлиявших на его формирование;
- выявить закономерности формирования уголовно-процессуальной компоненты института выдачи как межотраслевого правового явления;

- дать характеристику основополагающим правилам (принципам) выдачи с точки зрения их преимущественно уголовно-процессуальной природы и нормативного регулирования;
- определить особенности выдачи как уголовно-процессуального института, системно определяющего ее форму и модель в российской правовой системе;
- охарактеризовать специфику современного процессуального механизма выдачи на основании взаимосвязанных норм УПК РФ, норм международного права и ведомственных нормативных актов;
- осуществить изучение судебной практики применения норм УПК РФ, регулирующих выдачу, с целью обобщения как положительного опыта, так и выявления недостатков и проблем в правоприменении;
- выработать и обосновать конкретные предложения по совершенствованию механизма судебного контроля проверки законности выдачи;
- сформулировать конкретные предложения по комплексному изменению действующего УПК РФ, направленные на закрепление формы выдачи при трансформации ее административного порядка в судебный.

Методологическая основа исследования. При проведении настоящего исследования использовался общенаучный материалистический диалектический метод познания, который позволил изучить предмет и его составляющие части во взаимодействии между собой и другими правовыми явлениями, взаимодействующими с ним. Метод анализа выявил основные структурные элементы института выдачи, представляющие собой обособленную юридическую конструкцию. Анализ статических данных результатов выдачи выявил дисбаланс в выполнении обязательств участниками экстрадиционных правоотношений. Метод синтеза позволил выявить правовую природу и сущность предмета исследования в рамках существующей модели уголовного судопроизводства. Системный подход позволил определить место экстрадиционных правоотношений в системе нескольких отраслей права, показал межотраслевую сущность выдачи. Исторический метод выявил главные события новейшей истории, связанные с выдачей, которые оказали влияние на современные

экстрадиционные нормы Российской Федерации (включая процедуру выдачи) и сформировали основные правила. В целях глубинного критического осмысления института выдачи использован диалогический подход¹, позволивший объяснить несоответствие нормативного содержания выдачи практическому проявлению, а также обосновать некоторые причины нестабильности прогнозов о результатах процесса выдачи и истоков его неэффективности. С помощью метода моделирования стало возможным выработать представления о надлежащей судебной процедуре проверки законности и обоснованности выдачи в целях повышения эффективности уголовного судопроизводства.

Нормативную базу исследования составляют Конституция РФ, некоторые памятники российского права, нормы международного права, уголовное, уголовно-процессуальное законодательство, другие нормативные правовые акты, имеющие отношение к проблемам исследования.

Теоретическая основа представлена исследованиями в области уголовно-процессуального права, международного права, уголовного права, иных отраслей права, работ российских ученых в области изучения проблем выдачи как уголовно-процессуального института и предложений по их преодолению.

Эмпирическую базу исследования составляют результаты изучения судебной практики районных (городских), областных судов (Свердловской и Челябинской областей – 139 дел), апелляционных, кассационных судов, решений ЕСПЧ, Комитета против пыток и других международных организаций. Они получены, как из открытых источников публикации, интернет-ресурсов, системы ГАС РФ «Правосудие», так и непосредственного изучения апелляционной практики Верховного Суда РФ (319 апелляционных производств за 2017-2019 гг.). Используются статистические данные осуществления экстрадиционных процедур управлением экстрадиции Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры РФ за 2017-2019 г.г.

---

¹ диалогический подход представлен в соответствии с обоснованным И. Л. Честновым выводом о диалогичности социального бытия, следовательно, правовой реальности, представляющего собой единство взаимодействия индивидов и ментальных представлений, обуславливающих их воспроизводство (и тем самым воспроизводство социума). Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания) : дис. доктора юрид. наук. СПб. 2002. С. 7.

Помимо статистических данных, непосредственно полученных для целей исследования, были использованы данные статистики и результаты эмпирических исследований, опубликованные другими авторами по проблемам выдачи, а также личный опыт практической деятельности по рассмотрению дел в суде первой и апелляционной инстанции, в том числе связанных с вопросами выдачи.

Научная новизна исследования заключается в том, что предпринята попытка теоретического осмысления правового феномена выдачи через призму его уголовно-процессуальную процедуры, которая является способом его проявления в отечественном уголовном судопроизводстве. Сформулированы тезисы о форме и модели выдачи в системе внутригосударственного права Российской Федерации на современном этапе развития. Комплексный анализ процессуального механизма выдачи, данный с позиций ее формы и модели, позволил выявить его структурные элементы, особенности, закономерности правоприменения и недостатки (коллизийного характера и избыточного регулирования, пробелов), влияющих на правовое положение участников экстрадиционных правоотношений. Диссертантом предлагается авторское определение института выдачи как межотраслевого правового явления, сформированного в международном праве, на текущий момент включающего в себя элементы множества дисциплин (уголовного, гражданского, административного права) с преобладанием в нем системообразующего уголовно-процессуального компонента. Соображения о привнесении в процедуру открытости начал диспозитивности и состязательности обосновываются в качестве способа разрешения большинства проблем, включая недочеты нормативного закрепления статуса участников, качественного усиления юридических гарантий для них, путем включения экстрадиционных отношений в сферу судебного контроля.

Научную новизну исследования непосредственно определяют также основные выводы, положения и предложения, которые выносятся на защиту:

1. Выдача как явление, выраженное в законодательстве и судебной практике Российской Федерации, имеет признаки правового института, включающего в

себя элементы уголовного права, международного права, а также преобладающие в его структуре элементы уголовно-процессуального права, в том числе перечень участников, правовое регулирование вопросов по мерам пресечения, порядок оценки доказательств, специальные внесудебные и судебные процедуры, обжалование судебных решений и т.д.

2. Экстрадиция лиц по запросам иностранных государств по правилам УПК РФ производится по принципу «презумпции выдачи», то есть ее безусловному осуществлению, при отсутствии оснований для отказа, вытекающих из фундаментальных правил выдачи. Сомнения в законности и обоснованности уголовного преследования лица, в отношении которого поступило требование о выдаче, декомпенсируются правилом «запрета на расследование», исключающего вмешательство в деятельность властей другого государства. Это же положение значительно сокращает возможности должностных лиц по проверке законности в ходе экстрадиционной проверки и возможности защиты при оспаривании выдачи в судебном порядке.

3. Изучение практики выдачи показывает следующие основные тенденции развития законодательства в сфере экстрадиции:

– увеличение оснований для международного сотрудничества за счет количества двусторонних договоров о выдаче, в том числе с государствами, с которыми длительное время такие соглашения отсутствовали;

– закрепление в законе процессуальных прав лиц, в отношении которых запрашивается выдача иностранными государствами (включая право на защиту, судебное обжалование и т.д.), установление основ процессуального статуса лица, запрашиваемого к выдаче иностранным государством, его обособление от субъектов (подозреваемых и обвиняемых), в отношении которых запрашивается выдача правоохранными органами России с целью «оптимизации досудебного производства»¹;

---

¹ Термин сформулирован К.К. Клевцовым – см. Клевцов К.К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации: монография / под ред. канд. юрид. наук, доц. А.М. Багмета. М.: Юрлитинформ., 2018. С. 22.

– расширение перечня предусмотренных законом оснований отказа в выдаче и указание в законе оснований, которые ранее являлись частью двусторонних договоров о выдаче (например, запрет на выдачу в силу возраста и состояния здоровья);

– конкретизация порядка действий должностных лиц при проведении экстрадиционной проверки.

4. Качественному повышению эффективности экстрадиционных процедур будет способствовать расширение объема проверки выдачи (соответствие нормам международного права и внутригосударственного права, соблюдения фундаментальных правил «двойной криминальности», «специализации» и «исключения политических преступлений»), оценка обоснованности выдачи (соблюдение юридических требований на территории государства уголовного преследования), а также подтверждение причастности запрашиваемого лица к инкриминируемому ему противоправному деянию.

5. Оценка законности и обоснованности выдачи лиц, запрашиваемых правоохранительными органами России (подозреваемых, обвиняемых и подсудимых), является составной частью уголовного судопроизводства, требует вынесения отдельного решения по итогам судебного разбирательства, в ходе которого будут проверяться все правовые аспекты выдачи в соответствии со спецификой предмета доказывания.

По тем же правилам при направлении запроса о выдаче лица, скрывшегося на территории иностранного государства, должно осуществляться предшествующее положительному решению прокурора судебное решение о проверке обоснованности и законности выдачи.

С другой стороны, при выдаче лиц (не российских граждан) по запросу иностранного государства необходима обязательная судебная проверка обоснованности состоявшегося решения прокурора.

Любые отказы прокурора в направлении запроса о выдаче или отказ в выдаче должны предусматривать процессуальный механизм судебного обжалования в целях соблюдения прав участников процесса.

6. Соблюдению прав выдаваемых и запрашиваемых к выдаче лиц будет способствовать включение процессуальных гарантий в виде:

– запрета выдворения, депортации, реадмиссии, прекращения или лишения специального дипломатического статуса, применения других процедур, связанных с перемещением запрашиваемого лица на территорию запрашивающего или третьего государства, а также дачи разрешения покинуть государство пребывания до наступления правового основания передачи или отказа в выдаче, если иное не следует из международного договора;

– в целях исключения возможности совершения необратимой судебной ошибки, допускать передачу лица в случае положительного судебного решения, вступившего в законную силу по итогам рассмотрения судом апелляционной инстанции, только после проверки законности и обоснованности решения в кассационном порядке, либо истечения срока кассационного обжалования, предусмотренного УПК РФ, в том числе, в случае отзыва кассационной жалобы заявителем¹;

– разрешение проведения упрощенной процедуры удостоверения согласия, и передачи в ускоренном порядке, в случае согласия лица на выдачу, устанавливаемых судом;

– разъяснения на уровне высшей судебной инстанции страны о возможности квалификации действий должностных лиц, наделенных властными полномочиями лиц, позволяющих осуществить «скрытую» или «завуалированную» выдачу вопреки прорывному режиму гл. 54 УПК, по ст. ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации²;

7. Имеются основания для комплексного совершенствования процессуального механизма, регулирующего вопросы выдачи лиц по запросам правоохранительных органов Российской Федерации и иностранных государств, связанного с расширением компетенции судов различных уровней, относящегося

---

¹ в данном случае уже сформулировано, и как представляется, аргументированно обоснованно положение о том, что кассационный суд вправе продолжить пересмотр [судебного решения] даже несмотря на отзыв заявителем кассационной жалобы, если в этой жалобе речь шла об улучшении положения [запрашиваемого к выдаче лица]. См.: Стельмах, В.Ю. Правовая природа кассационного пересмотра приговора, понятие сплошной и выборочной кассации // Юристы-Правоведь. 2020. № 3(94). С. 101.

² Далее – УК РФ.

к инструментам судебного контроля обоснованности выдачи в различных процессуальных формах, предполагающего большой объем изменений и дополнений ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 108, ст.ст. 460, 462, 462.1, 463, 464 УПК РФ¹.

Теоретическое значение исследования состоит в том, что система его выводов представляет собой методологически самостоятельную попытку сформировать единое комплексное представление о межотраслевом содержании института выдачи, его уголовно-процессуальной природе, а также его месте в системе и структуре норм уголовно-процессуального права. Результаты исследования позволяют с позиций общих начал уголовного процесса выявить и классифицировать ограничения способности участников экстрадиционных отношений реализовать свой интерес в производстве о выдаче, сопоставив их с вопросами совершенствования ее юридического механизма в целях защиты личности в формате экстрадиции.

Дискуссионные аспекты выдачи, анализируются во взаимосвязи с положениями о стандартах доказывания, диспозитивности прав участников уголовного судопроизводства, что позволяет углубить изучение международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства как самостоятельного раздела уголовно-процессуального права, дополнив теоретическую базу для принятия в перспективе специального нормативного акта, регулирующего выдачу в Российской Федерации.

Практическое значение диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут послужить основой для комплексного совершенствования законодательства для повышения эффективности практической деятельности в сфере выдачи. Оно ориентировано на прикладные аспекты деятельности должностных лиц правоохранительных органов, осуществляющих проверку, предшествующую выдаче, а также судей в их

---

¹ В связи со значительным объемом предлагаемых изменений законодательства, они оформлены в качестве проекта Федерального закона «О внесении изменений в положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о выдаче лиц для уголовного преследования и исполнения приговора (в части изменения процедуры судебного контроля выдачи подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных, а также лиц, по запросам иностранных государств)» – см. Приложение № 1. (С. 289-296).

профессиональной деятельности по разрешению различного рода вопросов, связанных с регулированием экстрадиционных правоотношений.

Степень достоверности и апробация результатов исследования определяются широким диапазоном исследовательских методик и эмпирической базой, сформированной с учетом объекта и предмета исследования, представляющих собой достаточно специфический и обособленный раздел как с позиций отрасли научного знания, так и правоприменения.

Результаты работы и сформулированные на их основе выводы и рекомендации использовались при подготовке научных публикаций, сообщений, формирования единообразной судебной практики районных (городских) судов Челябинской области.

Основные результаты исследования опубликованы в 7 научных статьях общим объемом 3,8 п.л., подготовленных автором лично и одной в соавторстве. Из них 4 статьи общим объемом 2,4 п.л. были опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в перечень, определенный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России для публикации результатов диссертационных исследований.

Итоговые теоретические и прикладные положения автора докладывались и обсуждались на международных и всероссийских конференциях: «Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации – 2020, 2021, 2022», Всероссийские научно-практические конференции в г. Екатеринбурге, проводимые соответственно в 2020, 2021, 2022 гг.; «Стратегия противодействия преступлениям, подследственным органам дознания, как элемент обеспечения общественной безопасности – 2018», «Стратегия противодействия преступлениям как элемент международной и национальной безопасности – 2020», «Теория и практика борьбы с преступностью – 2021», Международные научно-практические конференции в Уральском юридическом институте МВД России в 2018, 2020, 2021 гг.

Сформулированные в диссертации рекомендации по применению уголовно-процессуального законодательства используются в учебном процессе с

районными (городскими) судьями Челябинской области, адвокатами Адвокатской палаты Челябинской области в рамках проводимых учебных курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовки в 2020 и 2021 гг.

Изложенные в диссертации предложения и выводы могут быть востребованы для целей реализации законодательной инициативы по внесению изменений в УПК РФ в части, касающейся выдачи лиц, подготовки предложений по внесению изменений и дополнений в постановление Пленума Верховного Суда РФ¹, применимы в учебном процессе образовательных организаций юридического профиля в рамках учебной дисциплины «Уголовный процесс», а также при разработке программ повышения квалификации практических работников, при подготовке научных работ и учебно-методических материалов по данной проблематике.

Структура диссертационной работы обусловлена целями и задачами проведенного исследования и состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Рос. газета. 2012. 22 июня.

ГЛАВА 1. ВЫДАЧА КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН

§ 1. Выдача с позиции теории права

Для обоснования современной уголовно-процессуальной природы выдачи как самостоятельного правового института важны признаки, которые формируют предмет нормативного регулирования в отдельный блок, являющийся одновременно особым разделом и неотделимой частью системы правовых норм, в которую он инкорпорирован. Предполагается, что такой анализ является основой для понимания правовой природы института выдачи, начиная от предпосылок его возникновения, заканчивая прогнозами его развития в будущем.

А.В. Марченко рассматривает экстрадицию в трех аспектах: 1) определение порядка ее осуществления в законе; 2) определение порядка ее осуществления в двухсторонних и многосторонних международных договорах (конвенциях, соглашениях); 3) ее реализацию в деятельности правоохранительных органов¹, тем самым указывая на разнонаправленность внутреннего содержания. Сложная структура влечет множественность определений выдачи, из которых наиболее корректным с точки зрения теории права является определение В.В. Вандышева: «особое производство, заключающееся в правоотношениях и деятельности участников уголовного процесса при определяющей роли государственных органов различных стран в области выдачи лица, совершившего преступления, для уголовного преследования или исполнения приговора в государстве, гражданином которого оно является»².

Обоснование выдачи в качестве отдельного института права необходимо начать с изучения признаков такового. С.С. Алексеев полагал, что «*правовым институтом* следует считать первичную правовую общность, функция которого

---

¹ См.: Марченко А.В. Проблемы развития и становления института выдачи (экстрадиции) в России: историко-правовой аспект // Российская юстиция. 2010. № 6. С. 53.

² Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям / М.Х. Гельдибаев, В.В. Вандышев. 3-е изд. перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. 2012. С. 653-654.

состоит в том, чтобы в пределах своего участка общественных отношений данного вида или рода обеспечить цельное, относительно законченное регулирование»¹. Предмет правового регулирования, который изучается в настоящем исследовании, относительно обособленно закреплен в источниках международного права, а также фрагментарно во внутригосударственном праве – Конституции РФ, уголовном и уголовно-процессуальном законе, то есть состоит из разрозненных норм и положений, которые прямо или косвенно относятся к процедуре выдачи. Для того чтобы запустить правовой механизм выдачи, необходимо сформировать юридическую конструкцию, представляющую собой позитивно-правовое средство нормативного регулирования². Такая конструкция будет являться продуктом синтеза, включающего в себя два взаимообусловленных компонента: международно-правовое основание выдачи (договор или принцип взаимности в соотнесении с конституционными положениями, допускающими их применение); результаты проводимой по правилам УПК РФ в порядке «экстрадиционной проверки» и производства в порядке судебного контроля, согласно которым: а) было установлено соответствие требования основным правилам выдачи (специализации, двойного вменения, исключения политических преступлений); б) установлено отсутствие оснований, препятствующих выдаче (закрепленных в обязательном международно-правовом акте, двустороннем или многостороннем договоре, уголовно-процессуальном законе). Каждый элемент такой структуры подлежит анализу в ходе процедуры, и в зависимости от изменения ее качества, постоянно подлежит верификации на предмет соответствия конституционным нормам. Необходимость такой многократной сверки с основным законом обусловлена динамичностью процесса, в ходе которого неизбежно возникают новые обстоятельства.

---

¹ Алексеев С.С. Структура советского права. / Собрание сочинений в 10 т. Статут. Москва. 2010. т. 2. С. 105.

² См. Тарасов Н.Н. Юридические конструкции в праве и научном исследовании (методологические проблемы) // Российский юридический журнал. 2000. № 3(27). С. 28.

Нормы основного закона регулируют выдачу либо непосредственно – прямое регулирование – ст.ст. 61 и 63 Конституции РФ¹, либо опосредовано через регулирование смежных институтов, например, ст. 22 Конституции РФ – применение ареста, заключение под стражу и содержание под стражей только по судебному решению. Первоначальная проверка обоснованности выдачи контролируется на стадии заключения под стражу, когда суд устанавливает наличие правовых оснований для ограничения свободы.

С момента возникновения юридического факта (как правило, задержание лица) различные элементы нормативной конструкции преобразуются в процедурную форму, которая обеспечивает ее непосредственное, цельное регулирование. Сущность выдачи как стадийной юридической процедуры, то есть динамического процесса, приводится в большинстве исследований, в том числе как универсальное (междисциплинарное) явление².

Юридическое содержание выдачи включает в себя все признаки правового института. С.С. Алексеев выделяет такие характерные признаки: самостоятельное регулятивное воздействие на определенный участок отношений (1); внутренняя организация охватываемого им нормативного материала, содержание которого выражено в специфической группе понятий, общих положений, терминов (2); главные структурные подразделения отрасли получают внешнее обособленное закрепление в системе законодательства (3); оно обусловлено развитием общественных отношений, расширением и усложнением общественных связей, повышением правовой культуры что приводит к дифференциации и интеграции нормативного материала, а, следовательно, к формированию стойких правовых общностей, объединяющих нормативные предписания (4)³. Если отдельно остановиться на третьем признаке, то станет очевидным закрепление всего

---

¹ основной посыл конституционных положений Российской Федерации, регулирующих выдачу, приводит Бойцов А.И., отмечая, что решение вопроса о выдаче – суверенное право государства, но непременным условием его осуществления должно быть обеспечение прав выдаваемого лица. См.: Бойцов А.И. Выдача преступников / «Юридический центр». (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса). ООО «ЛитРес». 2004. С. 21.

² например, акт правовой помощи, осуществляемый в соответствии с положениями специальных договоров и норм национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства, заключающийся в передаче преступника другому государству для суда над ним или для приведения в исполнение вынесенного приговора. См.: Звирбуль В.К., Шупилов В.П. / Выдача уголовных преступников. М., 1974. С. 6.

³См.: Алексеев С.С. Указ соч. С. 106, 112.

нормативного содержания в уголовно-процессуальном законе. Как справедливо отметил О.А. Максимов, сближения розыскного (континентального) и состязательного (общего) типов процесса, преобладание одного интереса над другим имеет существенное, а в некоторых случаях – определяющее значение для назначения уголовного судопроизводства и, как следствие, для разработки механизма его достижения¹. Именно эти нормы формируют правовой институт, устанавливая приоритет защиты прав и свобод человека над публичными интересами, без которых выдача представляла бы собой не инструмент правовой помощи, а политическое карательное средство. Данное свойство является, пожалуй, главной сущностной ценностью института выдачи, несмотря на наличие сомнений относительно аполитичности правоприменительной деятельности в целом и ее правовых институтов в частности².

Отдельным специфическим признаком, раскрывающим содержание выдачи как правового института, выступает *особая терминология*, образованная на грани международного и конституционного права. Отсутствие организации нормативного материала способно привести к мысли о «рассеивании» этой системы норм по разным отраслям и отсутствию внутренних связей. Однако это справедливо лишь на первый взгляд, поскольку, как было указано ранее, международно-правовые нормы нашли свое отражение в Основном законе государства, который, в свою очередь, стал основой для формирования внутригосударственного законодательства, регламентирующего выдачу. Таким образом, признак внутренней организации нормативного материала следует искать в последовательности и непротиворечивости норм, регулирующих институт выдачи, а именно в нормах права, которые эти элементы интегрируют и приводят в состояние работоспособности.

---

¹ См.: Максимов О.А. Место правового института ходатайств и жалоб в механизме достижения назначения современного российского уголовного процесса // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 3. С. 7.

² В данном случае речь идет о возникшей в западных юридических кругах о критике формализма и объективизма в праве, утвердившей положение о невозможности вынести окончательное решение в правовых вопросах с помощью дедуктивного (логического) метода. См.: Roberto Mangabeira Unger. The critical legal studies movement : another time, a greater task. / Verso 2015. p. 79-80.

Что касается способов формирования правового института, то С.С. Алексеев выделил два условных способа: непосредственно «конструкторская» деятельность правотворческих органов, которые нередко прямо воплощают определенные теоретические построения, разработанные правовой наукой, второй – развитие правовых ассоциаций, при котором конкретизирующие предписания все более приобретают самостоятельное значение, обрастают новыми вариантными и детализирующими положениями, в результате чего и происходит постепенное перерастание ассоциации («связки» предписаний) в правовой институт¹. Ориентируясь на второй способ, представляется верным, что выдача сформировалась в качестве института в процессе влияния на существующую систему внешних факторов, а последние значительные изменения были обусловлены сменой правовых ориентиров Российской Федерации с уклоном в устоявшиеся международные стандарты, в том числе расширение сферы действия судебных процедур², что также было вызвано необходимостью интеграции в международное правовое сообщество. Что касается теоретических построений выдачи, то они были заимствованы из континентальной правовой системы и наиболее приближены к французской, представляющей собой сочетание административных процедур с обязательным судебным контролем³.

По признаку отраслевой целостности С.С. Алексеев подразделяет институты права на *чистые* и *смешанные*, где последние существуют на стыках отдельных правовых сфер, а в точках их соприкосновения иногда в институт проникают элементы, свойственные другой отрасли.

Поскольку выдача сформировалась в тесном контакте международного права, уголовного права и уголовного процесса, путем их взаимопроникновения, то представляется, что это является очевидным признаком смешанного института. Кроме того, ряд смежных вопросов правового регулирования при экстрадиции,

---

¹ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 113.

² часть 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусматривает при предъявлении любого уголовного обвинения право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001 г. № 2. Ст. 163.

³ См.: Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы практики / М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 291.

включает в себя также некоторые аспекты гражданского процессуального, административного и законодательства об административных правонарушениях. Тем самым выдача является одним из показательных примеров функциональных и генетических связей приведенных отраслей права. Помимо этого, С.С. Алексеев обращает внимание на специфическое явление, присущее смешанной форме правового института, когда такой институт, имеющий по своей основе государственно-правовую природу, как бы «притягивает» нормы целого ряда отраслей и образует вместе с ними определенное единство¹. Н.А. Сафаров такую характеристику называет *полисистемностью*, то есть специфическим юридическим свойством, когда выдача включает в себя нормы международного и внутригосударственного права, взаимодействующие и взаимно дополняющие друг друга².

Кроме того, выдача относится к *регулятивно-охранительным* институтам права, поскольку его главной утилитарной целью является борьба с преступностью, уголовно-процессуальное значение определяется назначением уголовного судопроизводства, то есть «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» (ст. 6 УПК РФ). Его нормы предусматривают комплекс мер государственно-принудительного воздействия, в том числе репрессивные, включающие в себя задержание, заключение под стражу, ограничение свободы, а также, в случае выдачи, реальную опасность причинения невозместимого вреда, в связи с применением смертной казни, пыток, жестокого бесчеловечного обращения и т.д.³

Выдача имеет признак процедурно-процессуального института⁴, претворяющий в практическую деятельность как международно-правовой

---

¹ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 116-117.

² См. Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. доктора юрид. наук: М., 2007. С. 387-388.

³ См.: Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1978. Вып. XXXII.

⁴ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 118-119.

деятельности, так и уголовно-правовой компонент. Кроме того, выдача входит в состав объединения родственных институтов, регулирующих международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, которое образовалось в результате интеграции соответствующего международного нормативного материала¹.

Правовая природа выдачи, как уголовно-процессуального института и составной части российского уголовного судопроизводства, определяется предметом его правового регулирования, который представляет собой один из механизмов, позволяющий осуществлять производство по уголовному делу даже в случае нахождения субъекта выдачи вне правомочий следователя и суда. Кроме того, применительно к содержанию понятий «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство» понимание выдачи представляется взаимосвязано с тем значением уголовного судопроизводства, которое непосредственно используется в качестве его сущностной характеристики.

А.А. Давлетов выделяет несколько значений уголовного судопроизводства, одно из которых автор определяет, как процессуальную деятельность государственных органов, то есть следственную и судебную практику, а также совокупность норм (правил поведения людей, регулирующих общественные отношения, возникающие в ходе уголовно-процессуальной деятельности². Таким образом, выдача, как часть уголовного судопроизводства, представляет собой: 1) систему нормативных актов (международно-правовых и внутригосударственных) определяющих общие принципы, применимые к процедуре выдачи; 2) набор предписаний, регламентирующих процессуальное поведение компетентных государственных органов по исполнению запросов других государств о выдаче и подготовке запросов о выдаче собственных граждан; 3) нормативно-

---

¹ Быкова Е.В. и Выскуб В.С. обуславливают невозможность отдельного государства внести в норму международного права новое содержание, процессом трансформация норм международного права в нормы национального, в т.ч. глава 54 УПК РФ вобрала в себя положения Парижской, Минской конвенции, протоколов к ним и т.д. См.: Быкова Е.В., Выскуб В.С. Негативное влияние политических процессов на международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 5. С. 8.

² См.: Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство в Российской Федерации. Курс лекций. Издание 2-е. / Екатеринбург, 2013. С. 5. Данный автор рассматривает уголовный процесс в значении: уголовно-процессуальная деятельность, уголовно-процессуальное право, уголовно-процессуальная наука и учебная дисциплина.

закрепленную в уголовном судопроизводстве процедуру обжалования решений компетентных должностных лиц; 4) судебную практику международно-правовых организаций и судов, а также российских судов по рассмотрению дел, связанных с выдачей. Все перечисленное реализуется исключительно в уголовно-процессуальной сфере выдачи, несмотря на то, что основа (правовое основание выдачи и правила) закреплена в системе международных норм, а множество смежных вопросов регулируется уголовным, административным и гражданским правом. К числу иных исключительно уголовно-процессуальных свойств выдачи можно отметить наличие специальных властных полномочий субъекта действовать от имени государства и применять меры государственного принуждения, а также стадийный характер, представляющий собой последовательно сменяющихся друг друга этапов¹.

С технической точки зрения уголовный процесс представляет собой «возникновение, формирование и движение конкретного уголовного дела по стадиям до разрешения дела по существу, а в значительной мере и после его разрешения (если участники процесса не согласны с тем, как оно разрешено)»². Однако вряд ли можно согласиться с таким суждением применительно к выдаче, явно выпадающей из системы стадий уголовного судопроизводства, которая, в зависимости от конечного результата, либо связывает стадии производства по делу (в случае выдачи), либо разрешает дело по существу (в случае отказа).

В структуре УПК РФ выдача является совокупностью процессуальных действий при запросе о выдаче гражданина Российской Федерации из другого государства и относительно обособленной, имеющей признаки самостоятельного производства – при выдаче по запросам иностранных государств.

Условное разделение стадий уголовного процесса на *досудебные* и *судебные* к выдаче не может быть корректно применено, поскольку уголовный процесс Российской Федерации не выделяет досудебный порядок производства по делу в отношении лица, подлежащего выдаче по запросу другого государства, а судебная

---

¹ См.: Давлетов А.А. Указ. соч. С. 7.

² См.: Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. С. 12.

процедура присутствует только в форме судебного контроля. Направление требований о выдаче подозреваемых и обвиняемых лиц из иностранных государств, целиком относится к стадии предварительного расследования. Данные обстоятельства указывают на двойкий процедурный характер.

Некоторые авторы разделяют стадии на: «материально-центричные, которые определяется задачами разрешения вопросов именно материального уголовного права (предъявление обвинения) и процессуально-центричные, когда отдельные стадии выделяются только для того, чтобы решать сугубо процессуальные задачи (заключение под стражу) безотносительно к материально-правовому существу уголовного дела»¹. Разделение выдачи по такому принципу представляется невозможным не только потому, что «чистые» процессуально-центричные стадии характерны для уголовного процесса англосаксонских стран, но и потому, что ни один из уголовно-процессуальных вопросов выдачи не разрешается изолированно от материального права, а вопросы квалификации сопровождают процедуру выдачи на всем ее протяжении. Материально-правовой аспект является неким неизменным ориентиром, который задает стандарты всему процессу выдачи, начиная с задержания субъекта экстрадиции, установления категории и характера преступления, по которому запрашивается выдача (небольшой тяжести, тяжкого, террористического или представляющего угрозу международной безопасности).

Эта стадия является *факультативной* при запросе о выдаче подозреваемых и обвиняемых, скрывшихся на территории других государств, поскольку обусловлена наступлением определенного юридического факта (побега лица, не являющегося осужденным судом с его личным участием²). Что касается рассмотрения запросов иностранных государств о выдаче своих граждан и лиц без гражданства, то он является обособленной и в случае поступления такого запроса – *обязательной*. По этой же классификации стадию выдачи подозреваемого и обвиняемого можно назвать *экстраординарной*, а рассмотрение

¹ См.: Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О.Л. Васильев. Указ. соч. С. 18.

² Сафаров Н.А. разделяет понятия экстрадиция от других видов международно-правового сотрудничества, и считает, что «для таких юридических процедур, как передача обвиняемых международным уголовным трибуналам, передача осужденных стране гражданства для отбывания наказания, передача лиц, согласно Европейскому ордеру на арест, более применимо использование терминов «передача» и «доставка», нежели экстрадиция». Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 387.

требования о выдаче иностранного гражданина или лица без гражданства – *ординарной* для такого рода процедур.

Разделение по принципу унификации и дифференциации¹ также зависит от вида процедуры, поскольку запрос Российской Федерации о выдаче можно отнести к системе *унифицированных* стадий уголовного процесса (в данном случае предварительного следствия), а рассмотрение иностранных запросов образует свою собственную (*дифференцированную*) систему стадий: обязательную в виде экстрадиционной проверки и факультативную (судебное обжалование принятого решения).

Так следует вывод, что *институт выдачи* представляет собой смешанный правовой институт с преобладанием уголовно-процессуального права, для которого характерны свой перечень участников, специальная судебная процедура, порядок оценки доказательств, правовое регулирование вопросов по мере пресечения, обжалованию судебных решений и т.д., содержащий в своей структуре элементы уголовного и международного права, необходимые для реализации его задач. При этом особенности нормативного регулирования выдачи и реализуемая на совокупности нормативных предписаний правоприменительная деятельность и судебная практика вызывают большое количество нареканий по поводу функциональности, и целесообразности существования в таком виде.

Анализ юридической конструкции выдачи как правового института и вывод его принадлежности к числу уголовно-процессуальных институтов указывает на необходимость построения его отдельных элементов (назначения, принципов, процесса и др.) в соответствии с основными принципами уголовного судопроизводства. Однако такое построение представляется скорее идеальным, поскольку в практической деятельности выдача, как правило, осуществляется безусловно при отсутствии оснований для ее отказа. В то же время, функциональное назначение уголовно-процессуального аспекта в экстрадиционном процессе состоит именно в том, чтобы экстраполировать

---

¹ См.: Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др. Указ. соч. С. 21.

принципы уголовного судопроизводства (например, гласность, состязательность и др.) на процесс выдачи.

Как справедливо отмечает И.Л. Честнов, одной из серьезных проблем (сказавшейся, в том числе на доверии к процедурному содержанию экстрадиции – прим. автора), является кризис современного правопонимания, приведший к деконструкции оснований правовой реальности. Под сомнение были поставлены глобальные установки, предполагавшие, что любое развитие, в том числе юридической мысли, представляет собой движение от простого к сложному, от низшего к высшему, однако это привело в итоге к множественности типов правопонимания¹. Юридический позитивизм, который до последнего времени сохранял свои господствующие позиции, уступил другим тенденциям, определившим состояние юриспруденции в XXI в. Пределы управляемости, как острая проблема современного общества, то есть объективная ограниченность возможностей политических органов в условиях современного общества оказывать целенаправленное воздействие с целью получения желаемого результата, не могли не повлиять на эффективность международного сотрудничества. Обосновывая этот тезис, И.Л. Честнов приводит пессимистическое высказывание А. Печчени (1984 г.)²: «самым серьезным препятствием для трудной миссии, которую должно выполнить человечество за этот период, остается абсолютная неуправляемость общества в его нынешнем состоянии. Несмотря на системный характер глобального человеческого общества, для его управления нет ни институтов, ни политической философии»³.

Выдача стала частью уголовного процесса в качестве его самостоятельного института, но не обрела в полной мере его формы и не отвечает основным принципам уголовного судопроизводства. Значительные пробелы содержатся в тех положениях уголовно-процессуального закона, которые ориентированы на защиту личности от необоснованного уголовного преследования. В таком виде

---

¹ Честнов И.Л. Постклассическая теория права / Монография. СПб: Издательский дом «Алеф-Пресс». 2012. С. 31.

² Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные мероприятия / Под ред. Д.М. Гвишиани, М.: УРСС, 1997. С. 101.

³ См.: Там же. С. 37.

выдача представлена в виде норм УПК РФ, формализующих процесс передачи инициатору требуемого к выдаче лица.

§ 2. Регулирование выдачи в современном международном праве

Одним из определений международного права является: «совокупность международно-правовых принципов и норм по регулированию сотрудничества между государствами и международными организациями как субъектами международного права»¹. Часть этих принципов и норм представлены в виде развернутого набора предписаний для целей достижения международного взаимодействия в сфере уголовного права. Система международного права представляет собой совокупность подсистем, каждая из которых «включает в себя множество комплексных институтов, в том числе международное сотрудничество в борьбе с преступностью, частью которого является институт выдачи наряду с правовой помощью по уголовным делам, передачей лиц для отбывания наказания в страну принадлежности и т. д.»².

Основой международного сотрудничества является международный договор, который может иметь разные названия: соглашение, пакт, конвенция, протокол, обмен письмами или нотами и т.д., но, независимо от характера и вида, обладает одинаковой силой и обязателен для исполнения сторонами³. В соответствии с законом⁴ двусторонним договором является международное соглашение, заключенное Россией с иностранным государством (государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или нескольких связанных между собой документах, а также от его конкретного наименования. Сущность или основание выдачи с точки зрения ее реализации по международному праву, приоритетным считает согласительное

¹ Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право: Учебник. М.: Изд-во Эксмо. 2004. С. 4

² См.: Там же. С. 406, 427.

³ См.: Волженкина В.М. Применение норм международного права в российском уголовном процессе. СПб., 1997. С. 6.

⁴ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29, ч. 1, ст. 2757.

основание выдачи. Н.А. Сафаров отмечает, что «в соответствии с анализом общепринятом в международном общении, лицо, скрывающееся от правосудия на территории иностранного государства, может быть передано по запросу соответствующих компетентных властей на основании *международного договора*, либо в соответствии с *национальным законодательством*, либо на основе *принципа взаимности*»¹.

Поводом для выдачи является совершение преступления, то есть условие, согласно которому «до предъявления запроса об экстрадиции по законодательству запрашивающего государства должно быть вынесено решение о возбуждении уголовного дела, предъявлено обвинение, либо вынесен приговор к лишению свободы»². Взаимосвязь юридического факта уголовного преследования и основания выдачи образуют правовую базу международного сотрудничества в сфере выдачи, которое, в свою очередь является составной частью системы норм российского уголовного судопроизводства³. Основание выдачи, независимо от области применения (международной или уголовно-процессуальной), является соглашением двух субъектов международно-правовых отношений. Таким образом, для процесса, проводимого по правилам гл. 54 УПК РФ и внутриведомственных актов, установление основания выдачи будет являться частью предмета разбирательства.

Помимо международных соглашений и норм, составляющих основание выдачи, также применяются международные договоры Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, в силу ч. 3 ст. 1 УПК РФ, являются составной частью законодательства Российской Федерации, регулирующего уголовное судопроизводство. УПК РФ в этой части не применяется отдельно от системы норм международного права, поскольку в ч. 1 ст. 460, ч. 6 ст. 463 УПК РФ и ряде других положений имеется прямая отсылка к ним. Например, часть процессуальных вопросов по ограничению свободы при

---

¹ См.: Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве проблемы теории и практики. Указ. соч. С. 236.

² См.: Там же. С. 50.

³ См.: Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: учебное пособие / В.Ю. Стельмах, А.В. Гусев. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России. 2023. С. 16.

выдаче регулируется многосторонними международными соглашениями, в том числе Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.¹ и Европейской конвенцией о выдаче 1957 г.².

Для целей выдачи система норм международного права имеет различную степень обязательности, поскольку они включают в себя не только источники, признанные общеобязательными на законодательном уровне, но и иные механизмы, которые не имеют приоритета для внутригосударственного права.

Источники международного права, оказывающие непосредственное влияние на российское уголовно-процессуальное законодательство в сфере выдачи, можно условно разделить на две группы. Первые получили закрепление в национальном законодательстве Российской Федерации в виде уголовно-процессуальных норм, и через правотворческие каналы оказывают прямое непосредственное регулирование, например Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 г. от 10 декабря 1984 г.³ (далее по тексту – Конвенция против пыток). Вторые, формально не имеют приоритета перед уголовно-процессуальным законом, но оказывают значительное влияние на российскую правовую систему (например, мораторий на запрет смертной казни в России в соответствии с Протоколом от 16 апреля 1997 г.). Их совокупность образует экстрадиционный уголовный правоприменительный комплекс⁴. Использование международных норм в соответствии с их юридической силой, значением и влиянием на внутригосударственное право, позволяют применять правила уголовного судопроизводства, сформулированные как в УПК РФ, так и в международных договорах Российской Федерации.

---

¹ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 1995 г. № 17. Ст. 1472. Далее – Минская конвенция.

² См.: Европейская конвенция о выдаче 1957 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000 г. № 23. Ст. 2348. Далее – Парижская конвенция.

³ Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 36, ст. 4465.

⁴ См.: Козубенко Ю.В. Значение источников международного права в структуре уголовного правоприменительного комплекса // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 78.

Помимо выдачи в рамках *международного договора*, экстрадиция может осуществляться на основе *принципа взаимности (du ut des)*¹. Он подразумевает, возможность государств ожидать, что в аналогичной ситуации они выдадут друг другу обвиняемых лиц для осуществления уголовного преследования или исполнения приговора, передадут осужденных лиц для отбывания наказания². Однако применение принципа взаимности в качестве нормативно-правовой основы выдачи, возможно только в том случае, если он «закреплен в многостороннем или двустороннем договоре сотрудничающих сторон либо в национальном законодательстве, регулирующем принципы, основания и механизмы оказания правовой помощи по уголовным делам»³.

Особое значение принципу взаимности придается на уровне закрепления в системе внутригосударственного правового регулирования, при этом каждое государство устанавливает свои правила и принципы. Например, в КНР реализация принципа взаимности обеспечивается примером взаимности со стороны другого государства, в противном случае выдача не производится⁴.

Внутригосударственное право Российской Федерации допускает принцип взаимности в соответствии с ч. 2 ст. 63 Конституции РФ. Соответственно, правила ч. 1 ст. 460 УПК РФ, непосредственно закрепляющие возможность выдачи на основании принципа взаимности, позволяют применять его в отсутствие двустороннего или многостороннего договора. Например, в отсутствие у России договоров о выдаче с рядом стран (Гана, Камбоджа, Канада, Парагвай, США, ЮАР и др.)⁵, принцип взаимности может быть применен, поскольку эти

---

¹ К.К. Клевцов определяет принцип взаимности как акт доброй воли (вежливости) одного государства оказать необходимую помощь другому государству, при условии, что последнее в подобной ситуации окажет такую же помощь. См.: Клевцов К.К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации: Указ. соч. С. 19.

² Долгих Т.Н. Экстрадиция. Понятие и порядок ее осуществления // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Щерба С.П. Международное сотрудничество России в сфере выдачи лиц для уголовного преследования на основе принципа взаимности // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 4. С. 4.

⁴ Арямов А.А., Чигак А.А. Отчет о конференции «Международная выдача лиц, совершивших преступление» // Известия высших учебных заведений. Уральский регион: ИзЛит (Челябинск). 2016 (4). С. 169.

⁵ См.: Щерба С.П. Указ. соч. С. 6.

государства практикуют принцип взаимности на уровне внутригосударственного права¹.

Однако имеются и так называемые «государства без экстрадиции». Специфический характер выдачи в Великобритании не позволяет отнести данное государство к таковым, поскольку оно является участником большинства международных конвенций по борьбе с преступностью, а также Парижской конвенции. Тем не менее, британскими юристами, в случае поступления запроса о выдаче, практикуется ведение судебных тяжб, которые всегда затягиваются на долгие годы, а запрашиваемые к выдаче лица всегда остаются на территории Великобритании, получив там статус беженца или какой-либо другой статус². Кроме того, имеются государства, не практикующие выдачу как таковую, например, Белиз, Тринидад и Тобаго, Соломоновы острова, Сент-Китс и Невис и др., являющиеся оффшорными зонами, которые таким образом привлекают потоки денежных средств³.

Основной объем экстрадиционных норм составляют международные двусторонние или многосторонние договоры. А.И. Бойцов систематизирует нормы международного права, на которых осуществляются экстрадиционные правоотношения следующим образом: «1) двусторонние договоры о выдаче; 2) многосторонние экстрадиционные соглашения – конвенции субрегионального или регионального масштаба; 3) двусторонние и многосторонние договоры о правовой помощи, в которых содержатся специальные разделы об обеспечении выдачи – многоформатные договоры о правовой помощи; 4) региональные и глобальные договоры о борьбе с преступлениями международного характера, содержащие положения о выдаче – конвенции о борьбе с отдельными видами преступлений международного характера; 5) договоры о борьбе с международными преступлениями, содержащие положения об экстрадиции, то

---

¹ например, экстрадиция С. Полонского в Россию из Королевства Камбоджа 17 мая 2015 г. реализована на основании принципа взаимности. Адвокат: Экстрадиция Полонского – жест доброй воли Камбоджи // [Электронный ресурс] URL: <https://life.ru/p/154056> (дата обращения: 11.09.2022).

² Страны без экстрадиции. Адвокат. Юридический портал // [Электронный ресурс] URL: <https://ukproton.ru/huliganstvo/strany-bez-ekstraditsii-kakie-gosudarstve-ne-vydayut-po-zaprosu.html> (дата обращения: 22.05.2021).

³ См.: Там же.

есть институт выдачи лиц, виновных в преступлениях против мира и безопасности человечества, неразрывно связанный с созданием механизма международной уголовной юстиции; б) межправительственные и межведомственные соглашения, которыми вопросы выдачи по существу не решаются, а оговариваются вопросы антикриминального сотрудничества компетентных органов с целью выявления, пресечения и раскрытия преступлений»¹.

Двусторонние договоры являются наиболее распространенным видом международного сотрудничества в данной сфере. Текстовое содержание таких договоров, независимо от участников, является схожим по причине их формулирования на основании типового договора², к числу таких следует отнести договор между Российской Федерацией и Республикой Индия о выдаче от 21 декабря 1998 г., заключенный в Дели³. Положения этого договора предусматривают императивные основания для отказа в выдаче⁴, рекомендованные в ст. 3 Типового договора, для включения в каждый международный договор о правовой помощи, к которым относятся уголовное преследование за преступления политического характера, угрозы преследования по признаку расы, вероисповедания, гражданства и т.д., «если преступление является военным, но не является таковым согласно обычному уголовному праву», в случае «осуждения в запрашиваемом государстве за правонарушение, в отношении которого поступила просьба о выдаче», и другие основания, которые в структуре договора содержат императивные и факультативные запреты выдачи.

Необходимо отметить, что прим. 11 и 14 к Типовому договору ориентированы на особенности правовых систем некоторых государств, которые по своему усмотрению могут дополнить соглашение основаниями отказа в выдаче в зависимости от назначения уголовного судопроизводства и его принципов. К

---

¹ Бойцов А.И. Указ. соч. С. 31.

² Типовой договор о выдаче утвержден на 68-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1990 года. См.: Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк: ООН, 1992. С. 56-57.

³ Федеральный закон от 8 апреля 2000 г. № 48-ФЗ «О ратификации договора между Российской Федерацией и Республикой Индией о выдаче» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 15, ч. 1, ст. 1536.

⁴ См.: Саматов О.Ж. Правовая помощь и иные формы правового сотрудничества стран СНГ // Право и политика. 2005. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

таким относится отказ в выдаче, если, в соответствии с доказательственным правом запрашивающего государства «нет достаточного доказательства того, что лицо, чья выдача запрашивается, является стороной правонарушения» (сноска 11). А также для стран, требующих судебной оценки достаточности доказательств, предлагается положение о достаточности доказательств в «приемлемой для законодательства запрашиваемого государства форме, устанавливающее согласно доказательственным нормам этого государства, что данное лицо является стороной правонарушения» (сноска 14).

Соответственно государства, чье внутреннее право предусматривает правило *prima facie*¹, имеет право включить соответствующее положение в двусторонний договор, однако это положение в меньшей степени относится к правилам выдачи по договорам Российской Федерации².

Типовой договор предусматривает и вопросы заключения под стражу для целей экстрадиции. Срок ареста предлагается 40 дней до поступления просьбы о выдаче (п. 4 ст. 9). Такой срок взят за основу большинства *моделей выдачи*³ для определения периода, в течение которого запрошенное к выдаче лицо может содержаться под стражей до поступления запроса о выдаче.

Двусторонние договоры о выдаче составляют основную массу международных экстрадиционных соглашений, а некоторые страны, например США, не являются участниками многосторонних соглашений об экстрадиции и вопросы оказания правовой помощи реализуют только в рамках двусторонних договоренностей⁴. Кроме того, некоторые двусторонние договоры СССР сохраняют свое действие в первоначальном виде и имеют равную значимость по

---

¹ букв. перевод – на первый взгляд (лат), стандарт доказывания, применяемый в различных отраслях права, в том числе уголовно-процессуальном, при котором демонстрируются доказательства, не имеющие предустановленной силы, но демонстрирующие правоту стороны в достаточной степени вероятности своей позиции по делу. См. Панов А.А., Калинин М.С. Российская арбитражная реформа: два года спустя. Анализ вопросов, поставленных в судебной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 88.

² одной из тенденций развития законодательства Российской Федерации является «расширение прав лиц, в отношении которых имеются данные о причастности к совершению преступления, которая отражает и в значительной мере вызвана присоединением России к международным договорам о правах человека». См.: Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др. Указ. соч. С. 492.

³ Абдуллоев П.С. Эволюция модели выдачи лиц в рамках международного сотрудничества по уголовным делам // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2018. № 1. С. 53.

⁴ См.: Арямов А.А., Чигак А.А. Указ. соч. С. 168.

отношению к последующим, если иное не указано в тексте самого договора¹, закона, регулирующего выдачу. Однако применение осложняется тем, что их содержание существенно отличается от договоров, заключенных и ратифицированных после 2002 г. когда положения о выдаче двусторонних договоров верифицировалось с нормами введенного в действие УПК РФ.

К примеру, договор о выдаче между Российской Федерацией и КНР, заключенный в г. Москве 26 июня 1995 г.,² не предусматривает возможность отказа в выдаче по правилу уголовного преследования за политические преступления. Вместе с тем, он содержит императивные положения об отказе в выдаче, если лицу, «в отношении которого поступила просьба о выдаче, в запрашиваемой договаривающейся стороне предоставлено право убежища» (п. 2 ст. 3). По договору с Китаем выдача не допускается, если имеется запрет по законодательству запрашиваемой договаривающейся стороны (п. 6 ст. 3). Во взаимосвязи со ст. 12 Федерального закона от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах»³, несмотря на отсутствие запрета, приведенные нормы позволяли применять правило невыдачи за политические преступления.

Заслуживают внимания ряд характеристик договора о выдаче с КНР. Во-первых, в нем прописаны правила *двойного вменения* (выдача за уголовно-наказуемое деяние по законодательству обеих стран к лишению свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание) и *специализации* (без согласия запрашиваемого государства выданное лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности или подвергнуто наказанию за преступление, не являвшееся основанием выдачи). Во-вторых, договор предусматривает основание отказа, «если выдача не отвечает принципу гуманности ввиду возраста, состояния здоровья или других личностных обстоятельств этого лица». Тем самым, данный договор содержит нормы, которые до настоящего времени не стали составляющей

---

¹ См.: Гриненко А.В. Практика международного сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 2. С. 3.

² Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой – заключен в г. Москве 26 июня 1995 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901091> (дата обращения: 19.05.2022).

³ См.: Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» // Рос. газета. 1997. № 12. Ст. 425.

частью УПК РФ¹, а именно, правовой механизм, аналогичный освобождению от наказания в связи с болезнью².

В договоре с КНР сформулирован принцип обязанности уголовного преследования в случае отказа в выдаче *aut dedere aut judicare*, то есть, если последовал отказ в выдаче по причине принадлежности лица к гражданству запрашиваемой стороны, то такая сторона на основании просьбы запрашивающей стороны возбуждает против такого лица уголовное преследование в соответствии со своим законодательством. Возможность применения этого правила обсуждалась при решении вопроса о выдаче Н.М. Шапенкова, россиянина, совершившего преступление на торговом судне, ошвартованном у причала судоремонтного завода Шанхая, ходившего под флагом Сент-Винсента и Гренадин. 21 сентября 2006 г. Народный суд Шанхая постановил, что выдвинутое Россией требование соответствует условиям экстрадиции, установленным договором от 26 июня 1995 г. и внутреннему законодательству КНР. Это решение вступило в силу после одобрения Верховным народным судом КНР. Помимо того, что вопрос о выдаче был разрешен в сложных условиях, связанных с территориальной подсудностью (преступление совершено российским гражданином в отношении своего соотечественника на территории КНР, на судне под флагом третьего государства), он является первым в Китае судебным вердиктом об экстрадиции подозреваемого в Российскую Федерацию³.

Взятые для примера аналогичного порядка положения двусторонних договоров о выдаче с Федеративной Республикой Бразилией, заключенного в г. Москве 14 января 2002 г.⁴ и с Республикой Эквадор, заключенного в г. Москве 7

---

¹ См.: Законопроект предлагал дополнить уголовно-процессуальный закон факультативным основанием отказа в выдаче, если имеются основания полагать, что выдача может повлечь серьезные осложнения по причине его преклонного возраста или состояния здоровья. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в части совершенствования процедуры выдачи // [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/67509-7> (дата обращения: 19.05.2022).

² в соответствии с ч. 2 ст. 81 УК РФ лицо, заболевшее после совершения преступления тяжелой болезнью, препятствующей отбыванию наказания, может быть освобождено судом от отбывания наказания.

³ См.: Выдача Китаем российского гражданина. Russian people.cn // [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7573734.html> (дата обращения: 30.05.2020).

⁴ Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 99-ФЗ «О ратификации договора между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией о выдаче» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27, ч. 2, ст. 2713.

августа 2019 г.¹, несколько отличаются от предыдущего примера, в том числе, в части подстройки международных норм под внутригосударственное право, содержащее положения о выдаче.

В каждом международном договоре, так или иначе, обсуждается соотношение составов преступлений договаривающихся государств, которые могут существенно различаться по уголовному закону стран – участниц. Помимо правила двойного вменения о взаимной уголовной наказуемости, в международных соглашениях иногда оговариваются проблемы разрешения юридической квалификации некоторых преступлений. Например, в договоре с КНР указано, что не имеет значения юридическая квалификация и терминологическое обозначение деяния, если оно является преступлением по законодательству обоих государств (ч. 3 ст. 2). Представляется, что стороны в договоре предлагают исходить из фактической сути тех уголовно-наказуемых действий, которые инкриминируются запрашиваемому лицу. Однако такое положение способно создать проблемы правоприменительного характера. Например, юридические конструкции преступлений экономического характера могут различаться со схожими составами преступлений, которые считаются уголовно-наказуемыми в других странах. Для уголовного судопроизводства Российской Федерации имеет значение специальный порядок производства по ряду дел, например, «частно-публичного обвинения, предусмотренным ст. 159 ч. 1 – 4, 159.1 – 159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, 176 ч. 1, 177, 180, 185.1, 201 ч. 1 УК РФ², совершенных субъектами предпринимательской деятельности»³, «которые возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, а отсутствие такого заявления является обстоятельством, исключающим производство по уголовному делу»⁴. Соответственно порядок, предусмотренный в заинтересованном

---

¹ Федеральный закон от 9 ноября 2020 г. № 358-ФЗ «О ратификации договора между Российской Федерацией и Республикой Эквадор о выдаче» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 46, ст. 7202.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 декабря 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996 г. № 25. Ст. 2954. Далее – УК РФ.

³ Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 49, ст. 6752.

⁴ См.: Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. С. 38.

государстве, может различаться не в пользу выдаваемого лица. Проблема квалификации деяний и порядок производства по некоторым категориям преступлений потребовали дальнейшего развития в последующих двусторонних договорах, заключенных с участием России.

Так, договор о выдаче с Федеративной Республикой Бразилией 2002 г. уже предусматривал специальное условие о выдаче за преступления финансового характера, включая дела, касающиеся налогов, таможенных пошлин, валютного регулирования и других вопросов, связанных с государственными финансами. Оговаривалось, если деяние, в связи с которым поступил запрос о выдаче, является преступлением по законодательству запрашиваемой стороны, в выдаче не может быть отказано на том основании, что законодательство запрашиваемой стороны не предусматривает такой же налог или пошлину, или не имеет фискального, тарифного, таможенного или валютного регулирования, аналогичного законодательству запрашивающей стороны (ст. 4). В договоре о выдаче с Республикой Эквадор 2020 г. это положение допускает экстрадицию за преступления, касающиеся «иных финансовых вопросов», значительно расширив сферу выдачи даже по сравнению с предыдущим договором.

Присутствует различный подход к формулировке правила двойного вменения в УПК РФ и международных документах Российской Федерации. В приведенных выше договорах выдача допускается «за совершение уголовных преступлений, влекущих наказание на срок *не менее одного года* или более тяжкое преступление», в то время как п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ допускает выдачу «за преступления, влекущие наказание в виде лишения свободы на срок *свыше одного года* или более тяжкое наказание, то есть в законе имеется противоречие, подлежащее устранению»¹.

---

¹ Проект внесения изменений 67509-7 предлагал в формулировку пункта 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ слова «свыше одного года» заменить словами «от одного года». См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ // [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/67509-7> (дата обращения: 12.10.2020).

Претерпело определенную корректировку и правило *исключения политических преступлений*¹, которое в договоре с Федеративной Республикой Бразилия выражено максимально конкретно в ч. 4 ст. 6 и предусматривает его ограничение за счет того, что «ссылка на политические цели или мотивы не может препятствовать выдаче, если деяние, послужившее основанием для запроса о выдаче, представляет собой нарушение обычного уголовного законодательства, является покушением на жизнь главы государства или главы правительства или членов их семей, является террористическим актом, геноцидом, военным преступлением и т.д., то есть максимально ограничило сферу применения правила исключения политических преступлений».

Кроме того, приведенная формулировка не в полной мере соответствует положениям УПК РФ, позволяющим шире толковать правило исключения политических преступлений. Напротив, в договоре с Республикой Эквадор, данный запрет приведен в пункте б) ч. 1 ст. 3 и предусматривает «запрет выдачи в случае, если у запрашиваемой стороны имеются достаточные основания полагать, что запрос о выдаче представлен с целью преследования или наказания лица по признаку пола, вероисповедания, расы, национальности, гражданства или в связи с его политическими убеждениями либо этому лицу может быть нанесен ущерб по любой из этих причин».

Особенности приведенных договоров обусловлены практикой рассмотрения дел Межамериканским судом по правам человека², который ежегодно устанавливает значительное количество нарушений прав человека при реализации экстрадиционных правоотношений, и в целом, каждый двусторонний договор стран – участниц Межамериканского соглашения ориентирован на особенности государства – партнера в сфере международных отношений³.

---

¹ правило исключения политических преступлений используется Н.А. Сафаровым в качестве подхода, основанного на ограничении выдачи за политические преступления, поскольку если бы государство, предоставляющее убежище преследуемым иностранным подданным на своей территории, не гарантировало бы им правовой защиты от выдачи и высылки, это подорвало бы доверие к праву убежища. См.: Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 98.

² Парра Вера О., Тарре Мосер П. Обзор судебной практики Межамериканского суда по правам человека за 2015 год // Международное правосудие. 2016. № 2. С. 4.

³ См.: Там же. С. 9.

Необходимо отметить, что для целей выдачи система международных соглашений не выстраивает иерархию оснований выдачи, подлежащих применению в порядке их приоритета, отсутствие которой является показателем принадлежности выдачи к сфере уголовно-процессуального права, в котором будет применяться тот международный договор, положения которого в большей степени улучшают положение выдаваемого лица. В то же время ряд международных договоров сформирован под влиянием «позитивного отношения к обеспечению прав личности и основополагающих документов, определивших международные стандарты защиты прав человека и учредивших институциональные механизмы их обеспечения»¹. Предполагается, что применение таких оснований ориентировано на «правовые категории, нормативно закрепленные с помощью различного юридического инструментария и имеющие соответствующую «опеку» как внутригосударственного, так и международного характера»².

Первой в списке значимости следует выделить Парижскую конвенцию, определившую экстрадиционные стандарты континентальной правовой традиции. Представляется, что успех этого многостороннего соглашения связан с тем, что на момент принятия и ратификации первыми участниками Парижская конвенция в правильном соотношении воплотила в себе основные достижения международного права в его взаимосвязанных положениях о противодействии преступности и соблюдении прав индивида.

Думается, что главным ценностным аспектом Парижской конвенции для уголовно-процессуального закона является обобщение и закрепление основных правил выдачи: невыдачи собственных граждан (ст. 6), двойной преступности (ст. 2), исключение политических преступлений (ст. 3), специализации, или правила конкретности (ст. 14). В Конвенции содержатся минимальные разъяснения, которые позволяют их применить с учетом особенностей национального законодательства. Например, правило исключения политических преступлений

---

¹ Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы практики / М.: Волтерс Клувер. Указ. соч. С. 117.

² См.: Там же. С. 118.

приведено в таком виде, что не должно противоречить ни одной трактовке внутригосударственного права какого-либо государства-участника и должно определяться компетентными органами запрашиваемой стороны на предмет политического преступления или в качестве преступления, связанного с политическим преступлением. Конвенция не позволяет считать политическим преступлением убийство или попытку убийства главы государства или членов его семьи, соотносит запрет выдачи по такому правилу со случаями судебного преследования или наказания лица в связи с его расой, религией, национальностью или политическими убеждениями¹.

Некоторые аспекты Парижской конвенции существенным образом влияют на положения российского внутригосударственного права о выдаче. Первым, как отметил Н.А. Сафаров, является отсутствие в Конвенции положений, обязывающих выдавать беглых преступников², кроме того, отсутствуют нормы, предусматривающие обязанность уголовного преследования лиц, в отношении которых последовал отказ в выдаче, в том числе по причине принадлежности к гражданству договаривающегося государства (государства, где находится запрашиваемое лицо), а «экстрадиция относится к числу тех процедур, обязательства по осуществлению которых основывается только на договорах»³. Считается, что при ратификации этой конвенции рядом государств были сделаны оговорки, которые допускают отказ или задержку выдачи на неопределенный срок⁴, вследствие этого многие базовые положения потеряли реальную силу.

Другим элементом, осложняющим выдачу по правилам УПК РФ, является отсутствие четкого понимания критерия проверки обоснованности уголовного преследования лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче. Конвенция не предусматривает таких положений, которые должны учитываться

---

¹ Это правило было расширено Дополнительным протоколом от 15 октября 1975 г., исключившего из политических преступления против человечества, военные преступления (нарушения), предусмотренные Женевскими конвенциями 1949 г., и любые сравнимые нарушения законов войны (ст. 1). См.: Дополнительный протокол к Европейской конвенции о выдаче (подписан в Страсбурге 15 октября 1975 г. // Бюллетень международных договоров. 2000. № 9. Ст. 12-14, 31-34.

² Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 23.

³ См.: Там же. С. 24.

⁴ Анализ международных договоров и российского законодательства в сфере передачи осужденных и экстрадиции: учебное пособие / А.В. Степанов [и др.]. Пермь: ФКОУ ВПО Пермский институт ФСИН России. 2014. С. 14.

внутригосударственным правом. А.А. Малов полагает, что правило *запрета на расследование* иностранным государством обстоятельств совершения преступления, послужившего основанием для направления запроса об экстрадиции, является реализацией государственного суверенитета на осуществление правосудия¹, а процедура выдачи не предназначена для определения обоснованности уголовного преследования в отношении запрашиваемого лица, что является и остается исключительной компетенцией надлежащих судебных органов запрашивающего государства. В свою очередь практика ЕСПЧ допускает возможность привлечения к ответственности государство, которое решит выдать лицо, если оно рискует подвергнуться жестокому обращению в запрашивающей стране². Таким образом, содержание Европейской конвенции о выдаче и практика ее применения во взаимосвязи с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод создает двойные стандарты, касающиеся проверки обоснованности уголовного преследования запрашиваемого лица, юридически такую проверку не допускающую, а фактически требующую ее проведения в каждом случае. Исследования последних лет упоминают обязанность государства, обратившегося с требованием о выдаче предоставить убедительные доказательства совершенного преступления в качестве неотъемлемого элемента экстрадиционного процесса³, с ремаркой, что такая обязанность чаще имеет отношение к запросам Российской Федерации, ввиду «недоверия российским правоприменителям, российской правовой и судебной системам»⁴.

Определенную сложность в применении Парижской конвенции создают положения о временном задержании (ст. 16), которые не предусматривают разграничение на задержание подозреваемого и избрание меры пресечения. Эти категории объединены в конвенции в одно понятие – *временное задержание*,

---

¹ Малов А.А. Эволюция правозащитной функции института экстрадиции // Законность. 2020. № 9. С. 50.

² на основании дела: «Soering v. the United Kingdom» (выдача в нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с выдачей заявителя за тяжкое преступление, караемое смертной казнью). См.: Малов А.А. Указ. соч. С. 24-25.

³ См.: Анализ международных договоров и российского законодательства в сфере передачи осужденных и экстрадиции: учебное пособие / А.В. Степанов. Указ. соч. С. 12.

⁴ См.: Там же. С. 15.

которое можно воспринимать как меру пресечения¹. Эти нормы Конвенции не согласуются с УПК РФ, где понятие задержания и меры пресечения являются различными процедурами.

Особенностью Конвенции является изложение основных, базовых принципов выдачи, совокупность которых допускает экстрадицию при соблюдении гарантий прав выдаваемого лица и явным перевесом частных интересов над публичными, с отнесением всех специальных вопросов к ведению внутригосударственного права. Возможно, главным посылом этой конвенции, принятой хронологически раньше других универсальных документов подобного рода, является последующая «подгонка» внутригосударственного закона стран-участниц, регламентирующего выдачу именно по базовым правилам, приведенным в этой конвенции. Таким образом, ее главной ценностью следует признать историческую, поскольку она является первым документом, в котором экстрадиционные принципы были собраны вместе, в том виде, в котором они могли применяться в совокупности с внутригосударственным правом практически любого европейского государства. Однако представляется, что излишне общий характер положений Конвенции проигрывает современным двусторонним соглашениям, в которых более подробно оговорены поводы, условия и обстоятельства выдачи².

Для России наиболее важным международным документом о правовой помощи и примерным многосторонним многоформатным договором, регулирующим различные виды международного сотрудничества, является Минская конвенция, участниками которой являются страны, вошедшие в Содружество Независимых Государств. Структура Минской конвенции во многом повторяет содержание договоров о правовой помощи, которые были заключены СССР со странами – участниками Варшавского договора. Примером является договор между СССР и Народной Республикой Албанией об оказании правовой помощи по гражданским, семейно-брачным и уголовным делам,

---

¹ См.: Середа Е.В. Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью: проблемы и пути их решения // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. Вып. 2 (831). 2019 С. 219.

² См.: Анализ международных договоров и российского законодательства в сфере передачи осужденных и экстрадиции: учебное пособие / А.В. Степанов. Указ. соч. С. 15.

подписанный в г. Москве 30 июня 1958 г.¹ Общим элементом таких соглашений является раздел об обязанности «по требованию другой стороны уголовного преследования в соответствии с национальным законодательством против своих граждан, подозреваемых в том, что они совершили на территории другой стороны преступление, влекущее выдачу» (ч. 1 ст. 54). В Минской конвенции аналогичное положение (ч. 2 ст. 72) дополнено обязанностью «принимать к рассмотрению гражданско-правовые требования лиц, понесших ущерб от преступления, которые при наличии их ходатайства о возмещении ущерба рассматриваются в данном деле». Положения об обязанности уголовного преследования лиц, не подлежащих выдаче, также предусмотрены договором о правовой помощи с Латвийской Республикой, не ставшей участником СНГ².

Минскую конвенцию можно считать моделью многостороннего соглашения об экстрадиции, которая «регулирует отношения стран, тесно связанных геополитически, по-прежнему имеющих значительное сходство в национальных законодательствах и в построении систем правосудия, схожести в разрешении уголовно-процессуальных аспектов, например, в вопросах задержания и заключения под стражу»³. Это в значительной степени облегчает «реализацию отношений в решении вопросов экстрадиции, уменьшает число возникающих в этом процессе правовых коллизий»⁴. Несмотря на то, что системы правосудия государств изменяются, в них появляются различия, сохраняется потенциал на продолжение взаимодействия государств-участников, при этом Минская конвенция применяется в Российской Федерации чаще, чем другие основания выдачи.

Взаимоотношения участников Минской конвенции продолжают совершенствоваться в сфере борьбы с преступностью. К примеру, изменения,

---

¹ Договор между СССР и Народной Республикой Албанией об оказании правовой помощи по гражданским, семейно-брачным и уголовным делам // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 10. Ст. 72.

² Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Риге 03 февраля 1993 г.) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 10. С. 45-67.

³ См.: Куралбаева Г.А. Основные конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам в рамках СНГ // Современные проблемы права, экономики и управления. № 1(6). 2018. С. 66.

⁴ См.: Там же.

внесенные Протоколом, подписанным в г. Москве 28 марта 1997 г.,¹ дополнили конвенцию ст. 61.1 о розыске лица до получения требования о выдаче, производимого по поручению договаривающейся стороны до получения требования о его выдаче при наличии оснований полагать, что это лицо может находиться на территории запрашиваемого государства. Это положение выделило Минскую конвенцию из числа прочих, обеспечив самостоятельный элемент экстрадиционного процесса и новый вид правовой помощи по созданию специального органа², практикующего *межгосударственный розыск* в рамках государств-участниц содружества³, предусмотренный ч. 5 ст. 108 УПК РФ.

Наряду с Минской конвенцией приобретает все большую значимость для стран, бывших республик СССР Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г., заключенная в г. Кишиневе⁴. По сравнению с Минской конвенцией, она содержит большее количество оснований для отказа в выдаче. С 27 апреля 2004 г. эта конвенция вступила в силу, с 15 января 2008 г. для Беларуси, Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Армении, Таджикистана. Российской Федерацией данный документ ратифицирован только в конце 2021 г.⁵

Еще один многосторонний многоформатный договор – Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма, подписанный в г. Екатеринбурге 16 июня 2009 г.⁶ получил свое начало на Шанхайском саммите

---

¹ Дополнительный протокол к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 4. Ст. 224.

² См.: Вагин П.А. Розыск лиц, скрывшихся от следствия и суда на территории содружества независимых государств: проблемы и пути их решения // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 4(34). 2015. С. 152.

³ Указ Президента Российской Федерации от 13 июля 2016 г. № 332 «О компетентных органах Российской Федерации, осуществляющих сотрудничество в рамках Договора государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 29. Ст. 4798.

⁴ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Кишинев 7 октября 2002 года // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/901898597> (дата обращения: 12.09.2022). Далее - Кишиневская конвенция.

⁵ Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 452-ФЗ «О ратификации конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 2, ч. 1, ст. 21.

⁶ Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июня 2009 г. № 466 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 25, ст. 3086.

2001 г., где была принята Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. По инициативе КНР терроризм, сепаратизм и экстремизм определены как «три зла», которые препятствуют нормальной экономической деятельности территорий, где сходятся географические интересы стран Шанхайской организации сотрудничества¹. В документе дается определение этим явлениям и оговаривается, что стороны «осуществляют сотрудничество в области предупреждения, выявления и пресечения». Примечательно, что именно китайская сторона инициировала процесс демаркации и демилитаризации границ, «принимая меры к тому, чтобы в соседних странах не нашли убежища уйгурские сепаратисты², а также наряду с Россией выступила одним из инициаторов такого соглашения. Ст. 11 Шанхайской конвенции предусматривает вопросы выдачи и передачи осужденных, которые освещены лишь в общих чертах и отсылают к законодательству о выдаче запрашиваемой стороны. Преступления, которые подпадают под действие этой конвенции, каждое государство-участник устанавливает самостоятельно. Выдача производится в случае, «если 1) преступление было направлено или привело к совершению террористического акта на территории или в отношении гражданина этого государства; 2) преступление было направлено или привело к совершению террористического акта в отношении объекта этого государства за рубежом, включая помещения дипломатических представительств и консульских учреждений; 3) преступление было направлено или привело к совершению террористического акта с целью принудить это государство к совершению или несовершению каких-либо действий; 4) преступление совершено лицом без гражданства, постоянно проживающим на территории этого государства; 5) преступление совершено на борту судна, эксплуатируемого этим государством».

Соглашением о борьбе с международными преступлениями с большим количеством участников является Конвенция против транснациональной

---

¹ Далее – ШОС.

² См: Дмитриева М.О. Сотрудничество России и Китая в рамках ШОС // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV международной научно-практической конференции. Благовещенск. Издательство БГПУ. 2014. С. 447.

организованной преступности, принятая в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г.¹ Особенностью является возможность использовать ее в качестве международного основания выдачи государствами, которые не имеют двустороннего договора о выдаче, но являются участниками этой конвенции (ст. 16).

Другими специальными межгосударственными соглашениями по борьбе с отдельными видами преступлений международного характера являются: Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г.², Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г.³. Они содержат положения о выдаче, и их участником является Российская Федерация.

Отсутствие иерархии соглашений влечет конкуренцию в применении основания выдачи. Как правило, каждое государство является участником нескольких соглашений, регулирующих выдачу. В том случае, когда между двумя государствами имеется несколько соглашений, которые могут быть применены в качестве основания выдачи, возникает закономерный вопрос о том, какое из них будет являться надлежащим. К примеру, у России имеется двусторонний договор с Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанный в г. Москве 22 декабря 1992 г.⁴. В то же время Российская Федерация и Азербайджанская Республика являются участниками Минской конвенции, Парижской конвенции, а также ряда многосторонних специальных соглашений, например Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, предусматривающей вопросы выдачи (ст. 6). При наличии такого количества соглашений, закономерно возникнет вопрос о том, какое из них должно

---

¹ Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15 ноября 2000 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40, ст. 3882.

² Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20 декабря 1988 г.) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994. С. 133-157.

³ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (заключена в г. Нью-Йорке 15 декабря 1997 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 4, ст. 224.

⁴ Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 22 декабря 1992 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 18, ст. 1598.

применяться в том случае, если скрывшееся лицо будет обвиняться в совершении преступления в сфере незаконного оборота наркотиков?

А.И. Бойцов пишет, что при разрешении данного вопроса между собой соотносятся «экстрадиционные соглашения, другие антикриминальные конвенции, двусторонние и многосторонние экстрадиционные соглашения, при этом многосторонние соглашения о противодействии преступлениям международного характера по отношению к специализированным экстрадиционным договорам носят дополнительный характер»¹. Данный автор ссылается на положения ст. 30 Конвенции о праве международных договоров, заключенной в Вене 23 мая 1969 г.², регулирующей на международном уровне применение «последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу». Например, в соответствии с этим положением, Кишиневская конвенция как последующий договор будет иметь преимущественное значение для сторон по сравнению с Минской конвенцией. Он же отмечает, что Парижская конвенция в п.п. 1 и 2 ст. 28 содержит положения о «преимущество перед любыми двусторонними договорами, конвенциями или соглашениями, которые участники могут заключать между собой только для того, чтобы дополнить положения или облегчить применение содержащихся в ней принципов». Однако п. 3 ст. 28 Конвенции допускает экстрадицию «независимо от ее положений, если она осуществляется на основе единообразных норм договаривающихся государств». На основании этого положения участники Минской конвенции применяют ее положения о выдаче, которые вполне согласуются с прагматическим подходом³, основанном на общей заинтересованности всех членов определенного международного блока в быстрейшем отправлении правосудия.

Не в полной мере соглашаясь с этим суждением, представляется, что приоритетным аспектом выбора основания выдачи будет выступать критерий соблюдения прав выдаваемого лица. Такие обстоятельства могут являться

---

¹ Бойцов А.И. Указ. соч. С. 61.

² Венская Конвенция о праве международных договоров (заключена в г. Вене 23 мая 1969 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1988 г. Выпуск XLII.

³ А.И. Бойцов в качестве такого примера приводит Конвенцию о выдаче Лиги арабских государств 1952 г. См. Бойцов А.И. Указ. соч. С. 62.

предметом уголовно-процессуального регулирования. В соответствии с ч. 3 ст. 1 УПК РФ «международные договоры Российской Федерации являются составной частью законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство, если возникает коллизия между уголовно-процессуальным законом и международным договором, то по общему правилу применяются правила международного договора». Это применимо к делам, где основания отказа в выдаче могут регулироваться как ст. 464 УПК РФ, так и положениями конкретного международного договора, а выбор основания может стать предметом судебного разбирательства в том случае, если компетентные органы запрашивающего государства руководствуются основанием выдачи, которое ставит заинтересованное лицо в менее защищенное положение. Например, выдача за преступление, которое в запрашивающем государстве наказуемо смертной казнью может быть основанием отказа в выдаче согласно ст. 11 Парижской конвенции, однако Минская конвенция не предусматривает такого основания. В то же время Кишиневская конвенция, по сравнению с Минской «содержит больший перечень оснований отказа в экстрадиции (11 оснований), которые предусмотрены в целях обеспечения прав лиц, подлежащих экстрадиции»¹.

Таким образом, в системе оснований выдачи преимущественное значение имеют многосторонние конвенции и двусторонние договоры, дополнением к которым служат специальные соглашения о противодействии наиболее опасным видам преступлений. Остальные соглашения по отношению к ним носят вспомогательный характер. При выборе основания выдачи учитывается последовательность заключенных договоров и их влияние на процессуальное положение выдаваемого лица.

Примером межправительственных и межведомственных соглашений, которыми выдача по существу не решаются, а оговариваются вопросы антикриминального сотрудничества компетентных органов с целью выявления, пресечения и раскрытия преступлений, является соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством США о

---

¹ См.: Куралбаева Г.А. Указ. соч. С. 67

сотрудничестве по уголовно-правовым вопросам от 30 июня 1995 г., которое утратило свое действие в связи с заключением договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам¹. Его назначением является необходимость укрепления взаимодействия компетентных органов обеих стран в деле предотвращения правонарушений и борьбы с преступностью, а также последующее заключение договора о взаимной правовой помощи по уголовным делам, который, возможно, будет содержать положение о выдаче². Те обязательства, которые берут на себя Россия и США носят «сдержанный характер», поскольку ограничиваются правовой помощью по уголовным делам и предоставлением информации. Однако, и в таких сферах предоставляют себе право отказать в помощи в ряде случаев, применимых, практически к любой ситуации. Соответственно, объем помощи по данному документу «не включает и никак не предусматривает в ясной и недвусмысленной форме экстрадицию»³.

Сотрудничество США с Российской Федерацией в вопросах экстрадиции производится, но не в рамках процесса выдачи, а как бы путем депортации⁴. Экстрадиционное взаимодействие осуществляется только в такой форме, поскольку для США наличие двустороннего договора является обязательным. Кроме того, возможность выдачи отягощается «прецедентной практикой, констатирующей, что выдача исполнительной властью лица, дело которого не будет рассмотрено в другом государстве справедливо, нарушает конституционные права этого лица в выдающем государстве»⁵. Соответственно, решением, нарушающим права выдаваемого, будет считаться решение о выдаче, а не решение, которое последует после его выдачи в будущем процессе⁶.

---

¹ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Москве 17 июня 1999 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 47, ст. 4635.

² Плотников А.В. История становления и развития института экстрадиции в современном международном праве (на примере РФ и США) // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2009. № 4 С. 71.

³ См.: Плотников А.В. Указ. соч. С. 80.

⁴ См.: Анализ международных договоров и российского законодательства в сфере передачи осужденных и экстрадиции: учебное пособие / А.В. Степанов. Указ. соч. С. 17

⁵ См.: Бойцов А.И. Указ. соч. С. 19, 22.

⁶ См.: Там же.

Наконец, отдельной сферой регулирования международного права являются договоры о борьбе с международными преступлениями, предусматривающие экстрадицию, а именно, выдачу лиц, виновных в преступлениях против мира и человечества (*delicta juris gentium*), принятые на мирных конференциях в Гааге 1899-1907 гг.¹

Интеграция государств Европы, привела к появлению принципиально новой процедуры, связанной с выдачей. Рамочным решением Европейского совета от 13 июня 2001 г.² запущен в действие Европейский ордер на арест (EAW)³, введение которого в действие в значительной степени повлияло на международную практику выдачи Российской Федерации со странами – членами Евросоюза. Как пишет Н.А. Сафаров, «предпосылкой к реформированию механизма экстрадиции и введению в действие такой процедуры стало принятие Европейским советом в г. Тампере 15-16 октября 1999 г. концепции взаимного признания судебных решений»⁴. Согласно договоренности стран участников Евросоюза, должны были признаваться и исполняться *ipso facto*⁵. Следствием таких изменений стало взаимное признание судебных решений, прямое взаимодействие судебных органов. Роль центральных государственных органов государств ограничилась практической и административной поддержкой. В итоге произошла отмена экстрадиции в рамках Евросоюза и организация вместо нее передачи запрашиваемых лиц между судебными органами стран-участниц. Понятие выдача (*extradition*) в рамках Рамочного решения было трансформировано в понятие передача (*surrender*)⁶, тем самым экстрадиционная практика на территории Евросоюза была прекращена.

Изначально предполагалось, что «положения Рамочного решения позволяли более либерально подходить к вопросам перевода обвиняемых или осужденных

---

¹ См. Бойцов А.И. Указ. соч. С. 44.

² Рамочное решение Совета Европы от 13 июня 2002 г. «О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами («Council Framework Decision on the European Arrest Warrant and the Surrender Procedures Between Member States»): Кафедра Европейского и интеграционного права МГЮА. // [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/2568277/> (дата обращения: 06.11.2020). Далее - Рамочное решение.

³ Далее – Европейский ордер.

⁴ Сафаров Н.А. Европейский ордер на арест в механизме правового сотрудничества по уголовным делам стран – членов Европейского Союза // Правоведение. 2007. № 1. С. 95.

⁵ Там же.

⁶ См.: Там же. С. 97.

под компетентную уголовную юрисдикцию, и такая система будет функционировать в режиме, свободном от юридических сложностей, характерных для экстрадиции»¹. Рамочное решение имеет ряд особенностей, применительно к правилам передачи, поскольку такие принципы экстрадиции как двойное вменение, невыдача граждан и исключение политических преступлений, стали применяться только в экстрадиционных отношениях с государствами, не входящими в Евросоюз. Применительно к Европейскому ордеру понимание этих принципов значительным образом изменилось, как и сама суть процедуры передачи поменялась применительно к выдаче, поскольку ее новым назначением стало транслирование новых, общеевропейских юридических установок, направленных на объединение пространства.

Правило двойного вменения в Рамочном решении представляет собой компромиссный вариант стран-участниц, часть из которых требовали полной отмены этого правила, «впоследствии ограничившись единым перечнем из 32 тяжких преступлений, на которые распространялся Европейский ордер без предварительного уточнения»². Это предполагает, что «признак взаимной наказуемости деяния, за совершение которого выдан ордер, и равной длительности наказания в виде лишения свободы не имеет значения для судебного органа, его исполняющего в случае, если за преступление, по которому выдан ордер, предусмотрено наказание в виде лишения свободы с верхним пределом не менее трех лет, и оно содержится в списке деяний, перечисленных в ч. 2 ст. 2 Рамочного решения».

Правило специализации (конкретности) сохранилось в европейском ордере в ч. 2 ст. 27, как запрет «преследования, осуждения или лишения свободы переданного лица за другое преступление, совершенное до его передачи, чем то, которое послужило основанием последней». В то же время Рамочным решением предусмотрена возможность такого лица «добровольно отказаться от применения этого правила в том случае, когда оно соглашается на передачу» (ст. 13).

---

¹ См.: Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве проблемы теории и практики. Указ. соч. С. 386.

² См. Потемкина О.Ю. Трудный путь от экстрадиции к Европейскому ордеру на арест // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №10. С. 26.

Рамочное решение не содержит указания на гражданство разыскиваемого лица, в отношении которого выдан европейский ордер, соответственно предполагается, что в рамках стран-участниц может быть передано любое лицо, независимо от его принадлежности гражданству конкретного государства. Как указал один из представителей Евросоюза на международной конференции, наличие в Европейском ордере на арест положений о выдаче своих граждан по требованию иностранных государств является «болевым точкой» этого института¹, которая не позволяет в настоящее время этой системе работать в объеме, предусмотренном соглашением. Вместе с тем, это правило действует только в рамках единого государственно-правового объединения, в отношении граждан Евросоюза, по этой причине не предусматривает фактора наличия собственного гражданства как основания отказа от передачи разыскиваемого лица².

Основания отказа в исполнении ордера представлены как императивные (амнистия, осуждение за преступление, по которому выдан ордер, невозможность передачи в силу возраста) и факультативные (если лицо преследуется в исполняющем государстве за то же преступление, истечение сроков давности, неравнозначность преступлений в сфере налогов и сборов, таможенных пошлин и др.). Н.А. Сафаров отмечает значительное сужение круга оснований для исполнения Европейского ордера³, по сравнению с содержанием двусторонних и многосторонних договоров в которых такой перечень, как правило, имеет тенденцию к увеличению, как с принятием новых международных соглашений, так и с принятием протоколов к уже имеющимся. В особенности это замечание относится к правилу исключения политических преступлений, которое было значительным образом переосмыслено в пользу «обеспечения высокого уровня безопасности», на которой построены все программы действий Евросоюза, начиная с 1999 г.⁴ Новая концепция не позволяла отказывать в выдаче лишь потому, что деяние совершено по политическим мотивам, а правила передачи,

---

¹ См.: Арямов А.А., Чигак А.А. Указ. соч. С. 173.

² См.: Сафаров Н.А. Европейский ордер на арест в механизме правового сотрудничества по уголовным делам стран – членов Европейского Союза Указ. соч. С. 105.

³ См.: Там же. С. 102.

⁴ См.: Потемкина О.Ю. Указ. соч. С. 22.

даже при наличии признаков преследования за деяние, имеющее политическую обусловленность, должны рассматриваться в рамках сферы применения Европейского ордера. При этом передача европейскими государствами собственных граждан уже стало стабильной практикой, подлежащей широкому применению. Уже в 2007 г. в рамках Европейского ордера было арестовано 3 368 человек, из которых передано другому государству 2 067 человек¹. Таким образом, проблемы применения Европейского ордера сгруппированы в области условий передачи, связанных с отказом государств-участников от принципа государственного верховенства права на его территории в пользу объединения правового пространства и представляют собой трудности конституционного характера², которые требуют изменить положения национального законодательства конкретных государств.

Что касается процессуального аспекта применения Европейского ордера, то он ориентирован на внутреннее законодательство страны-исполнителя и целью такой процедуры является исключение влияния на передачу сторонних, не связанных с отправлением правосудия факторов. Предполагается, что передача экстрадиционных правоотношений под полный судебный контроль, исключит возможность выдачи на основании международной договоренности или «дипломатическим путем», то есть на основании процедуры, не содержащей в своей структуре признаков правового института³.

Н.А. Сафаров обращает внимание на юридическую форму европейского ордера на арест, который «выдается в форме *судебного решения*, т. е. акта, относящегося к предмету компетенции соответствующего судебного органа государства-участника Евросоюза»⁴. Как справедливо отмечает автор: «это свидетельствует о *судебной*, а не *административной* природе указанного акта, в отличие от ситуации с экстрадицией, когда окончательное решение по вопросу о

---

¹ См.: Там же. С. 27.

² См.: Там же. С. 28.

³ Д.П. Никольский отмечал, что экстрадиционное взаимодействие осуществляется двумя способами: дипломатическим путем или путем непосредственного сношения судов, при этом он подвергает критике первый способ, в том числе по причине длительного характера. См.: Никольский Д.П. О выдаче преступников по началам международного права. / С.-Петербург. «Типография М.М. Стасюлевича. Вас. Остров», 1884. С. 17, 266-268.

⁴ См.: Сафаров Н.А. Европейский ордер на арест в механизме правового сотрудничества по уголовным делам стран – членов Европейского Союза. Указ. соч. С. 94.

выдаче лица принимается административной инстанцией»¹, в том числе по российскому законодательству.

Если процедура экстрадиции носит длительный характер и может продолжаться годами, то применение Европейского ордера производит передачу в короткие сроки, благодаря временным ограничениям: решение должно быть принято судом в течение 90 дней с момента ареста². То есть для реализации передачи достаточно одной стадии, «в ходе которой лишь судебные власти принимают необходимое решение специфическим процессуальным механизмом»³.

Принципиально новым можно назвать положение о передаче при наличии на то согласия лица, в отношении которого выдан Европейский ордер (ст. 13), добровольность которого должна быть засвидетельствована с участием защитника. Эта новелла обусловлена тяжеловесным положением о выдаче, которое имеет место в большинстве стран, согласно которых экстрадиция, производящаяся в административном порядке, осуществляется на основании решения, вынесенного высокопоставленным должностным лицом (генеральным прокурором, министром юстиции и т.д.). В том случае, если субъект экстрадиции не возражает против его выдачи, он вынужден длительное время ожидать окончания формальных процедур, как правило, находясь все это время под стражей. Я.О. Румянцева отмечает, что в попытка преодолеть такие недостатки экстрадиции, как медлительность и неэффективность, привела к существенному ограничению судебского усмотрения и свела роль судов к формальной проверке соблюдения запрашивающим государством требований Рамочного решения⁴. В то же время, нельзя не согласиться с тем, что по сравнению с административной процедурой выдачи, лишенной судебного контроля, у Европейского ордера имеется ряд преимуществ. Так, роль судов в континентальной процедуре выдачи сводится к судебному контролю, который традиционно избегает обсуждения

---

¹ См.: Там же. С. 95.

² См.: Потемкина О.Ю. Указ. соч. С. 25.

³ См.: Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 93.

⁴ См.: Румянцева Я.О. Условия и практика применения Европейского ордера на арест // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. № 2(47). 2020. С. 108

вопросов виновности, оставляя его на рассмотрение судом уголовного дела по существу. Что касается положений Рамочного решения, то главным его процедурным аспектом является передача обвиняемого или осужденного в порядке взаимодействия судебных органов, то есть субъектов уполномоченных на отправление правосудия.

Рамочное решение не прописывает процедуру рассмотрения ордера, которая должна проводиться в судебном порядке, уполномоченным судом государства-участника с соблюдением гарантий, которые включают в себя заслушивание лица, в отношении которого выдан ордер, обеспечение его защитником и переводчиком. Кроме того, представляется, что отсылка к положениям национального законодательства государства, исполняющего ордер, предоставляет лицу, в отношении которого выдан Европейский ордер право обжаловать решение о передаче, о чем свидетельствует существующая практика¹.

Н.А. Сафаров пишет, что, несмотря на применение нового формата выдачи в пределах Евросоюза, Парижская конвенция в качестве основания выдачи продолжает активно применяться ее участниками, несмотря на спорность многих ее положений, поскольку каких-либо международных аналогов, способных заменить ее в определенном будущем, не имеется². Однако влияние Рамочного решения на теорию и практику экстрадиции нельзя недооценивать. Парижская конвенция в свое время изменила представление о выдаче, значительно повысив эффективность этого института. А Рамочное решение оказывает такое влияние и сейчас в части передачи разрешения выдачи судебными, а не административными органами.

Нормы международного права имеют непосредственное отношение к уголовной ответственности лиц, наделенных дипломатическими привилегиями, то есть дипломатических представителей и иных лиц, которые пользуются

---

¹ Примером тому может служить рассмотрение жалобы и отказ в исполнении судом Шлезвиг-Гольштейн Германии Европейского ордера на арест Карлеса Пучдемона, выданного Высшим судом Испании. См.: Орлов А.А. Испанское правосудие в тупике // Обозреватель-Observer. 2010. № 6. С. 112-120.

² Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве проблемы теории и практики: дис. доктора юрид. наук. Указ. соч. С. 385.

данным иммунитетом¹. К числу лиц, наделенных иммунитетом, относятся не все сотрудники посольств и консульств, а лишь дипломатические агенты, к которым, в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях (далее по тексту – Конвенция 1961 г.)², относятся глава представительства или член дипломатического персонала представительства.

Как отмечает В.М. Волженкина, дипломаты не исключаются из сферы действия права и национального правопорядка страны пребывания, а освобождаются только от мер принудительного характера и санкций, предусмотренных за нарушение ее законов и правил³. В соответствии с указанной конвенцией, «личность дипломатического агента неприкосновенна, он не подлежит аресту, или задержанию в какой бы то ни было форме. Государство пребывания обязано относиться к нему с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на его личность, свободу или достоинство» (ст. 29). Однако такая неприкосновенность не является абсолютной, поскольку иммунитет не исключает противоправность и наказуемость деяния, а лишь препятствует возможности привлечения к ответственности без согласия аккредитирующего государства.

В том случае, если имеется согласие на привлечение к уголовной ответственности, дипломатические агенты и приравненные к ним лица могут подлежать юрисдикции государства пребывания, либо же в случае объявления их *persona non grata* (нежелательным лицом) в стране пребывания, немедленно отзывается правительством направившего его государства⁴, а по прибытии должен быть решен вопрос об уголовном преследовании. В случае совершения преступления таким лицом на территории Российской Федерации, обычная практика состоит в том, что такое лицо признается нежелательным и выдворяется за пределы государства, поскольку ответственность за свои действия он может

---

¹ См.: Прошляков А.Д. Указ. соч. 1997. С. 239.

² Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18 апреля 1961 г.) // Ведомости Верховного совета СССР. 1964. № 18. Ст. 221.

³ См.: Волженкина В.М. Выдача в российском уголовном процессе. / М.: Юрлитинформ, 2002. С. 56-57.

⁴ Яковенко Н.А. Особенности характера и содержания труда дипломатических представителей (исторический аспект) // Труд и социальные отношения. № 8. 2014. С. 141.

нести только по законам своей страны¹. В.М. Волженкина приводит две возможности привлечения лиц, наделенных иммунитетом, к уголовной ответственности: в случае дачи согласия на уголовное преследование государством, под юрисдикцией которого они находятся такое лицо и дача личного письменного согласия на привлечение к уголовной и иной ответственности². Этому правилу подчиняются нормы российского внутригосударственного права, согласно которого «уголовная ответственность дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, пользующихся иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается нормами международного права» (ч. 4 ст. 11 УК РФ), то есть отсылает к Конвенции 1961 г.

Таким образом, взаимосвязанные положения международных норм и уголовного закона предоставляют государству-участнику, на территории которого оказывается предполагаемый преступник, право выбора между выдачей его или передачей дела своим компетентным органам для уголовного преследования по законам этого государства, чем реализуется принцип неотвратимости наказания³, в виде правила *aut dedere aut judicare*.

Именно о снятии иммунитета просили канадские власти, когда в 2001 г. требовали выдачи двух сотрудников российского посольства в Оттаве, которые подпадали под защиту, являясь дипломатическими агентами. По вине одного из этих лиц, являющегося первым секретарем посольства, произошло дорожно-транспортное происшествие, в котором одна женщина погибла, а вторая получила тяжелую травму. Второй инцидент случился за полчаса до первого с участием другого российского дипломата, однако никто не пострадал. Власти Канады заявляли, что оба дипломата управляли автомобилями в состоянии алкогольного опьянения и после инцидентов отказались пройти тест на алкоголь. После того как эти лица были переданы российским консульским работникам и была назначена дата судебного слушания, правоохранительные органы потребовали

---

¹ См.: Прошляков А.Д. Указ. соч. С. 239.

² См.: Волженкина В.М. Указ. соч. С. 60.

³ См.: Беассам И. Дипломатический агент и его неприкосновенность // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2013. № 1. С. 168.

лишить дипломатов иммунитета и передать их канадскому правосудию. Российские власти отказались выполнить это требование, сославшись на положения Конвенции 1961 г., и оба дипломата были высланы из страны. Впоследствии представители МИД России выразили глубокое соболезнование послу Канады в Российской Федерации и заявили, что после разбирательства в г. Москве виновные будут привлечены к ответственности, но в России по и российским законам¹. Впоследствии российский дипломат предстал перед российским судом, был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ, и ему было назначено наказание в виде лишения свободы².

При изучении проблем, связанных с подменой выдачи, когда экстрадиция заменяется депортацией или другой процедурой, позволяющей без лишних проволочек передать запрашиваемое лицо и тем избежать процедурно-правовых сложностей, в международно-правовой доктрине упоминается практика, именуемая «скрытой экстрадицией» (*disguised extradition*). Нередки случаи, когда скрытая экстрадиция осуществляется в отношении лиц, совершивших политические преступления, что является недопустимой практикой с точки зрения экстрадиционного права³. Несмотря на совершение преступления, за дипломатическим агентом сохраняется право судебного разбирательства на основании закона того государства, к которому он принадлежит. В данном случае не нарушается принцип неотвратимости наказания, поскольку, как справедливо отмечает В.Ю. Стельмах: «национальное законодательство Российской Федерации в вопросах регламентации уголовного преследования по запросу иностранных государств в целом соответствует мировым стандартам и позволяет

---

¹ Канадские власти просят снять дипломатический иммунитет с двух сотрудников российского посольства // [Электронный ресурс] URL: https://www.1tv.ru/news/2001-01-29/282189-kanadskie_vlastiproshyat_snyat_diplomaticheskij_immunitet_s_dvuh_sotrudnikov_rossiyskogo_posolstva (дата обращения: 19.08.2021).

² Суд приговорил к четырем годам лишения свободы бывшего российского дипломата // [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/20020319/93005.html> (дата обращения: 12.01.2022).

³ Абарцумян Г.А. Некоторые проблемы института выдачи лиц для уголовного преследования по законодательству Республики Армения // Вектор Науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2018. № 1 (32). С. 8.

эффективно осуществлять данное направление международного сотрудничества»¹.

Одним из способов скрытой экстрадиции является лишение дипломатического иммунитета для передачи правосудию страны пребывания такого лица. Технически лишение дипломатического иммунитета является очень простой процедурой. Исполнение обязанностей дипломатического агента является разновидностью государственной гражданской службы, а привилегии и иммунитеты, установленные нормами международного права, распространяется на такое лицо только на период исполнения дипломатических обязанностей в загранучреждениях Министерства иностранных дел РФ². Таким образом, дипломатический агент утрачивает свой иммунитет одновременно с освобождением его от должности. Взаимосвязанные положения Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» и Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»³ предусматривают такие виды прекращения исполнения дипломатическими представителями своих обязанностей как *прекращение работы в загранучреждении и расторжение служебного контракта по инициативе представителя нанимателя*. Обе процедуры прекращения исполнения обязанностей дипломатического агента осуществляются на основании приказа уполномоченного руководителя ведомства, при этом перечень гарантий, которыми пользуются российские дипломатические агенты, в том числе занимающие высшие дипломатические

---

¹ Стельмах В.Ю. Уголовное преследование по запросу иностранного государства: законодательная регламентация в Российской Федерации // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Т. 2. № 1 (2). С. 238.

² См.: ч. 2 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31, ст. 4174.

³ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31, ст. 3215.

должности¹, не предусматривает защиты от скрытой выдачи правоохранительным органам страны пребывания путем лишения иммунитета.

В том случае, если происходит снятие дипломатического иммунитета, производится выдача правосудию страны пребывания, вопреки конституционным положениям о запрете выдачи своих граждан. Имеются примеры в международной практике, когда государства лишали дипломатических агентов иммунитета именно с целью передачи их властям для уголовного преследования. Инцидент, который в истории получил название «Анкарское покушение», связанный с «попыткой убийства германского посла Франца фон Папена 24 февраля 1942 г., вызвал острый конфликт, в результате чего турецкие власти потребовали выдачи Павлова [Г.И. Мордвинова], который занимал должность торгового атташе в советском консульстве. Советская сторона отказалась удовлетворить это требование, турки осадили посольство и предъявили ультиматум о выдаче Павлова в течение трех дней. На третий день этот срок был продлен еще на один день. На четвертый день осады Павлов был лишен дипломатического иммунитета и выдан»².

В 1997 г. был лишен иммунитета грузинский дипломат в Вашингтоне Георгий Махарадзе, который, управляя автомобилем, совершил дорожно-транспортное происшествие, в результате которого погибла женщина. Он был приговорен к семи годам лишения свободы, до 2000 г. отбывал наказание в США, затем передан для отбывания наказания в Грузию³ и в 2002 г. помилован⁴.

Исключительно нормы международного права ведают такими явлениями, как интернирование и обмен пленными (в контексте исследования применяется термин *обмен лицами*), не подпадающих под правовой режим, для которых ближайшей сферой правового регулирования является институт экстрадиции. Как

---

¹ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 186-ФЗ «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 21, ч. 1. Ст. 6752.

² См.: Севтан С. Советский след в Анкарском покушении и освещение этого события в советской прессе // Государственное управление. № 45. 2014. С. 304.

³ См.: Москва не дала судить своих дипломатов в Канаде // [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/20020227/80287.html> (дата обращения: 18.02.2022).

⁴ В Тбилиси досрочно освобожден бывший грузинский дипломат // [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20020227/80287.html> (дата обращения: 18.02.2022).

правило, эти явления обусловлены войнами, международными и локальными конфликтами, регулируются международным военным, гуманитарным правом и системой международных договоренностей, связанных с разрешением конфликтных ситуаций. Подобного рода регулирование стало применяться участниками конфликтов задолго до того, как, например, обмен лицами стал предметом ведения международного гуманитарного права. В этом и состоит особенность международного правового регулирования, которое берет свое начало из правила *opinio juris*, предполагающего признание всеобщей практики в качестве правовой нормы. И, если уголовно-процессуальный закон не позволяет совершать действия, которые им не регулируются, соответственно, не являются процессуальными, то с точки зрения международного права такая необходимость реализуется за счет правила *opinio juris*.

Ю.С. Ромашев отмечает, что «признание всеобщей практики *opinio juris* в качестве правовой нормы отмечено в ст. 38 Статута Международного суда ООН, кроме того, такое признание нормы должно осуществляться правовыми способами и быть легитимным согласно законодательству государства, а также международным нормам»¹. К формам признания, наряду с молчаливым согласием, данный автор относит: одностороннее заявление главы государства (правительства), другого уполномоченного государством должностного лица, руководителя международной межправительственной организации, иного субъекта международного права; включение правила поведения во внутригосударственный нормативный правовой акт, и т.д.². Соответственно, наличие практики, формально определенной на уровне внутригосударственного права способно закрепить определенное действие, например обмен пленными, в качестве института международного права. В то же время, обмен в отличие от выдачи, закрепленной в уголовно-процессуальном законе, несмотря на регулярное применение, исключается из сферы уголовно-процессуального закона, соответственно, это не позволяет подвести под уголовно-процессуальное

---

¹ Ромашев Ю.С. Признание практики в качестве правовой нормы (*opinio juris*) при формировании международного обычая // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 2. С. 124.

² См.: Там же. С. 125.

регулирование ряд смежных вопросов (например, судьба уголовного дела в отношении обмененного лица), оставляя их в «темной зоне».

Международное гуманитарное право является источником иных (специальных) отношений, связанных с лишением свободы, а именно, «применения различных, непроцессуальных видов лишения свободы, среди которых: военный плен, интернирование, задержание, арест, удержание, в отношении отдельных категорий лиц»¹. Обозначенные вопросы регулируются III и IV Женевскими конвенциями, которые разделяют субъектов на воюющих участников и мирное население. Они приняты 12 августа 1949 г. Дипломатической конференцией для составления международных конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 г.² и «включают в себя третью конвенцию – об обращении с военнопленными и четвертую – о защите гражданского населения во время войны»³.

Наибольший интерес для исследования представляет *интернирование*, общая суть которого может быть сведена к ограничению свободы индивида, с вероятностью перемещения на другую территорию, в отдельных случаях на территорию другого государства, или не подпадающего под юрисдикцию места принадлежности интернированного лица. Как считает В.Н. Русинова: «термин «интернирование» используется в источниках международного гуманитарного права для обозначения внесудебного содержания лица под стражей по причинам, связанным с вооруженным конфликтом, которое является единственным специфическим видом лишения свободы, применимым в вооруженных конфликтах. Важнейшей особенностью этого вида лишения свободы является то, что он применяется в связи с вооруженным конфликтом, но не связан с совершением уголовно-наказуемых деяний и для его применения в соответствии с нормами международного гуманитарного права не требуется решения суда»⁴.

---

¹ См.: Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017. С. 232.

² Конвенция (III) об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юридическая литература. 1990. С. 516.

³ См.: Бойцов А.И. Указ. соч. С. 43.

⁴ Русинова В.Н. Указ. соч. С. 233.

Необходимо отличать интернирование воюющего населения (комбатантов), являющихся военнопленными и интернирование мирного населения. Поскольку в первом случае это прямо предусмотрено положениями третьей конвенции как способ исключить путем интернирования возможность данным лицами продолжить участие в ведении боевых действий, а во втором случае интернирование гражданских лиц совершенно не обусловлено какими-либо их поступками, возможно для обеспечения их безопасности или в «случае совершения такими лицами правонарушения с намерением навредить оккупирующей державе в качестве альтернативы уголовному разбирательству» (ст. 48, ч. 1 ст. 68, ч. 1 ст. 78 IV Женевской конвенции). Однако положения конвенций о прекращении интернирования в отношении воюющего контингента и гражданских лиц является идентичным для обеих категорий и должно производиться после окончания военных действий.

В то же время, международное «право войны» не регулирует вопросы плена, интернирования и положения гражданского населения в условиях немеждународных вооруженных конфликтов. Данное обстоятельство полностью переводит локальные конфликты в сферу, регулируемую внутригосударственным правом, а применение международного гуманитарного права возможно только в случае специальных международных соглашений. Такое положение, как правило, не отвечает характеру вооруженных столкновений, которые имели место в конце XX и в XXI в.¹ Очевидно, что применение норм международного военного и гуманитарного права не должно быть обусловлено исключительно межгосударственными конфликтами, поскольку в настоящее время они часто возникают в пределах одного государства, например, на востоке Украины. Соответственно, отсутствует понимание о границах действия международных норм во времени и пространстве, и правовой природе таких действий, как интернирование и обмен в локальных конфликтах в пределах одного государства. Когда совершаются действия, отнесенные к международному праву войны в

---

¹ См.: Сорока А.Б. Право войны и право на войну: теория и практика // Право Донецкой Народной Республики. № 2. 2017. С. 47.

условиях вооруженного конфликта внутри государства, возникает закономерный вопрос о том, какие нормы подлежат применению: международного или внутригосударственного права. Поскольку задержание и перемещение в условиях международного вооруженного конфликта будет считаться интернированием, а в локальном конфликте они могут расцениваться как применение мер процессуального принуждения по внутригосударственному праву.

Обмен лицами является средством, которое активно применяется правовыми механизмами международного права, несмотря на то, что алгоритм и условия такого действия не прописаны и упоминается лишь сама возможность производства обмена. Когда речь заходит об обмене, то принято ссылаться на рекомендацию об освобождении и репатриации военнопленных сразу после прекращения военных действий (ст. 78 III Женевской конвенции). Ст. 17 Женевской конвенции IV предусматривает возможность обмена в рамках местных соглашений в отношении гражданского населения, а ст. 15 Женевской конвенции I в отношении военного контингента¹. В то же время, обмен в качестве средства регулирования вооруженных конфликтов применяется не реже чем интернирование, а возможно и чаще. Один из таких примеров, – обмен лицами предусмотренный при проведении Контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе России.

Так, постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 13 декабря 1999 г. № 4784-II ГД «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе»², было предусмотрено «прекращение уголовных дел в отношении определенных лиц, независимо от характера совершенных ими преступлений (подозреваемых, обвиняемых и подсудимых), которые будут подлежать обмену на военнослужащих, сотрудников органов внутренних дел и граждан, насильственно

¹ См.: Леншин С.И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: Монография. М: За права военнослужащих, 2009. С. 77.

² Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 13 декабря 1999 г. № 4784-II ГД «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 51. Ст. 6325.

удерживаемых на территории Чеченской Республики» (п. 5), и с освобождением таких лиц (осужденных) от отбывания наказания (п. 6). Обмен лицами был одним из способов проведения стабилизации общественного порядка и безопасности, а потому вошел в число условий, при которых могли быть амнистированы лица, подлежащие передаче в порядке обмена. Процедура обмена предусмотрена нормативным документом, разъясняющим порядок применения амнистии¹. Органом, уполномоченным производить обмен выступала Комиссия при Президенте Российской Федерации по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести. Такой обмен возможен «с письменного согласия лиц, подлежащих обмену, они доставляются сотрудниками органов внутренних дел к месту обмена под конвоем. Решение о применении акта об амнистии вступает в законную силу с момента передачи представителям федеральных органов государственной власти насильственно удерживаемого лица в обмен на лицо, в отношении которого принято решение о применении акта об амнистии. В случае, если обмен не состоялся, лицо, в отношении которого было принято решение о применении акта об амнистии, возвращается в место содержания под стражей, а принятое решение отменяется» (п. 7).

Возможность регулирования обмена лицами на нормативном уровне в рамках конкретной отрасли права вызывает сомнения. Вряд ли можно согласиться с мнением В.В. Власенко, который предлагает ввести такую норму в УК РФ и разрешить осуществление обмена «Президентом Российской Федерации с согласия обмениваемого лица, с возможностью освобождения от уголовной ответственности, либо от наказания в случаях обмена на другое лицо в интересах личности, общества и государства»². Представляется, что в качестве действующего квазиправового механизма обмен, как редкое и исключительное явление является работоспособным, несмотря на то, что он не является нормой

---

¹ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 13 декабря 1999 г. № 4785-II ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе» Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 51. Ст. 6326.

² Власенко В.В. Механизм обмена лицами в российском и зарубежном уголовном законодательстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 6. С. 13

материального права. В то же время, если данный автор считает механизм обмена нормой материального права, то необходимо учесть, как это должно регулироваться в уголовно-процессуальном законе, когда возникает необходимость прекратить уголовное преследование в отношении обменянного обвиняемого, подозреваемого или подсудимого лица, а также лица, наделенного дипломатическим иммунитетом, которое подлежит привлечению к ответственности на территории государства своей принадлежности. К примеру, А.Д. Прошляков считает, что для этого необходимо соответствующее уголовно-процессуальное основание, а прекращение таких дел со ссылкой на материальный закон или международный договор следует считать аномальным явлением¹.

Исследователи этих областей правоприменения высказывают мысль, что интернирование и обмен схожи лишь с одной процедурой, надлежащим образом закрепленной в качестве уголовно-процессуальной процедуры – с выдачей². Именно от этого института следует отталкиваться при их изучении с позиции правового содержания. Однако дальнейшее исследование интернирования и обмена рационально продолжать в рамках международного права, и, то, что они получают закрепление во внутригосударственном праве, кажется более чем маловероятным. Можно предположить, что отсутствие регулирования связано с осознанным нежеланием юристов, изучающих истоки противоправного поведения и его социальную природу. Как обмен, так и интернирование относятся к мерам, применение которых носит исключительный характер и связано со значительными социальными потрясениями. Их можно расценить как крайние способы регулирования процессов, возникающих в ситуациях вооруженных конфликтов. Кроме того, обмен, в качестве средства противодействия, не вписывается ни в одну концепцию борьбы с преступностью, поскольку по своей сути является уступкой. В результате обмена преступник может избежать заслуженного суда или наказания, а ценой его свободы является жизнь заложника. Легализация обмена лицами неизбежно превратит его в средство противодействия

---

¹ См.: Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: дис. доктора юрид. наук. Екатеринбург. 1997. С. 259.

² См.: Власенко В.В. Указ. соч. С. 9.

правосудию и приведет к нежелательной практике захвата заложников для создания «обменного фонда» преступными группировками. Что касается интернирования, то закрепление нормы, предусматривающей внесудебное лишение свободы, не будет соответствовать конституционным положениям, а попытка придания ей правового характера автоматически трансформирует интернирование в другой институт, дублирующий уголовно-процессуальные положения о мерах процессуального принуждения. Таким образом, необходимо четко разделять режим военного и мирного времени, в котором любое ограничение свободы должно применяться по решению суда. Интернирование, по этой причине не может каким-либо образом соотноситься с экстрадицией, поскольку его особенностью является отсутствие юридических процедур.

Система международного права разграничивает международно-правовые нормы на относящиеся к «международному гуманитарному праву и относящиеся к международному праву прав человека»¹. Данное разделение позволяет определить правовую природу конкретной процедуры в соответствии с предметом международно-правового регулирования. Так, если процедура выдачи проверяется на предмет соблюдения прав человека, то обмен находится исключительно в сфере гуманитарного права. Некоторые сложности возникают при смешении процедур, которые могут быть обусловлены неопределенностью относительно природы вооруженного конфликта. Например, действия, которые вызваны ведением боевых действий, но одна из сторон осуществляет правовое регулирование по нормам внутригосударственного права, применимого в режиме мирного времени. Подобной ситуацией является уголовное преследование в Российской Федерации 24 украинских моряков, которые пересекли границу России 25 ноября 2018 г. и были задержаны российскими пограничниками. В отношении данных лиц было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 322 УК РФ за незаконное пересечение государственной границы, в отношении них избрана мера пресечения в виде заключения под стражу². 10 июля 2019 г. им было предъявлено

---

¹ Русинова В.Н. Указ. соч. С. 11.

² Освободите моряков: Макрон и Меркель обратились к России // [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/12/28_a_12112363.shtml (дата обращения: 18.02.2022).

окончательное обвинение для направления уголовного дела в суд, однако 7 сентября 2019 г. состоялся их обмен с украинской стороной¹. Суть этого «Керченского инцидента» состояла в том, что российская сторона рассматривала его как противоправные действия, посягающие на безопасность государства, соответственно не признавала юрисдикцию международного трибунала ООН по морскому праву², разрешившего данный спор в пользу украинской стороны. Украинские же власти требовали от международных организаций (ООН и ПАСЕ) признания данного инцидента международным вооруженным конфликтом, который бы не подпадал под действие внутригосударственного права. Так возникло противоречие, связанное с неопределенностью используемых процедур, начатой в уголовно-процессуальной сфере, а развитие и завершение получившей в сфере международного гуманитарного права.

Таким образом, нормы международного права имеют стартовое значение при инициации процедуры выдачи, делают ее возможной на уровне межгосударственных отношений, проводят раздел между экстрадицией и схожими, но неправовыми процедурами, являются источником происхождения экстрадиционных правил. Кроме того, нормы международного права регулируют ограничение права на свободу лица, в отношении которого осуществляется выдача.

При этом система норм, образующих международно-правовое основание выдачи, является составной частью предмета уголовно-процессуальной проверки, который включает в себя способ выдачи (международное соглашение или принцип взаимности), а также конкретное международное соглашение (договор), подлежащее непосредственному применению, и от использования которого будут зависеть особенности последующей процедуры уголовного судопроизводства.

---

¹ Россия и Украина подошли к решающей стадии обмена пленными. РБК.РУ // [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/08/2019/5d5d35b29a7947211087c0cf> (дата обращения: 21.02.2022).

² МИД России: Решение Морского трибунала ООН неправомерно // [Электронный ресурс] URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/05/25/mid-rossii-reshenie-morskogo-tribunala-oon-nepravomerno> (дата обращения: 27.02.2022).

§ 3. Содержание выдачи (фундаментальные правила и их межотраслевая сущность)

Принадлежность института выдачи к конкретной отрасли права является дискуссионным. Если взять за основу тезис о назначении объекта как средства обоснования своих построений в предмете, следует согласиться с Н.Н. Тарасовым в том, что личный юридический опыт субъекта познания выступает средством обоснования истинности той или иной концепции¹. Поскольку приходится оперировать в рамках предмета конкретной науки и представлений, заданных традицией юридического сообщества, первичными являются представления о предмете исследования, задаваемые профессиональными стереотипами. Таким образом, исследователь, воспринимающий конкретное правовое явление через его субъективное представление о праве, заданное системой конкретной отрасли права, будет считать свои представления наиболее полными, а сопутствующие знания, полученные из смежных с предметом исследования отраслей – вспомогательными. В данном исследовании утверждается, что все вопросы, которые разрешает экстрадиция как правовой феномен, принадлежат к сфере уголовно-процессуального права, несмотря на то, что некоторые из них являются смежными и отсылают к другим отраслям права, а также занимают важное место в системе международного сотрудничества по уголовным делам², реализуемой инструментами норм международного права. Представляется, некорректно рассуждать о приоритете в институте экстрадиции конкретной отрасли права ввиду невозможности такого утверждения, в том числе в силу рамок профессионального мышления, комплексном характере института выдачи, в котором акценты и приоритеты находятся в состоянии динамики, обусловленной непрерывными изменениями в обществе.

---

¹ См.: Тарасов Н.Н. Истина в юридическом исследовании (некоторые методологические проблемы) // Академический журнал. 2000. № 1. С. 5.

² См.: Клевцов К.К. Дискуссия о месте международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в системе права // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 2. С. 6

С целью преодоления одностороннего представления об исследуемом правовом институте, ограниченном рамками определенной отрасли права, представляется необходимым использовать межотраслевой подход¹, сущностью которого является изучение аспектов, которые находятся над рассуждениями об отраслевой природе экстрадиции. Принципы выдачи, являются основой экстрадиционных правоотношений в правовой традиции континентальной системы права, частью которой является институт выдачи Российской Федерации. К таким принципам относятся основополагающие принципы (правила): *двойного вменения, специализации и исключения политических преступлений*, и эти правила носят межотраслевой характер.

Сопутствующие аспекты, к которым относятся основания отказа в выдаче (например, истечение сроков давности, объявление амнистии, наличие заболевания, препятствующего выдаче и т.д.), принципы, вытекающие из требования о соблюдении прав человека (запрет выдачи при угрозе применения смертной казни, дискриминации, применения пыток, жестокого обращения и т.д.), а также правила: *aut dedere aut judicare, male captus bene detentus*, запрета на выдачу третьему государству, которые применяются в зависимости от конкретных обстоятельств дела, по отношению к фундаментальным правилам носят вторичный прикладной характер.

Такие правила сформулированы международным правом и первоначально, использовались в практике международных отношений, некоторые из них были нормативно закреплены в международных договорах². Несмотря на то, что на уровне международного взаимодействия они носят рекомендательный характер, их теоретическое содержание облекается в свою материальную форму при уголовно-процессуальном оформлении (реализации выдачи в виде

---

¹ в данном случае универсальность рассматривается в категориях, приближенных к междисциплинарности и трансдисциплинарности, представленных в определенном виде кооперации различных областей научного знания, использование близких по содержанию понятий и методов, до того установленных в предметно организованных науках... См.: Ивахненко Е.Н. Трансдисциплинарность в действии // *Философские науки*. 2015. № 12. С. 135.

² например, правило «двойного вменения» закреплено в ч. 1 ст. 2 Парижской конвенции предусматривает, что выдача осуществляется в отношении преступлений, наказуемых в соответствии с законодательством запрашивающей Стороны и запрашиваемой Стороны лишением свободы или в соответствии с постановлением об аресте на максимальный срок по крайней мере в один год, или более серьезным наказанием. См.: Европейская конвенция о выдаче 1957 г.

административной либо судебной процедуры). Фрагменты этих правил нашли закрепление в договорах о выдаче с участием Российской Федерации, система правил – в уголовно-процессуальном законе, но ни одно из этих правил (принципов) напрямую не упоминается законодателем. Совокупность этих элементов представляет собой открытую систему, в виде взаимосвязанных элементов, выступающих как определенная целостность¹. Как отмечают исследователи, выдача представлена в виде «определенной системы (подсистемы) с собственной структурой, которая в свою очередь входит в более общее системное образование»², благодаря такой системности обеспечивается функционирование экстрадиционного механизма на международном и внутригосударственном уровнях.

Термин *выдача* в исследовании применяется в его уголовно-процессуальном содержании. При этом также используются понятия *экстрадиция*, как аналог, а также депортация, выдворение, высылка, передача, возвращение и т.д., несходные по содержанию, но в некоторых случаях выступающих в качестве синонимов, либо обозначающих процедуры, которыми подменяется понятие выдачи. Мнения исследователей относительно соотношения терминов *выдача* и *экстрадиция* значительно расходятся: от признания их синонимами³ до толкования как терминов нетождественных. Представляется верным утверждение, что «источники проблем в разграничении данных понятий «обусловлены отсутствием единообразного понимания их содержания, порождено узостью подхода к определению каждого из них» <...> «в условиях отсутствия утвержденного на законодательном уровне понятия выдачи лиц, совершивших преступление, и многообразия предлагаемых правоведами его

---

¹ См.: Садовский В.Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ / М., 1974. С. 18.

² См.: Клевцов, К.К., Смирнов, П.А., Щерба С.П. Система принципов передачи уголовного преследования (судопроизводства) в рамках международного сотрудничества // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 5. С. 5.

³ Джигирь А.И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 14-15.

вариантов вопрос определения искомой категории к настоящему моменту остается открытым»¹.

Применительно к уголовно-процессуальной стороне, наиболее корректным представляется термин *выдача*, в противовес понятию *экстрадиция*, не имеющему какого-либо закрепления в источниках внутригосударственного права. Использование понятия *выдача* применительно к национальному законодательству не только отвечает отечественным юридическим традициям², но и является наиболее четким определением этого явления, как уголовно-процессуального, исключая из своего содержания примеси схожих процедур передачи индивида от одного государства другому. Замечание касается и самого термина *экстрадиция*, который чаще используется специалистами в сфере международного права в противовес понятию *выдача* из области уголовного материального и процессуального права. Данная практика является оправданной, поскольку нетождественность этих терминов имеет серьезные обоснования. В сфере международного права и практике международных правовых органов, *экстрадиция* трактуется значительно шире, чем российским правоприменителем в рамках национального законодательства. Например, по делу «Ниязов против Российской Федерации»³ ЕСПЧ усмотрел нарушение прав заявителя при экстрадиции в Республику Узбекистан, которая производилась, в рамках административного выдворения, предусмотренного ст. 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁴. Указав, что административное выдворение являлось формой «экстрадиционной высылки», суд решил, что не имеет правового значения наименование процедуры по национальному законодательству, а исходить следует из фактического

---

¹ Мунь К.В. Проблемы понятийно-категориального аппарата экстрадиции // Вестник современных исследований. 2018. № 9.4 (24). С. 428.

² Ляхов Е.Г. полагает что в России благодаря юристам конца XIX в., в том числе Д.П. Никольскому прижилось слово «выдача» взамен определения «экстрадиции», принятого в европейских странах. См.: Ляхов Е.Г. Экстрадиция и принцип «aut dedere aut judicare»: становление и современные проблемы. // Публичное и частное право. 2012. № 2(14). С. 170.

³ Дело «Ниязов (Niyazov) против Российской Федерации» (жалоба № 27843/11): постановление Европейского суда по правам человека от 16 октября 2014 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 4.

⁴ Далее – КоАП РФ.

содержаний тех действий, которые были предприняты для передачи индивида властям запрашивающего государства.

Однако, мнения по поводу использования термина *экстрадиция* в качестве абсолютного синонима понятия *выдача* придерживается большинство авторов, работы которых использованы в данном исследовании¹. П.А. Смирнов отмечает использование терминов на уровне подзаконных актов, а также соответствие, которое заложено в официальном наименовании Парижской конвенции, которое на английском языке буквально пишется как *European Convention On Extradition*². Что касается правовой природы смежных процедур (выдворения, депортации, реадмиссии, предоставления убежища), а также внеправовых действий (насильственного похищения, интернирования и обмена лицами), то их связанность с предметом исследования проявляется в примерах, связанных с выдачей, поскольку эти смежные процедуры и явления зачастую сопутствуют экстрадиции и являются предметом совместной правовой оценки.

Для современной юридической науки характерной чертой является изучение и постановка проблем на уровне отдельных отраслей права, в каждой из которых формируется перечень приоритетных направлений³, подлежащих исследованию. Д.П. Никольский, имел на этот счет иное мнение и объединял процедуры международного общения и судопроизводства в единый комплекс, определяя выдачу, как «совокупность юридических действий, посредством которых одно государство передает другому лицу, обвиняемое в совершении преступления в пределах последнего государства, которое имеет право суда и наказания»⁴. Первичной отправной точкой в формировании института выдачи Д.П. Никольский считал принцип *государственного верховенства*, то есть действия уголовного закона в пределах его территориальности (поземельности)⁵.

---

¹ такого мнения придерживаются Р.М. Валеев, Н.А. Сафаров и другие авторы.

² Смирнов П.А. Понятие выдачи как одного из направлений международного сотрудничества по борьбе с преступностью // *Международное уголовное право и международная юстиция* № 1. 2011. С. 3.

³ Д.А. Воропаев, В.И. Павлов, А.Л. Савенок. Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики. *Научная жизнь*. Санкт-Петербургский государственный университет. № 62. Март 2018. С. 178-204.

⁴ Никольский Д.П. Указ. соч. С. 29.

⁵ действие уголовного закона в пространстве по Уложению о наказаниях 1845 г. определялось ст. 168 «действию сего Уложения подлежали в равной мере все российские подданные в пределах государства», и ст. 170

Систему правоотношений, сложившихся вокруг института выдачи Д.П. Никольский объясняет потребностями уголовного закона в его реализации за пределами территориальности, что послужило началом к формированию системы международных правоотношений¹.

Современные представления об уголовной юрисдикции государства в вопросах экстрадиции получили более расширенное понимание, и, как пишет Н.А. Сафаров, «к двум первым: территориальная юрисдикция (1), в основе которой лежит место совершения преступления и «активная персональность», то есть принадлежность к гражданству обвиняемого (2), стали так же относиться «пассивная персональность», для которой основой является гражданская принадлежность потерпевшего (3), протективность или защитность, которые применяются в случаях, когда преступлением затронуты интересы государства (4), а так же универсальная юрисдикция (4), для которой определяющим значением выступает характер совершенного преступления»². Основой международно-правового содержания выдачи является ее договорный и согласительный характер, в котором приоритетное значение имеет достижение консенсуса между субъектами международного взаимодействия. Международно-правовое видение противопоставлено уголовно-процессуальной природе выдачи, для которой в основе лежит ее разрешение на основании внутригосударственного права.

Л.Н. Галенская, ссылаясь на Л. Оппенгейма³, характеризующего выдачу как «передачу обвиняемого или осужденного лица тому государству, на территории которого это лицо считается совершившим преступление или осужденным за него, определяет экстрадицию как процесс передачи преступника, в соответствии с нормами международного права, другому государству для применения

«иностранцы, в России жительствовавшие или временно пребывающие, подлежали действию уголовных законов наравне с подданными». См. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт-Петербург: В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845. 3, III, 592, XV с.

¹ См.: Никольский Д.П. Указ. соч. С. 28.

² Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 271.

³ См.: Оппенгейм Л. Международное право. Издательство иностранной литературы. Москва. 1949. Т., 1 п/т. 2. С. 256.

уголовного наказания»¹. Схожей является и определение М.Д. Шаргородского: «передача преступника государством, на территории которого оно находится, другому государству для суда над ним, или для применения к нему наказания»². Данный автор ссылается на Г. Доннедье да Вабра, у которого французский термин *extradition* сформулирован как «действие государства, заключающееся в передаче какого-либо лица правительству другого государства для того, чтобы это лицо было судимо его судом или чтобы оно отбыло наказание, к которому оно было приговорено»³.

Р.М. Валеев рассматривает выдачу в качестве «основанного на международных договорах и общепризнанных нормах принципах международного права акта правовой помощи, состоящего в передаче обвиняемого или осужденного государством, на территории которого он находится, требующему его передачи государству, на территории которого требуется лицо совершило преступление, или гражданином которого оно является, или государству, потерпевшему от преступления, для привлечения его к уголовной ответственности или для приведения в исполнение приговора»⁴.

Данные авторы выдачу определяли исключительно как институт международного права, полагая, что иные нормы, сопутствующие выдаче, существенного значения в процессе такой передачи не имеют. Данное видение объясняется регулированием выдачи до 2002 г. исключительно механизмами международного права, закрепленными в двусторонних договорах. Международно-правовое регулирование определило основополагающие принципы права, связанные с выдачей, которые стали изолированно применяться до их закрепления в национальном российском законодательстве в качестве предмета уголовного судопроизводства. Однако, как справедливо отмечает А.И. Бойцов, «формирование института экстрадиции, на стыке международного и национального права, не допускает при очевидной роли норм международного

---

¹ Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью / Издательство «Международные отношения». Москва. 1972. С. 122.

² См.: Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 589.

³ *Traite elementaire de droit criminel*, Paris, 1943, § 1757, p. 870.

⁴ Валеев Р.М. Выдача преступников в современном уголовном праве (некоторые вопросы теории и практики) / Издательство казанского университета. Казань. 1976. С. 28-29.

права, сведению лишь к первому, поскольку осуществление выдачи покоится также на нормах внутригосударственного права»¹.

Что касается систематизации правил выдачи, то следует отметить предложенную А.С. Гришиным, которая предусматривает трехэлементную структуру, «включающую в себя: *общеправовые* принципы (принцип законности, принцип гуманизма и принцип защиты прав человека), *межотраслевые* принципы (принцип неотвратимости ответственности за совершенное преступление, принцип *non bis in idem*), *институциональные* принципы (принцип взаимности, принцип отказа от выдачи за политические преступления, принцип невыдачи собственных граждан, принцип двойной инкриминации, принцип *aut dedere aut judicare*, принцип специальности)»².

Можно сделать вывод, что общеправовые принципы относятся к фундаментальным правовым установкам, которые зависят от правосознания, характерного для определенного периода времени (в настоящее время их приоритет в сфере конституционно-правового регулирования), а институциональные принципы является частью уголовно-правового механизма выдачи, закрепленного в УПК РФ.

Принцип *государственного верховенства*, который содержится в ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах³, является основополагающим в экстрадиционных правоотношениях. Д.П. Никольский обосновывал его в качестве «признания государственного права судить и наказывать за преступления, совершенные в его пределах, «когда каждое государство-участник обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права»⁴. Поскольку в вопросах выдачи юрисдикция государства выходит за пределы его территориальности, возникает вопрос о действии уголовного закона в отношении

---

¹ Бойцов А.И. Указ. соч. С. 19.

² Гришин А.С. Организационно-правовой механизм выдачи лиц для уголовного преследования в российском уголовном процессе: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7.

³ Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1978. Вып. XXXII.

⁴ См.: Никольский Д.П. Указ. соч. С. 4.

российских граждан, находящихся за пределами государства своей принадлежности, иностранных граждан и лиц без гражданства.

А.В. Марченко анализирует действие уголовного закона в пространстве и, применительно к международной уголовно-процессуальной юрисдикции в отношении субъектов экстрадиции, выделяет: *территориальный* элемент, который ограничен пределами суверенного государства, под действие которого попадают любые лица, совершившие в границах государства преступления, независимо от подданства и подлежали наказанию по законам данного государства; *национальный*, под действие которого подпадает гражданин, независимо от места нахождения, и обязан подчиняться воле своего государства¹.

А.И. Джигирь пишет, что современная доктрина и практика рассматривают институт выдачи именно через призму учения о действии уголовного закона в пространстве². Данный автор отмечает назначение этого уголовно-правового явления как средства, которое позволяет России осуществлять уголовное преследование лиц, вышедших из-под ее исполнительной юрисдикции (УПК РФ) и оказывающего содействие иностранному государству в уголовном преследовании лица, преступившего его закон (УК РФ). То есть выделяет стороны, в которых проявляется уголовно-правовая сущность, дающая возможность реализации возможностей института выдачи для целей уголовного права³.

В то же время, А.И. Джигирь интерпретирует выдачу как уголовно-правовой институт⁴, несмотря на то, что вопрос о реализации выдачи в качестве элемента уголовного права вызывает некоторое сомнение, а дублирование материальных и процессуальных норм представляется нецелесообразным. Данный автор в качестве основания выдачи приводит «совершение экстрадиционного

---

¹ Марченко А.В. Международное сотрудничество в уголовном процессе по выдаче преступников: правовое регулирование и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. С. 13.

² См.: Джигирь А.И. Указ. соч. С. 14, 15.

³ См.: Там же. С. 15.

⁴ Джигирь А.И. Указ. соч. С. 3-4.

преступления»¹, из чего следует, что, будучи объединенными гл. 2 УК РФ, регулирующей действие уголовного закона во времени и пространстве, называет определяющим при решении вопроса о выдаче преступность и наказуемость деяния, определенную уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния (ч. 1 ст. 9 УК РФ). С данным суждением согласиться нельзя, поскольку выдача является уголовно-процессуальным институтом, исходя из источников ее нормативного регулирования. Тем самым, все вопросы, связанные с выдачей, разрешаются в момент принятия соответствующего процессуального решения по правилам УПК РФ. Поскольку в вопросах выдачи взаимодействие уголовно-процессуального и материального права носит динамический характер, обусловленный, как изменением фактических обстоятельств дела (изменение правового статуса лица, запрошенного к выдаче, истечение сроков давности, изменение квалификации преступления и т.д.), так и изменением уголовного закона (декриминализация, изменение редакции, объявление амнистии и т.д.), установление факта совершения экстрадиционного преступления, будет являться одними из составляющих предмета проверки, не имеющего преимущества перед другими, например наличием оснований отказа в выдаче. Таким образом, выделение выдачи в рамках самостоятельной (отдельной) главы Общей части УК РФ, как то считает А.И. Джигирь², не требуется, поскольку ст. 13 УК РФ является примером избыточного регулирования, которое не нужно развивать в рамках другой отрасли права, а потому следует исключить, как излишнюю.

Можно предположить, что институт выдачи по своему правовому содержанию, изначально разделен на два вида реализации государством своего верховенства: выдача иностранных граждан и лиц без гражданства по запросам иностранных государств и требование о выдаче собственных граждан из иностранных государств. По этой причине всегда необходимо учитывать, о каком виде процедуры идет речь, в первую очередь потому, что объем нормативного

---

¹ Джигирь А.И. выделяет одно - двуединое основание экстрадиции: фактическое - совершение экстрадиционного преступления и юридическое - наличие международного и внутригосударственного законодательств, предусматривающих уголовную ответственность за данное преступление. Там же. С. 8.

² Там же. С. 9.

регулирования и прав участников в данном случае совершенно разный, равно как и вид юрисдикции, которым руководствуется государство, реализуя такое право.

Конституция РФ, следуя не только практике международного общения, но и создания максимальных гарантий защиты собственных граждан, выделяет два основных принципа, относящихся к экстрадиции: запрет на выдачу собственных граждан другому государству (ч. 2 ст. 61), запрет на выдачу лиц, преследуемых за политические убеждения, действия или бездействия, не признаваемые в Российской Федерации преступлениями, а так же принцип правового регулирования выдачи, на основании федерального закона или международного договора Российской Федерации (ч. 2 ст. 63). Эта норма поставила точку в обсуждении вопроса о возможности выдачи граждан России для уголовного преследования в другие государства, сняв дискуссию на последующие годы, несмотря на то периодически такие требования от иностранных государств поступают¹.

Включение в раздел Конституции РФ положений об основных правах и свободах человека, положений, регламентирующих выдачу, определило развитие законодательства об экстрадиции на последующие годы. Отмечая цель такого построения конституционных норм, С.С. Алексеев полагал, «если нормативные записи об основных правах человека становятся первой, заглавной частью конституции, то это резко возвышает права человека в жизни общества»². Конституционные изменения определили направление последующего формирования выдачи в сфере уголовного права и уголовного судопроизводства, что способствовало формированию внутригосударственного экстрадиционного законодательства, а также обеспечению минимальных гарантий соблюдения прав индивида в вопросах выдачи, что явно просматривалось в характере российского законодательства 1990 – 2000 гг. Первой регулятивной нормой стала ст. 13 УК РФ, которая, как отметил А.И. Бойцов, лишь воспроизводила предписания ст.ст.

---

¹ например, требование прокуратуры Республики Польша о выдаче троих российских авиадиспетчеров, дежуривших в апреле 2010 г. в аэропорту Смоленск-Северный, когда разбился «борт №1». См.: Польша потребовала выдать российских диспетчеров, дежуривших во время крушения самолета Леха Качиньского // [Электронный ресурс] URL: <http://www.vesti.ru/article/2459574> (дата обращения: 18.04.2020).

² Алексеев С.С. Философия права и теория права. / Собрание сочинений в 10 т. Статут. Москва. 2010. т. 7. С. 228.

61 и 63 Конституции РФ¹. Что касается положений УПК РФ о выдаче (гл. 54 УПК РФ), то данный автор относит этот раздел к *«внутренним экстрадиционным законам*, который, как любой нормативный акт такого рода, наряду с общими началами законодательства, обретает для каждого принявшего его государства статус директивного указания при заключении им межгосударственных соглашений о выдаче»².

Думается, что на основании конституционных положений невыдачи граждан и лиц, преследуемых за политические преступления, стала формироваться система национального законодательства, в виде формально определенных юридических процедур, позволяющих контролировать средствами уголовного судопроизводства соблюдение данных конституционных принципов, а так же исключить их произвольное или непроизвольное нарушение, в том числе путем выдачи под видом иных, смежных процедур или неправыми методами³.

Принцип невыдачи лиц, преследуемых за политические убеждения, рассматривается как фундаментальное правило, выступающее не только в качестве одного из оснований отказа в выдаче, но и правилом, формирующим экстрадиционную политику государства, которое закреплено в международных нормативных актах, в национальном законодательстве. Ссылаясь на VI Международную конференцию по вопросам уголовного права, М.Д. Шаргородский приводит определение «политического преступления», которыми являются: «нарушения, направленные против государственного строя или против прав, вытекающих из этого строя для гражданина», а также «преступления общеуголовные, совершенные при выполнении политического преступления, или действия, совершенные для выполнения предоставления виновнику политического преступления возможности избежать применения уголовного закона»⁴.

---

¹ Бойцов А.И. Указ. соч. С. 24.

² См. Там же. С. 25.

³ Прошляков А.Д. предлагает установить ряд основополагающих правил, касающихся процедуры выдачи, включающие правовое регулирование положения лица, подвергнутого экстрадиции, обеспечение гарантий законности проводимой процедуры и установления запретов подмены выдачи другими правовыми и неправовыми способами передачи лица иностранному государству. См.: Прошляков А.Д. Указ. соч. С. 254.

⁴ См.: Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 594-595.

Проверка на предмет политического характера инкриминируемого деяния в процедуре экстрадиции является обязательной, для установления которого необходимо наличие реальных свидетельств преследования за политические убеждения. Однако критерии по отнесению конкретного преступления к преступлениям политического характера являются предметом многочисленных споров и спекуляций. Как отмечает Л.Н. Галенская: «определение характера преступления – дело внутренней компетенции государства, на территории которого находится беглец»¹. Ни одно из государств – участников Парижской конвенции, в том числе Россия, при ее ратификации с учетом приведенных оговорок, не прояснило вопрос о том, какое именно деяние будет являться политическим. Данное обстоятельство, по мнению Н.А. Сафарова свидетельствует о том, что «государства хотели бы иметь большую свободу в определении состава тех действий, которые, по их мнению, образуют политическое преступление»². Данный автор пишет, что «попытки выработать унифицированный международно-правовой поход по вопросу о том, какие деяния следует считать политическими, нельзя признать эффективными, по этой причине представляется верным, что такие вопросы должны разрешаться в каждом конкретном случае процессуальными средствами внутригосударственного права»³.

Проблема подозрения в совершении политических преступлений носит смежный характер с институтом убежища (*jus asuli*). В том случае, если компетентными органами государства усматриваются признаки уголовного преследования за политические преступления, параллельным является рассмотрение вопроса о предоставлении политического убежища.

К другим принципам, сложным в практической реализации относится правило *выдай или суди* (*aut dedere aut judicare*)⁴, выступающее требованием неотвратимости наказания, в том числе за преступления, совершенные на территории других государств. По российскому уголовно-процессуальному

---

¹ См.: Галенская Л.Н. Указ. соч. С. 125.

² См.: Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 127.

³ Там же. С. 129.

⁴ См.: Ляхов Е.Г. Указ. соч. С. 172.

закону спорными являются два связанных с этим правилом обстоятельства: положения внутригосударственного права (п. 1 ч. 1 ст. 460 УПК РФ), определяет право, но не обязанность уполномоченных органов Российской Федерации направить иностранному государству запрос о выдаче лица для уголовного преследования. Необходимость судебного производства в отношении лица, скрывшегося за пределами России, ставится на усмотрение правоприменителя, а отсутствие запроса о выдаче, в свою очередь, исключает вероятность уголовного преследования субъекта на территории другого государства за преступление, совершенное в России. Не урегулировано и правовое положение лиц, в отношении которых отказано в выдаче по запросам Российской Федерации, притом, что статистика показывает большой процент таких отказов¹. Представляется, что уголовно-процессуальный закон должен быть дополнен специальными положениями о судьбе лиц, в отношении которых отказано в выдаче по запросам Российской Федерации, а также тех, в отношении которых поступил отказ в выдаче Россией в случаях, когда отказ поступил с формулировкой, не исключающей преступность и наказуемость деяния. В таких случаях Генеральному прокурору РФ надлежит передать материалы для возбуждения против такого лица уголовного преследования в соответствии с законодательством Российской Федерации, а для этих целей запросить имеющиеся в распоряжении компетентного органа соответствующего иностранного государства материалы и доказательства, то есть ведется речь о процедуре передачи уголовного преследования (судопроизводства)², которая представляется спорной, но единственной имеющейся в арсенале видов международного сотрудничества средств достижения цели неотвратимости наказания.

---

¹ в 2017 г. из 325 запросов о выдаче лиц в Российскую Федерацию удовлетворено 158, в 2018 г. – из 372 запросов удовлетворено 193, в 2019 г. – из 455 запросов удовлетворено 184. См.: Справка о сотрудничестве с компетентными органами... Управления экстрадиции Главного управления международно-правового сотрудничества, октябрь 2021 г. Приложение № 2.

² К.К. Клевцов рассматривает передачу уголовного преследования (судопроизводства) в качестве альтернативы экстрадиции при отсутствии возможности обеспечить надлежащее производство на территории государства, в котором оно расследуется, в связи с отсутствием лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело. См.: Клевцов К.К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации. Указ. соч. С. 87, 88.

Наиболее спорное правило звучит дословно, как плохо схвачен, но хорошо удержан (*male captus bene detentus*), касающееся уголовного преследования в отношении лиц, поступивших в юрисдикцию государства в нарушение экстрадиционных процедур, либо, когда такие лица были похищены представителями их спецслужб.

Для проверки на предмет наличия оснований для отказа в выдаче требуются механизмы других отраслей права, по этой причине, в процессе накопления судебной практики, изменяется подход к пониманию выдачи со смещением интересов из сферы международно-правовой в уголовно-правовую. Одним из первых межотраслевой характер выдачи отметил Р.М. Валеев, указав на разделение содержания института выдачи, который «включает в себя как международно-правовые нормы, так и нормы национального уголовного и уголовно-процессуального права государств»¹.

Споры о принадлежности и сущности института выдачи продолжаются. При этом вряд ли можно согласиться с Х.З. Нагдалиевым, который представляет экстрадицию как «межотраслевой институт, существующий одновременно в международном, конституционном, уголовном и уголовно-процессуальном праве»², поскольку все вопросы выдачи в современном нормативном регулировании имеют уголовно-процессуальную природу, даже те, которые отсылают к вопросам международного права, их непосредственное применение осуществляется в уголовно-процессуальном порядке.

Безусловно, вопросы уголовно-правового регулирования, которые затрагиваются в процедуре выдачи, прослеживаются в основаниях отказа в выдаче. Р.М. Валеев произвел систематизацию оснований, обозначив следующие: «а) принцип невыдачи собственных граждан; б) совершение преступления на территории страны, к которой обращено требование; в) в тех случаях, когда по законодательству одной из сторон уголовное преследование не быть возбуждено или приговор не может быть приведен в исполнение вследствие истечения срока

---

¹ См.: Валеев Р.М. Указ. соч. С. 19.

² Нагдалиев Х.З. Современные особенности регулирования экстрадиции в международном праве: автореферат дис. кан. юрид. наук. Москва. 2016. С. 9.

давности или по иному законному основанию; г) в случае если на территории страны, к которой было обращено требование, по тому же преступлению был вынесен приговор или постановление о прекращении преследования по делу; д) когда требуемым лицом совершено преступление политического характера»¹. Современная практика международных организаций дополнила перечень новым основанием в виде невозможности выдачи в соответствии со ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (в случае угрозы применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказанию и т.д.), который чаще всего является причиной вынесения решений о необоснованной выдаче, например в Туркменистан (по причине сведений международных организаций о применении пыток) либо Республику Беларусь (где продолжает применяться смертная казнь)².

Кроме того, Р.М. Валеев приводит в качестве необходимого условия выдачи – «объем уголовного преследования выданного лица»³, который разрешается при помощи уголовно-правовых конструкций, а его отправной точкой является событие преступления, все элементы которого определяются на основании норм материального права, то есть в соответствии со ст. 9 УК РФ, согласно которой преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния. В настоящее время такое суждение представляется спорным, поскольку передача правового регулирования выдачи в сферу уголовно-процессуального регулирования, а также динамический характер взаимодействия уголовно-процессуального и материального права в процедуре выдачи указывают на то, что время совершения деяния, за которое следует выдача, является лишь отправной точкой. Однако эти вопросы являются актуальными на протяжении всей процедуры как при выдаче требования о выдаче граждан из иностранных государств, так и при выдаче иностранных граждан, поскольку квалификация деяния, за совершение которого производится выдача,

---

¹ Валеев Р.М. Указ. соч. С. 48.

² Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Валеев Р.М. Указ. соч. С. 44.

сохраняет свою значимость на протяжении всей процедуры, вплоть до осуждения выданного лица запрашивающей стороной.

По поводу правила двойной преступности М.С. Русалева пишет: «его смысл заключается в требовании, чтобы деяние, в связи с которым поступило требование об экстрадиции, квалифицировалось как преступление по законодательствам и запрашивающей и запрашиваемой стран, но с некоторыми оговорками. Важно законодательное установление уголовной наказуемости деяния в запрашивающей и запрашиваемой стране»¹. С данным автором следует согласиться лишь в части, поскольку для оценки деяния на предмет соответствия этому правилу, такого подхода недостаточно и необходимы четкие критерии его применения.

Н.А. Сафаров полагает, что «анализ уголовного законодательства обеих стран-участников выдачи производится на предмет *двойной преступности* или *двойного вменения* (double criminality), который означает, что лицо может быть выдано другому государству в тех случаях, когда совершенное им деяние признается преступным по законодательству, как запрашивающего государства, так и государства, которое должно принять решение относительно выдачи»². Способов его применения автор приводит несколько. Например путем обозначения, так называемых «экстрадиционных преступлений», с учетом того, что международно-правовые нормы могут вносить определенные коррективы в данный принцип и предусматривать закрепление перечня преступлений, влекущих выдачу в двустороннем договоре. Соответственно, отсутствие указаний в международном договоре на конкретное преступление, может исключать выдачу, несмотря на то, что это преступление наказуемо по законам обеих стран. Н.А. Сафаров вкладывает в него смысл квалификации экстрадиционного деяния как преступления по законодательству обеих заинтересованных (запрашивающего и запрашиваемого) государств, где речь идет о «специфических подходах национального уголовного законодательства, вовлеченных в

---

¹ Русалева М.С. Теоретические и правовые аспекты европейских и англо-американских стандартов выдачи // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 67.

экстрадиционный процесс стран, объявляющих то или иное действие (бездействие) преступным, то есть рассматриваемым как уголовное преступление. Данное правило (принцип) состоит из двух элементов: а) наказуемость деяния по уголовному законодательству обоих государств б) возможность осуждения за экстрадиционное деяние к лишению свободы на взаимосогласованный срок»¹.

Р.М. Валеев выделяет три способа договорной практики «определения преступлений, влекущих выдачу: 1) указание в конвенциях и договорах о выдаче перечня преступлений, влекущих выдачу; 2) указание минимума размера наказания преступлений, совершение которых влечет выдачу; 3) применение критерия тяжести с указанием перечня преступлений»².

Поскольку в международном законодательстве наблюдается тенденция к отказу от закрепления перечня преступлений, квалификация деяний по законодательству государства, рассматривающего запрос о выдаче, приобретает существенное значение. Например, п. 1 ч. 3 ст. 462 УПК РФ, разрешает выдачу с территории Российской Федерации только в том случае, если уголовный закон предусматривает за совершение этих деяний наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года или более тяжкое наказание, когда выдача лица производится для уголовного преследования.

В этой связи, примечательной является трактовка двойного вменения с позиции уголовно-процессуального закона, предложенная А.Г. Вениаминовым, полагающим, что «правило соблюдается в том случае, «если уголовным законодательством обоих государств предусматривается ответственность за тождественные преступления, несмотря на различие в их формальном нормативном закреплении и при наличии условий, предусмотренных ч. 3 ст. 462 УПК РФ»³. Представляется, что соблюдение этого правила возможно лишь на основании сравнительного анализа квалификаций преступлений двух государств – выдающего и запрашивающего, а в каждом деле вопрос о соотношении преступлений рассматривается индивидуально, а в особых случаях, при сложном

---

¹ См.: Там же. С. 70.

² Валеев Р.М. Указ. соч. С. 40.

³ Вениаминов А.Г. Институт экстрадиции как форма международного-правового сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2010. С. 9, 19-20.

сочетании юридических конструкций преступлений различных государств, необходимо проведение правовой экспертизы.

Н.А. Сафаров раскрывает правило *специализации* в качестве «международно-правового термина, который используется в договорной практике европейских стран, смысл которого заключается в обеспечении преследования выданного лица лишь теми преступлениями, которые составляли основу экстрадиционного запроса»¹. Однако по российскому внутригосударственному праву оно имеет исключительно уголовно-процессуальную природу и закреплено в ч. 1 ст. 461 УПК РФ, согласно которого лицо, выданное иностранным государством, не может быть задержано, привлечено в качестве обвиняемого, осуждено без согласия государства, его выдавшего, а также передано третьему государству за преступление, не указанное в запросе о выдаче. Также оно применяется в «международных соглашениях, которые могут предусматривать положение, в соответствии с которым лицо будет нести ответственность только за те преступления, что были указаны в запросе о его выдаче»², например, это правило закреплено в ч. 1 ст. 81 Кишиневской конвенции.

Применение на практике правила специализации представляет собой в первую очередь анализ нормам материального права, поскольку судить о соблюдении объема уголовного преследования выданного лица можно лишь при сопоставлении сведений об инкриминируемом ему деянии со сведениями, которые были приведены в запросе о выдаче, а также с учетом «динамических изменений» уголовного закона, которые сопутствуют процедуре уголовного преследования выданного лица. К данным обстоятельствам можно отнести не только изменение обвинения, но и применение уголовного закона в другой редакции, которая изменяет положение выдаваемого, вменяет дополнительные квалифицирующие признаки, приводит в обвинении основания, способные повлиять на наличие обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание и т.д. В этом смысле трактовка правила специализации некоторых зарубежных стран,

---

¹ Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 81, 83, 85.

² Нагдалиев Х.З. Современные особенности регулирования экстрадиции в международном праве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2016. 27.

разрешающих осуждение лица только за то преступление, за которое оно было выдано, причем с учетом размера и вида санкций, установленных за его совершение¹, придает ему более конкретный характер.

При обсуждении вопросов квалификации, следует также отметить наличие в международно-правовой практике исключительных обстоятельств, которые способны существенным образом повлиять на ход выдачи. Это замечание относится к вопросам обвинения в совершении преступлений против человечества и террористического характера. Как отмечал Р.М. Валеев, выдача данной категории преступников ввиду их большой общественной опасности не охватывается конвенциями и договорами о выдаче преступников, совершивших обычные уголовные преступления². Данный автор условно разделил категории субъектов выдачи на две группы: обычных преступников и лиц, совершивших преступления против человечества, для выдачи которых должны быть установлены условия, существенно отличные от тех, которые составляют институт выдачи преступников при нормальных отношениях между государствами, при этом для выдачи таких лиц не должно быть препятствием ни правила невыдачи собственных граждан и политических преступников, ни отсутствие договора о выдаче³.

В современном праве некоторые такие изъятия предусмотрены в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений террористической направленности. К примеру, Конвенция о взаимной правовой помощи и выдаче в целях борьбы с терроризмом 16 мая 2008 г.⁴ предусматривает правило о том, что никакое преступление, предусмотренное во всеобщих документах о борьбе с терроризмом, не считается политическим преступлением, преступлением, связанным с политическим преступлением, или преступлением, совершенным по политическим мотивам (ст. 5), с целью судебного преследования или наказания

---

¹ См.: Анализ международных договоров и российского законодательства в сфере передачи осужденных и экстрадиции: учебное пособие / А.В. Степанов [и др.]. Пермь : ФКОУ ВПО Пермский институт ФСИН России. 2014. С. 21.

² См.: Валеев Р.М. Указ. соч. С. 73, 74.

³ См.: Там же. С. 86.

⁴ Конвенция о взаимной правовой помощи и выдаче в целях борьбы с терроризмом 16 мая 2008 г. // [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/extradition_mutlegal_assist.shtml (дата обращения: 20.04.2020).

лица по признаку его расы, религии, национальности, этнического происхождения или политических убеждений (ст. 6), кроме того предусмотрена обязанность государства-участника осуществлять выдачу на основе взаимности, или самостоятельно осуществлять уголовное преследование такого лица (ст. 33). Схожие правила предусмотрены Конвенцией о борьбе с бомбовым терроризмом 16 декабря 1997 г., Международной конвенцией о борьбе с актами ядерного терроризма 13 апреля 2005 г. Применение таких специализированных международных актов в совокупности с особенностями процедуры выдачи, может привести к существенному ее упрощению и безусловному характеру. Однако имеется практика в виде двоякого толкования и квалификации преступлений террористического характера рядом стран как политических преступлений¹, которые используют такой подход в качестве инструмента, позволяющего уклониться от ответственности опасной категории уголовных преступников².

Таким образом правила выдачи, как закрепленные в уголовно-процессуальном законе, так и являющиеся частью международного права, формируют основную часть предмета уголовно-процессуального доказывания в ходе практической реализации экстрадиционных правоотношений (проведение экстрадиционной проверки и процедуры судебного контроля), реализуемым по правилам УПК РФ.

К таким вопросам относится проверка требований на предмет двойной криминальности деяния по законодательству обеих стран, в том числе соразмерности санкций, наличие гарантии уголовного преследования только за преступления, указанные в запросе о выдаче, а также отнесение преступления, в совершении которого обвиняется выдаваемое лицо, к категории политических, либо исключительных преступлений. Остальные правила выдачи применяются в зависимости от конкретных обстоятельств и особенностей экстрадиционных правоотношений.

---

¹ См.: Ляхов Е.Г. Указ. соч. С. 171.

² См.: Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 128.

§ 4. Генезис выдачи в российском уголовном судопроизводстве

Институт выдачи изменился и обрел современный вид одновременно с развитием и совершенствованием самого права, то есть является продуктом *правогенеза* (процесса возникновения права, его происхождения и становления как специфического социального явления, способного особым образом упорядочивать отношения в человеческом обществе)¹, а именно, трансформировавшись из карательного политического инструмента в правовой способ регулирования общественных отношений.

Границы исторических периодов в становлении института выдачи первым определил Ф.Ф. Мартенс, выделив таковых три: «1) с древних времен до конца XVII в. – выдача носила редкий, единичный характер и являлась средством борьбы с политическими противниками, а также устрашения, которое демонстрировало возможность правящего субъекта реализовать свои притязания даже на чужой территории; 2) с начала XVIII и до конца 40-х годов – XIX в. период, когда стали возникать первые договоры не только в отношении политических противников и перебежчиков (в том числе обвиненных в совершении военных преступлений – дезертиров и беглых военных), но также беглых преступников, виновных в совершении обычных (общеуголовных) преступлений, хотя первые все еще преобладают, а последние пока составляют исключение в силу своей немногочисленности; 3) новое время, начавшееся в 1840 г. – когда государства начали согласованную кампанию в отношении беглых преступников, совершивших деяния, не имеющие политических целей и наказуемые по общеуголовным законам»². А.И. Бойцов предлагает несколько иной хронологический подход с учетом событий новейшей истории: «1) с древних времен (начиная с появления первых признаков «формальной дипломатии») до XVII в., для которого характерно появление первых признаков

¹ См.: Доржиев Ж.Б. Правогенез в свете теории самоорганизации. // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке. Сборник. - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Санкт-Петербург, 1883. Т. 2. С. 383-393.

института выдачи, возникших одновременно с институтом предоставления убежища; 2) с XVIII в. до первой половины 19 в., когда сформировались первые международные основания и принципы выдачи; 3) 1840-1943 гг., или период становления выдачи как института международного права, принятия большого количества двусторонних и многосторонних соглашений о выдаче; 4) с 1943 г. – период становления современного института выдачи под влиянием последствий Второй мировой войны (создание и регулирование вопросов выдачи международными органами, а также принятие конвенций о выдаче, актуальных по настоящее время)¹.

В средние века начали формироваться европейские традиции права, первоисточником которых стали труды известных юристов, определивших направление развития европейского, а затем и мирового права. Средневековое право представляло собой развитую систему знаний, которая брала свое начало из учения постглоссаторов и католической теологии XIV в., и получила наибольшее выражение в рамках поздней схоластики². Юридические вопросы международных сношений в меньшей степени разрабатывались, но также изучались юристами в средневековых университетах, по этой причине считается, что европейские нормы по регулированию вопросов выдачи создавались на основе правовых традиций, сформированных постглоссаторами в Болонском университете³. Также в это время были заложены основы европейского континентального юридического мышления, которые и будут определять его своеобразие в дальнейшем, а также основы европейской правовой традиции и юридической науки⁴.

Тогда же берет свое начало обособленное формирование правовых традиций и разделение на континентальную, распространенную в странах романо-германского права, континентальной Европы, латиноамериканских

---

¹ Бойцов А.И. Указ. соч. С. 6-7.

² См.: Третьяков С.В. Субъективное право, как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории // Вестник гражданского права. 2020. № 2. С. 20.

³ Покровский И.А. История римского права. / проф. И.А. Покровский / изд. юрид. кн. скл. «Право». Петроград. 1917. С. 126.

⁴ См.: Тарасов Н.Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции: учебное пособие для вузов / Москва : Издательство Юрайт, 2019. С. 101.

странах, и систему общего (прецедентного) права, распространенную в настоящее время в Великобритании, Канаде и США. Такое разделение отразилось и на формировании института выдачи.

Правовые системы особенно различаются назначением выдачи. Принятая в странах Континентальной Европы форма выдачи основана на четко определенных правилах: двойной наказуемости, специализации, невыдачи своих граждан. Экстрадиция в англо-саксонской (системе общего права) основана на противоположности этих принципов, главной задачей которых является обеспечить неотвратимость наказания, даже если экстрадиция производится в отношении собственных граждан¹, кроме того, англо-саксонское право ориентировано на непризнание непреложности правил выдачи, на которые опирается континентальное право².

Например, в Англии вопросы выдачи разрешались по-иному, нежели в раздробленной средневековой континентальной Европе, и процедурные аспекты проникли в англо-саксонский институт выдачи раньше, равно как и установление судебного контроля за этой процедурой. Принятый парламентом в Англии в 1679 г. *хабеас корпус* (Habeas Corpus Act), представлял собой форму судебного контроля за соблюдением прав человека при задержании, которая «призвана гарантировать каждому лицу, лишенному свободы, право предстать перед судом для проверки им законности и обоснованности задержания»³. Право предстать перед судом предоставлялось и лицам, схваченным для передачи по требованиям о выдаче другим государством⁴. Со временем необходимость такого рассмотрения привела к традиции проводить полноценное судебное разбирательство в отношении выдаваемого лица. В то же время государства континентальной Европы, к примеру, Франция, практиковали «простую» выдачу, на уровне королевского (императорского) указа.

---

¹ См.: Русалева М. С. Указ. соч. - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Лукашук И.И., Наумов А.В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве: Учеб.-практ. пособие. М., 1998. С. 33.

³ Царебулев Я.Ю., Денисова А.Д. Историко-правовое значение habeas corpus act в развитии английского законодательства // Международный журнал естественных и гуманитарных наук. 2019. № 11-3(38). С. 113.

⁴ См.: Зеленцов А.Б. Судебное санкционирование как институт административно-процессуального права // Административное право и процесс. 2017. № 3. С. 61

Отсутствие процедурного элемента выдачи в странах континентальной Европы компенсировалось становлением правил выдачи. Труды Гуго Гроция (1583-1645 гг.) базировались не столько в области действующей прикладной юриспруденции того времени, сколько в области философии права¹, оперируя конструкциями которого, он обосновал первые базовые принципы выдачи. Работа Гроция «О праве войны и мира» во многом определила взгляды и установки средневековых юристов по формированию международной политики XVII в., а его положения определили соотношение современных международных принципов предоставления убежища и выдачи. Гроций рассматривает институт выдачи в неразделимой взаимосвязи с предоставлением права убежища, при этом он считал необходимым существенно ограничить право убежища для беглых преступников и иммунитеты (различного рода гарантии безопасности), которые были распространены в то время в условиях раздробленных государств средневековой Европы.

Разрешение острых конфликтов, связанных с укрывательством беглых преступников, имело важное значение, а ограничение права убежища было вызвано необходимостью сохранения нестабильного мира, поскольку несправедливое разрешение вопросов выдачи могло стать причиной локальных или глобальных войн. Гроций оперируя историческими фактами, призывал обдуманно предоставлять убежище². Он сравнивает выдачу с договором дарения и приводит множество показательных примеров из античной истории, делает акцент на том, что выдача, как и дарение, должна носить добровольный характер для выдающей и принимающей стороны, которая не обусловлена политическим давлением одной из сторон, либо же выдающая сторона не может настаивать на выдаче, если противоположная сторона с таким порядком разрешения спора не согласна. Добровольность выдачи должна быть оправдана целями недопустимости безнаказанности и устранения препятствия к осуществлению

---

¹ См. Тарасов Н.Н. Указ. соч. С. 111.

² См.: Гроций Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций. М.: Ладомир, 1994. С. 473-474.

права¹. Рассуждая о способах разрешения конфликта, в котором отсутствует согласие одной из сторон (добровольность), Гроций обосновал универсальный способ: либо выдача, либо суд над беглым лицом на территории государства-убежища, то есть правило *aut dedere aut judicare*, используемое в современном международном праве.

Другой важный аспект выдачи, сформулированный Гроцием, это «требование выдачи только за нарушения, направленные против государственного строя, или же за особо тяжкие преступления»². В случае бегства преступника в другое государство Гроций видит разрешение конфликта в виде выдачи для справедливого суда над преступником, либо же обеспечение такого же справедливого суда в государстве-убежище. В случае необоснованного отказа в выдаче Гроций предлагал считать государство, необоснованно предоставившее и служащее убежищем для преступника, а также отказавшего в выдаче, соучастником в преступлении. Современным примером такого принципа солидарной ответственности лица, в отношении которого направлено требование о выдаче и государства-убежища, являются международные санкции, применяемые к такому государству в современных реалиях.

Право убежища Гроций предлагал регламентировать таким образом, чтобы оно не носило абсолютного характера и не распространялось на любое лицо: «право ходатайствовать об убежище принадлежит несчастным, а не преступникам»³. Относительно практики выдачи в большинстве стран средневековой Европы того времени автор отмечал, что государства пользуются правом выдачи только по отношению к преступлениям, которые затрагивают государственный порядок или отличаются «чрезвычайной жестокостью злодейства», при этом, менее значительные преступления «предпочтительно взаимно предавать забвению»⁴.

---

¹ См.: Там же. С. 483.

² См.: Очкасова И.В. Право убежища как сдерживающий принцип в осуществлении экстрадиции в международных отношениях // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3 С. 488.

³ Гроций Г. Указ. соч. С. 475.

⁴ Там же. С. 478.

Из трудов Гроция следует, что в начале XVII в. выдача представляла собой относительно сформировавшийся правовой институт, который не обладал признаком формальной определенности, мало чем отличался от обычая, и реализовывался каждым государством по-своему, то есть отсутствовали универсальные правила для его реализации на международном уровне. Таким образом, экстрадиция осуществлялась на основании двусторонних политических соглашений, из которых впоследствии сформировалась форма выдачи, названная Д.П. Никольским *дипломатическим путем*¹. Представляется, что значительная практика взаимодействия между властителями государств феодального периода по поводу выдачи послужила основой для первых источников международного права по вопросам экстрадиции.

Возникает вопрос, почему экстрадиция в качестве правового явления стала формироваться именно в начале XIX в.? Как отметил М. Фуко, в каждой культуре между использованием того, что можно было бы назвать упорядочивающими кодами, и размышлениями о порядке располагается чистая практика порядка и его способов бытия, то есть некий период, являющийся порогом нашей современности, начинавшейся, по мнению автора с XIX в.² Так, и в вопросах международных отношений, основные институты международного права, в том числе, связанные с выдачей, стали формироваться и приобретать современный вид.

Как отмечает Р.М. Валеев, «зарождение выдачи в качестве правового института связано с развитием международного права, а именно, с буржуазными революциями конца XVIII и начала XIX вв.³, которому способствовал процесс разложения феодализма, когда стали зарождаться и развиваться капиталистические общественные отношения, требовавшие активного международного сотрудничества⁴. Изначально международные отношения получили импульс для развития в связи с необходимостью установления

---

¹ Никольский Д.П. Указ. соч. С. 267-268.

² См.: Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. СПб. 1994. С. 60.

³ Валеев Р.М. Указ. Соч. С. 10.

⁴ См.: Там же. С. 13.

торговых отношений и экономических связей. Вопросы предоставления убежища и выдачи носили сопутствующий характер. Однако установление этих связей непосредственным образом влияло на характер участников международных договорных отношений, и использовались как политическое средство влияния.

Считается, что ведущей страной в области выдачи преступников, стала Франция, в которой были сформулированы первые нормативные положения о выдаче преступников. Р.М. Валеев указывает, что «одним из первых многосторонних договоров, который предусматривал вопросы международного сотрудничества был Амьенский договор 1802 г., участниками которого явились Франция, Испания, Голландия и Великобритания»¹. Положения этого договора не предусматривают экстрадицию как таковую, но исполнение его условий, связанных с передачей территорий, потребовало объявление амнистии и перемещение населения, проживающего на спорных территориях². Таким образом соглашение предусматривало то, что впоследствии будет называться «интернированием» населения, что явно не устраивало участников этого договора, и боевые действия были продолжены уже через год после его заключения. В то же время Л.Н. Галенская отмечает, что ст. 20 договора «содержала положение о выдаче лиц, обвиняемых в совершении убийства, умышленного банкротства и подделке денежных знаков»³.

После этого в странах Европы началось стремительное развитие экстрадиционных отношений. Принимались законы, содержащие общие правила заключения договоров о выдаче, а также порядок самой выдачи. Первым государством, принявшим такой закон 1 октября 1833 г., была Бельгия⁴. После этого в Бельгии были приняты новые законы, регулирующие выдачу: от 22 марта 1856 г., 5 апреля 1868 г., 1 июня 1870 г. и, так называемый параграф Дюшен, принятый 15 марта 1874 г., дополненный законом от 7 июля 1875 г. Он содержал

---

¹ См.: Там же.

² Статья 3 мирного договора предусматривала, что его британское величество возвращает Французской республике и ее союзникам все принадлежавшие им ранее владения, которые были заняты или завоеваны британскими войсками в течение войны, за исключением острова св. Торицы и голландских владений на острове Цейлоне. См.: Rondonneau. Le Clode de la conscription. Paris, 1810.

³ См.: Галенская Л.Н. Международная борьба с преступностью. М. 1972. С 117.

⁴ См.: Учебник международного права / Dr. А. Ривье, с предисл. гр. Л. Комаровского. Москва. 1893. [4], XII. С. 143.

порядок выдачи, производимой *дипломатическим путем*, в котором на выдающее государство возлагалась обязанность «констатировать тождественность личности выдаваемого и проверить, может ли поступок, вменяемый выдаваемому лицу, служить основанием к выдаче, а также удостовериться в наличии повода к подозрению»¹.

С этого времени и российские юристы стали рассматривать выдачу как обособленный компонент международного права. А. Штиглиц приводит главный тезис исследователей того времени, который звучит так: «является ли выдача преступников юридической обязанностью государства»? Данный автор ссылается на ведущих исследователей того периода – Пуффендорфа, Шмальца, Мартенса, Клобера и других, выражающих различные точки зрения на этот счет (Гроций при этом был основоположником мнения о наличии у государства такой юридической обязанности)². Тогда же юристами начинает обсуждаться место выдачи в доктринальной сфере международного права.

Начиная с XVII в. практика выдачи периодически фигурирует в исторических источниках государств Европы (включая Россию). С этого времени можно отследить ряд примечательных фактов, которые отражают связь выдачи с институтом политического убежища, неприкосновенности лиц, наделенных дипломатическим иммунитетом и т.д., а также использование выдачи в качестве политического акта для достижения целей международного влияния.

Одним из таких является дело Иоганна Паткуля (1660-1707 г.г.), пользующегося правами российского подданства. До этого он, являясь лифляндским дворянином, отстаивавшим интересы прибалтийского дворянства, вступил в конфронтацию со шведским правительством, которое стремилось отнять значительную часть земельных владений³. Преследуемый шведским правительством, Паткуль вынужден был покинуть родину и заочно был приговорен шведским правосудием к смертной казни. В 1699 г. Паткуль приехал в Россию для переговоров вместе с посланцем польского короля, под чужим

---

¹ Там же. С. 149.

² См.: Штиглиц А.Н. Исследование о выдаче преступников. СПб., 1882. С. 28, 30.

³ См.: Кафенгауз Б. Внешняя политика России при Петре I. // ОГИЗ Госполитиздат. Москва. 1942. С. 24.

именем, поскольку продолжался его розыск по требованию короля Швеции. Он встретился с Петром I, перешел на русскую службу и был отправлен в Вену по личному поручению русского царя для того, чтобы склонить Австрию на сторону России¹. При этом Паткуль был наделен царем правами русского министра, которому вверялось право вести переговоры от имени Петра I.

Примечательно, что в России первым специальным договором, который регулировал экстрадиционные правоотношения, была «Договорная запись со Швецией от 19/29 октября 1649 г. о выдаче перебежчиков»², и при определенных обстоятельствах шведский монарх мог требовать от России выдачи Паткуля. Однако из описанных событий следует, что Паткуль был наделен дипломатическим иммунитетом. Из того обстоятельства, что Паткуль прибыл в Москву в составе дипломатической миссии, впоследствии приобрел дипломатические права уже как представитель российского государства, следует, что под категорию перебежчика или беглого преступника он не подпадал. Однако последующие исторические события привели к тому, что польский король обязался выдать шведам состоявшего на русской службе Паткуля, а также всех русских, находившихся в вспомогательных войсках в Саксонии³. Паткуль был еще ранее незаконно схвачен саксонскими властями и помещен в тюрьму. Длительное время Паткуль находился в заключении, что вызывало протесты со стороны Петра I по поводу нарушения обычаев международного права. После двух лет нахождения Паткуля в крепости Кенигштайн, и вступления в нее шведского отряда он был выдан шведам, а 10 октября 1707 г. Паткуля жестоко казнили⁴.

Данное обстоятельство вызвало серьезное обострение международных отношений между Россией, Австрией и Польшей. Со Швецией с 1700 г. Россия находилась в состоянии войны. Неприкосновенность послов являлась одним из фундаментальных обычаев международного права. В частности, в работе Гроция

---

¹ См.: Кулев В.К. Человек, развязавший Северную войну // Труды международного симпозиума надежность и качество. Пензенский государственный университет. 2013. С. 314-315.

² См.: Таганцев Н.С. Лекции по русскому уголовному праву / Вып. 1. СПб., 1887. С. 309.

³ Кафенгауз Б. Указ. соч. С. 37.

⁴ См.: Ивонин Ю.Е., Ивонина Л.И. Дипломатия Бранденбурга. Пруссии в начале XVIII века (до битвы под Полтавой) // Российский научный журнал. 2009. № 6 (13). С. 25.

указывалось на священный характер послов, а нарушение неприкосновенности «не только преступно, но согласно общему признанию и нечестиво»¹. Данное правило соблюдалось европейскими государствами. Начиная с XVI в. послы являлись неприкосновенными, наделялись привилегиями и преимуществами², на них распространялась личная неприкосновенность и судебный иммунитет.

Другим важным аспектом, обусловившим возмущение российской стороны, являлась сама политическая фигура Паткуля, не подпадавшая под категорию преступников, выдача которых практиковалась европейскими государствами того времени, безотносительно к существующим тогда соглашениям. По характеру уголовного преследования Паткуль скорее обладал признаками политического узника, преследование которого явно осуществлялось в связи с его попытками противодействовать шведским властям на территории прибалтийских земель. Тем самым его выдача и казнь по своей правовой природе являлись политической расправой, способной стать самостоятельным поводом для объявления войны.

Это событие в значительной степени обострило международную обстановку в Европе. Период правления Петра I отмечен качественно новым этапом в развитии дипломатической службы России. В то время, менее чем за четверть века, было создано 15 постоянных дипломатических представительств России в странах Европы и Азии, поскольку русский монарх возлагал большие надежды на дипломатический метод регулирования международных отношений³. Одним из требований, которые Петр I диктовал послам – это наладить дружественные отношения с представителями других стран, включая Швецию⁴. Инцидент с Паткулем не только поставил под сомнение авторитет царя, способного обеспечить безопасность своих посланников, но также способствовал затяжному характеру Северной войны, исключив саму возможность начала переговоров между враждующими сторонами по причине уверенности российской стороны в

---

¹ Гроций Г. Указ. соч. С. 354.

² См.: Международное право. Общая часть: учебник / Г.Я. Бакирова [и др.]. М.: Статут, 2011. С. 108.

³ См.: История дипломатии: [сб.] / сост. А. Лактионов. М.: АСТ, 2006. С. 319.

⁴ См.: Яковенко Н.А. Особенности характера и содержания труда дипломатических представителей (исторический аспект). // Труд и социальные отношения. 2014. № 8. С. 142.

неспособности противника вести цивилизованный диалог инструментами международного права.

После того, как в европейских государствах при лидирующем участии Франции было заключено большое количество международных соглашений о выдаче¹, изменился подход к уголовному преследованию за государственные преступления. Политическая обстановка нового времени, для которой характерно свободное перемещение жителей в европейских государствах, вызвала большее распространение института убежища, предоставляемого лицам, совершившим в другом государстве политические преступления². Соответственно, начали создаваться внутригосударственные законы, запрещающие выдачу таких лиц. Это являлось своеобразной «прививкой» возможного обострения международных отношений, и если беглый политический преступник не был схвачен и предан суду на территории государства-преследователя, то предоставление ему убежища на территории ближайшего государства являлось обычной практикой и преследование прекращалось. Обратная ситуация стала формироваться вокруг лиц, совершивших общеуголовные преступления, поскольку «началось переселение преступников из Европы в Америку и на другие континенты с целью уклонения от ареста и наказания»³.

Официально Россия стала участником международных договоров с 1866 г., то есть после проведения судебной реформы и принятия уставов, в том числе уголовного судопроизводства, позволившего интегрироваться в международную европейскую политику, а также стать участником правоотношений, связанных с выдачей преступников. До этого Российское государство было лишь участником картелей по выдаче дезертиров с Австрией и Пруссией⁴.

---

¹ в т.ч. Декларация о содействии в выдаче преступников 1736 г., с Нидерландами; Франко-английская конвенция 1787 г. о выдаче злоумышленников; Конвенция между Францией и Пруссией о выдаче преступников 1845 г. картельные конвенции о выдаче бежавших солдат и лиц, уклоняющихся от отбывания воинской повинности, или о выкупе и обмене военнопленных с другими государствами: международный договор Франции с Вюртембергом о выдаче дезертиров и преступников 1759 г. и т.д. См. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебник для академического бакалавриата / отв. ред. Р.А. Каламкарян. М. : Издательство Юрайт, 2016. С. 16.

² Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647 - 1917). М., Изд-во АН СССР. 1958. с. 460.

³ См.: Валеев Р.М. Указ. соч. цит. по Bedi S. D. Extradition in International Law and practice Rotterdam, 1966, p. 16-17.

⁴ См.: Валеев Р.М. Указ. соч. С. 13.

Несмотря на то, что на карте международных отношений российское государство появилось в результате заключения Вестфальского мира по итогам тридцатилетней войны (1648 г.), общепризнанным участником международного общения она стала значительно позже.¹ А.И. Бойцов полагает, что до реформы 1864 г. Россия находилась в состоянии изоляции, а «выдача преступников в подлинном смысле этого понятия была явлением исключительным»².

Отсутствие соглашений о выдаче, а также безрезультатность попыток интегрироваться в международную практику выдачи преступников объясняется политикой западноевропейских держав³. Европейские страны не желали создавать картели с Российской Империей ввиду недоверия к существовавшему на тот момент недоверия к российскому правосудию, которое, по мнению европейских юристов, являлось скорее азиатским, чем европейским. Необходимость правовой реформы была очевидной и подтверждением тому является суждение Чезаре Беккариа, о том, что для успешной интеграции в европейскую правовую систему российскому обществу необходимы «законы, более соответствующие потребностям человечества»⁴, ограничивающие произвол и тиранию представителей власти, которые обеспечат справедливое правосудие на всей территории обширной империи. Данный автор не преуменьшал значимость института выдачи в противовес убежищу. По его мнению, необдуманное предоставление убежища является «колыбелью великих переворотов в государствах и мнениях людей», в то же время выдача возможна только тогда, когда применяются «законы более соответствующие требованиям человечества», используются более мягкие наказания, устраняется произвол властей и обеспечиваются гарантии «безопасности угнетенной невинности»⁵. Аргумент Беккариа сводится в целом к необходимости соблюдения правильного баланса в соотношении частных интересов выдаваемого лица и публичных интересов государства при реализации выдачи, который в то время отсутствовал. Тем самым

---

¹ См.: Международное право. Общая часть: учебник / Г.Я. Бакирова Указ. соч. С. 112.

² Бойцов А.И. Указ. соч. С. 15.

³ См.: Там же.

⁴ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Биографический очерк и перевод М.М. Исаева. М, 1939. С. 374.

⁵ См.: Там же.

убежище, несмотря на его дестабилизирующий характер выступало единственным правовым средством защиты личности.

Российское государство быстро наверстало отсталость юридических институтов и уже во второй половине XIX в. российские достижения в области права не уступали европейским, а включенность в международное сотрудничество по вопросам экстрадиции, «не только в количественном отношении, но и в качестве юридической проработки договорных и национальных норм, полностью соответствовало мировому уровню экстрадиционной практики того времени»¹. Это свидетельствует о том, что такой межотраслевой правовой институт как выдача, требует определенного уровня развития международного и внутригосударственного права, при этом первый компонент всегда предшествует второму. Российские деятели обращали пристальное внимание на систему международных договоров и практику выдачи, на которых строили свои теоретические рассуждения, сравнивали с положительным опытом иностранных государств, и выступали с идеями по поводу развития внутригосударственного права, регулирующего выдачу. Россия вступала в соглашения, регулирующие выдачу: «с Королевством Нидерланды (1867 г.), Италией (1871 г.), Бельгией (1872 г.), Швейцарией (1873 г.), Австро-Венгрией (1874 г.), Англией и Испанией (1877 г.), Монако (1883 г.), Пруссией (1885 г.) и т.д.»².

Первый из отечественных источников уголовно-процессуального права – Устав уголовного судопроизводства, утвержденный 20 ноября 1964 г., не содержал специальных норм, которые бы регулировали процессуальный порядок выдачи³. В 1884 г. Д.П. Никольский проводит сравнительный правовой анализ двух проектов: «О выдаче преступников в проекте русского Уложения о наказаниях» и Французского законопроекта 1879 г. «О выдаче преступников», из которого делает вывод, что российский закон содержал всю полноту

---

¹ См.: Бойцов А.И. Указ соч. С. 16.

² См.: Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. В 15 томах. / СПб. 1874. Т. 1. С. 12.

³ См.: Устав уголовного судопроизводства // [Электронный ресурс] URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 10.03.2020).

регулирования международно-правового и уголовно-правового аспектов выдачи, и предполагалось что он станет составной частью законодательства материального уголовного права¹. Отсутствие процедурного момента автор подверг конструктивной критике, указав, что «если во французском законопроекте указаны даже подробности процедуры, то в русском мы не найдем их: его задача – указать только общее юридическое начало, положенное в основу института выдачи». Предложения Д.П. Никольского состояли в том, чтобы ликвидировать «слабые стороны законопроекта», а именно: по вопросам о выдаче собственных подданных, о выдаче за политические преступления и о правах судебной власти². Данный автор неоднократно выказывал критику относительно организации выдачи по принципу «дипломатического пути», а исключение государственных злоупотреблений и ограничение карательных возможностей власти автором обеспечивалось введением судебной процедуры, с передачей разрешения вопросов выдачи судебной власти.

К этому же периоду времени относится юридический дискурс о форме организации выдачи, являющейся производным конкретной правовой системы (правовой семьи), принятой в этом государстве, то есть англо-саксонской, системы общего права, социалистической и т.д.³ Об этом рассуждает Д.П. Никольский, выделяя систему чисто административного рассмотрения требования, называя ее французской, систему смешения административной с судебной властью, автор называет бельгийской, а также выделяет англо-американскую систему, которая построена на процедуре рассмотрения выдачи исключительно судебной властью⁴. Как отмечает М.Д. Шаргородский, в различных государствах сложились различные формы выдачи: «1) административными органами (Испания, Югославия – 1939 г., Дания); 2) судебными органами, при этом решение судебных органов может иметь – а) консультативное значение (Бельгия, Австрия, Голландия, Венгрия), б)

---

¹ См.: Никольский Д.П. Указ. соч. С. 501.

² Там же. С. 528.

³ См.: Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) под ред. В. А. Туманова. / М.. С. 29.

⁴ См.: Никольский Д.П. Указ. соч. С. 329.

консультативное значение при положительном решении вопроса о выдаче и обязательное при отрицательном – так называемая люксембургская система (Люксембург, Италия, Швеция, Норвегия, Финляндия, Франция), в) обязательное значение во всех случаях (Швейцария, Аргентина, Бразилия, Парагвай)»¹.

Закон Российской Империи «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств» разрешил вопрос о форме выдачи и был утвержден 15 декабря 1911 г.² Время его действия было ограничено коротким периодом с момента вступления в законную силу – январь 1912 г. до начала Первой мировой войны – лета 1914 г., когда он являлся одновременно специальным законом об экстрадиции и составной частью Устава уголовного судопроизводства³. Он был разработан на основе европейских (в т.ч. бельгийских) аналогов⁴, и содержал такие положения как: выдача на основании заключенного договора или принципа взаимности (ст. 852/1); запрет на выдачу русского подданного (ст. 852/3); запрет выдачи: 1) когда она требуется по поводу того самого деяния, за которое лицо уже в России осуждено, оправдано или освобождено от наказания, а также 2) если истекли сроки давности судебного преследования, осуждения или наказания до получения требования о выдаче (ст. 852/4); запрет наказания в государстве за преступление, не указанное в требовании о выдаче, а также запрет выдачи третьему лицу без согласия Российского Правительства (ст. 852/7) и т.д. Таким образом, приведенный закон содержал прогрессивные положения, воспроизводившие фундаментальные основы естественного права, которые ничем не уступают даже современным правилам экстрадиции, он создавал благоприятные условия для формирования доверительного отношения сторон в условиях экстрадиционных взаимоотношений⁵. Кроме этого, закон обозначил права выдаваемого лица, по сравнению с выдачей, производившейся «дипломатическим путем». Субъект выдачи стал процессуальной фигурой,

¹ Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 602.

² О выдаче преступников по требованиям иностранных государств / 3 ПСЗ. Т. 31. № 36219. Собрание узаконений. 1912. 6 января. Отд. I. Ст. 41.

³ данный закон принят Государственной думой 19 марта 1911 г., утвержден два месяца спустя Государственным советом, а после его подписания императором Николаем II был опубликован 15 декабря 1911 г. и вступил в действие с января 1912 г. См.: Бойцов А.И. Выдача преступников. С. 24.

⁴ Учебник международного права / Дг. А. Ривье. С. 143-144.

⁵ См.: Волженкина В.М. Указ. соч. С. 44.

который получил право требовать отказа в его выдаче. Однако в этом же законе допускалась выдача и в тех случаях, когда преступное было политическим, или было совершено в совокупности преступлением, которое рассматривается как политическое в международных договорах, а также когда преступник посягал на главу государства либо членов его семьи (ст. 852/2). Такая норма скорее указывает на отсутствие в законе прямого запрета на выдачу по политическим мотивам, и предполагает, что в случае запроса российского государства о выдаче в подобной ситуации, иностранное государство будет действовать аналогичным образом.

Что касается процедурного аспекта, то Закон от 15 декабря 1911 г. показывает переход от международно-правового порядка к уголовно-процессуальному, где «требования о выдаче сообщаются дипломатическим путем Министерству Иностранных Дел, которое препровождает его к Министру Юстиции (ст. 852/12)¹. Таким образом, административная процедура выдачи была нормативно закреплена в уголовно-процессуальном законе как ее составная часть. Такая выдача осуществлялась в исключительно административной форме, несмотря на то что Д.П. Никольский и другие видные юристы того времени указывали на необходимость именно судебного рассмотрения, полагая что выдача, как особая форма международного уголовного судопроизводства, должна быть «всецело вверена органам судебной власти, чтобы избежать грубых юридических ошибок»². Последующие глобальные политические перемены не позволили вывести эту идею за рамки юридических дискуссий, равно как и уголовно-процессуальный институт выдачи в Российской Империи просуществовал недолго.

По поводу выдачи в период советского права принято отмечать изоляцию и отсутствие экстрадиционного взаимодействия в сфере борьбы с преступностью³. Однако этот период нельзя исключать из объема исторического исследования,

---

¹ См.: Судебные уставы 20 ноября 1964 г. (с изложением рассуждений, на которых они основаны) / Издание государственной канцелярии. Часть вторая. СПб. 1866. С. 307.

² Никольский Д.П. Указ. соч. С. 276.

³ См.: Гуськов И.Ю. Возникновение и становление института экстрадиции в России // Российский следователь. 2016. № 5. С. 9.

поскольку он не может оцениваться отдельно от тех политических и общественных реалий, которые существовали в советском государстве с момента его создания, до окончания Второй мировой войны, когда СССР смог заявить о себе, как о полноценном и конкурентоспособном участнике международных отношений. Во-первых, нормальное функционирование экстрадиционных отношений относится к режиму мирного времени, стабильного и устойчивого международного сотрудничества, в то время как двадцатилетний перерыв между двумя мировыми войнами, когда советское государство находилось в искусственной изоляции, таковым признать нельзя, поскольку для режима военного времени характерны такие институты, как экстерриториальное применение силы, обмен пленными, интернирование, депортация и другие. Во-вторых, де-юре экстрадиция в СССР существовала и регулировалась Типовой конвенцией о выдаче 1923 г., которая содержала в себе черты договорной практики Российской Империи и зарубежных стран¹, но случаи ее практического применения нам не известны.

Кроме того, реформирование правовой системы царской России и переход на советское право, привели к утрате институтом выдачи международно-правового компонента, составляющего систему международных договоров, а также достижения в развитии его уголовно-процессуальной формы, поскольку УПК Р.С.Ф.С.Р. таких положений не содержал². Тем не менее советским государством шаги в данном направлении предпринимались, поскольку «в период с 1924 г. до 1948 г. Советский Союз заключил свыше сорока договоров с иностранными государствами о правовой помощи, в которые отдельными разделами входили вопросы экстрадиции, однако за весь советский период не было принято нового закона о выдаче»³.

В это время в Европе ставились вопросы о создании многосторонних договоров о выдаче, в том числе Лигой Наций в январе 1926 г. о разработке и

---

¹ См.: Струк Ю.Б. История формирования института выдачи лиц, совершивших преступление // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 7. № 25. С. 35.

² См.: Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). Известия ВЦИК, № 37, 18 февраля 1923 г.

³ См.: Марченко А.В. Проблемы развития и становления института выдачи (экстрадиции) в России: историко-правовой аспект // Российская юстиция. 2010. № 6. С. 54.

заклучении общей международной конвенции по вопросам выдачи¹. Однако после разработки проекта конвенции официальных действий не последовало.

В разгар Второй мировой войны стала создаваться международная правовая система преследования лиц, виновных в тягчайших злодеяниях против человечества. Изначально речь велась о нацистских лидерах, а результаты переговоров стали образцом для последующего международного преследования за совершение международных и транснациональных преступлений, связанных с терроризмом, экстремизмом, наркоторговлей, торговлей оружием, работорговлей и т.д. Была принята Декларация о наказании за преступления, совершенные во время войны, принятая 13 января 1942 г., в соответствии с которой «правительства стран, боровшихся против гитлеровской Германии, заявили о своей решимости принять все меры к тому, чтобы военные преступники были разысканы, переданы в руки правосудия и судимы и чтобы вынесенные приговоры были приведены в исполнение»².

Выдаче лиц, совершивших преступления против человечества, способствовало принятие 9 декабря 1948 г. Конвенции по предупреждению преступлений геноцида и наказанию за него, в которой статья VII предусматривала, что при выдаче в отношении лиц, «виновных в геноциде и других преступлениях против человечества, они не будут рассматриваться в качестве политических преступлений. В таких случаях стороны обязуются осуществлять выдачу в соответствии со своим законодательством и действующими договорами»³.

Значительный вклад в развитие института экстрадиции внесла Организация Объединенных Наций (ООН). Одним из первых документов ООН относительно вопросов выдачи явилась Резолюция 170 (II) Генеральной Ассамблеи ООН «Выдача преступников войны и изменников», принятая 31 октября 1947 г. Впоследствии был разработан Типовой договор о выдаче, который принят на 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1990 г., в 1998 г. под эгидой ООН

---

¹ См.: Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 600.

² Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / А.Х. Абашидзе, З.Г. Алиев, К.Ф. Амиров и др.; под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут, 2011. С. 612.

³ См.: Валеев Р.М. Указ. соч. С. 72.

принят Статут Международного уголовного суда. Кроме того, многие многосторонние конвенции ООН, посвященные борьбе с отдельными видами международных преступлений, также регламентируют попутно вопросы экстрадиции: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., Конвенция 1951 г. «О статусе беженцев», Конвенция о борьбе с захватами заложников от 17 декабря 1979 г., Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. и др.¹

В советский период после 1945 г. сложился новый тип международных отношений, когда происходило отдельное становление норм международной взаимопомощи стран социалистического блока (Варшавского договора) и Организации Североатлантического договора (НАТО), находившихся друг от друга в изоляции. В отличие от предыдущего периода, международное сотрудничество активно осуществлялось между странами социалистического блока, среди которых значительное место занимали договоры о правовой помощи, которые стали приниматься с 1951 г.² Эти договоры в обязательном порядке содержали положения об оказании юридической помощи по уголовным делам, например, 19 февраля 1975 г. подписан Договор между СССР и Народной Республикой Болгарией о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам)³. Договоры о правовой помощи были заключены с Корейской Народно-Демократической Республикой, Польской Народной Республикой и Чехословацкой Социалистической Республикой (1957 г.), Народной Республикой Албанией, Румынской Народной Республикой и Венгерской Народной Республикой (1958 г.), Федеративной Народной Республикой Югославия (1962 г.), Иракской Республикой (1973 г.), Финляндской Республикой (1978 г.), Республикой Вьетнам и Греческой Республикой (1981 г.), и т.д.⁴

---

¹ Копыткова Н.В. История развития института экстрадиции // Вестник Гродненского университета имени Янки Купалы. Серия 4. 3 (155), 2013. С. 93.

² См.: Рэутт Б. Основные вопросы договоров о правовой помощи, заключенных между социалистическими государствами. Автореферат канд. дисс. М., 1963, стр. 3.

³ См.: Валеев Р.М. Указ. соч. С. 14.

⁴ См.: Бойцов А.И. Указ. соч. С. 17.

Сотрудничество социалистических государств в борьбе с преступностью было продиктовано закономерностями развития стран социалистического содружества, в которых предупреждение и сокращение преступных проявлений рассматривались как первостепенная задача по укреплению социалистической законности. Можно сказать, что термин «холодная война» очень наглядно отображал взаимоотношения государств в мире по поводу выдачи в том числе, поскольку между союзными государствами, например социалистического блока такое сотрудничество существовало, а между государствами, находящимися в режиме противостояния действовали механизмы военного времени, к примеру, обмен осужденными, как в случае обмена 10 февраля 1962 г. на мосту Глинкер-Брюкке советского разведчика Рудольфа Абеля на американского летчика Фрэнсиса Пауэрса, осужденного советским судом 19 августа 1960 г.¹

Отсутствие всякого взаимодействия между странами противоположных блоков определялось обоюдным нежеланием двух систем создавать «юридические мосты». К слову сказать, что и выдача между капиталистическими и социалистическими блоками государств не могла носить системного характера, поскольку страны социалистического лагеря придерживались политики закрытых границ, что сильно осложняло возможность после совершения преступления совершить побег в одну из стран социалистического лагеря. Советские политические и правовые деятели полностью поддерживали сложившееся положение вещей и рассуждая о возможностях и перспективах интеграции. Как правило, приходили к выводу о невозможности таковой ввиду невозможности компромисса и приоритета «идеологического противоборства по отношению к буржуазным правовым концепциям»².

Таким образом, институт выдачи в качестве одного из компонентов международного права СССР в период 1948-1985 г. получил серьезное развитие. В этот период проведено множество научных исследований, в том числе Р.М. Валеева, Л.Н. Галенской и М.Д. Шаргородского. На юридических форумах тех

---

¹ Обмен советского разведчика Абеля на летчика из США Пауэрса. Справка // [Электронный ресурс] URL: <https://gia.ru/20120210/560376004.html/> (дата обращения: 06.04.2020).

² Звирбуль, В.К., Шупилов В.П. Указ. соч. 62.

лет обсуждались и вопросы международного сотрудничества с государствами атлантического блока – западноевропейскими и североамериканскими, но каких-либо серьезных прорывов в сотрудничестве совершенно не было. Основной аргумент против возможного взаимодействия был обусловлен «противоборством двух противоположных общественных систем, направлением революционного процесса и непримиримых линиях мирового развития»¹.

Несмотря на то, что в период с 1917 г. – 1948 г. выдача в СССР носила единичный характер, и не развивалась на теоретическом правовом уровне, уже с 1948 г. СССР стал интегрироваться с международным сообществом по борьбе с преступностью. Начиная с 1951 г. Советский Союз стал инициатором заключения договоров о выдаче между социалистическими государствами и государствами Варшавского договора, а к 1985 г. сформировался международно-правовой практический и научно-теоретический материал, актуальный по настоящее время.

В СССР, а впоследствии в Российской Федерации эта процедура исторически проводилась в *административной форме* и выдаваемое лицо в ней участия не принимало. Основным нормативным документом, регулирующим выдачу, являлось постановление Президиума Верховного Совета СССР № 9132-XI от 21 июня 1988 г. «О мерах по выполнению международных договоров СССР о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам», которое регламентировало процедуру выдачи лишь в общих чертах и закрепляло, что при оказании правовой помощи с соответствующими органами государств, заключивших договоры, сносятся: «Прокуратура Союза ССР – по вопросам, связанным с возбуждением уголовного преследования, проведением дознания и предварительного следствия, выдачи и перевозки выданных лиц, сообщения о результатах уголовного преследования и всем другим вопросам, связанным с работой органов прокуратуры, внутренних дел, государственной безопасности, а так же в иных случаях, прямо предусмотренных договорами»². Этот нормативный

---

¹ Пономарев Б. Актуальные проблемы теории мирового революционного процесса. // Коммунист. 1971. № 15. С. 38-39.

² О мерах по выполнению международных договоров СССР о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам: Постановление Президиума ВС СССР от 21 июня 1988 г. № 9132-XI // Свод законов СССР, 1990. т. 10, С 162 (документ утратил силу).

акт закрепил практику, которая использовалась при выдаче, производимой по правилам международного права, где выдача производилась на основании договоров, а уголовно-процессуальный закон имел вспомогательное значение. Например, выступал способом заключить под стражу до разрешения выдачи. А.И. Бастрыкин отмечает, что двусторонние договоры не только регулировали саму процедуру выдачи, но и создавали дополнительные гарантии против необоснованной выдачи. Например, «если возникали сомнения, совершено ли преступление, влекущее выдачу, или само требование о выдаче не содержит всех необходимых данных, то государство, к которому обращено требование, может затребовать дополнительные сведения»¹.

Поскольку процедура выдачи всегда предусматривала вопросы задержания, взятия под стражу, продления сроков содержания под стражей, этапирования и т.д., такую необходимость можно было всегда восполнить уголовно-процессуальными средствами, то есть отсутствие законодательного регулирования отсылало по принципу аналогии права к УПК РСФСР, предусматривавшего положения о задержании и заключении под стражу, а практика, как отмечает П.А. Смирнов, «складывалась по принципу применения закона на основании института аналогии и сложившейся практики»², что, собственно, не вызывало проблем в правоприменении ввиду отсутствия внимания со стороны юридического сообщества и немногочисленности таких производств.

М.С. Строгович писал, что при создании советского уголовного процесса и в ходе его дальнейшего развития был учтен опыт зарубежного процессуального законодательства, однако лишь те его принципы и институты, которые носили прогрессивный характер³. Несмотря на то, что институт выдачи существовал в советском праве, он существовал в сфере международно-правового регулирования в виде набора стадий по сношению уполномоченных органов двух государств. Данный порядок не предусматривал открытую процедуру,

---

¹ Бастрыкин А.И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права / А.И. Бастрыкин. Ленинград: ЛГУ, 1986. С. 41.

² Смирнов П.А. Проблемы процессуально-правового положения лица в раках экстрадиционных правоотношений // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 34.

³ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М. Наука. 2 Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. С. 103.

позволяющую принимать в ней непосредственное участие главному участнику – экстрадируемому лицу. Отсутствие нормативного регулирования выдачи на уровне внутригосударственного права, оставляло разрешение судьбы выдаваемых лиц в сферу ведомственных актов информационно-разъяснительного характера. Лицо задерживалось на основании постановления прокурора, помещалось под стражу на неопределенное время до решения вопроса о передаче представителям другого государства или отказа в выдаче и освобождения. Задержанное лицо могло апеллировать только к вышестоящему прокурору. Участие защитника нормами УПК РСФСР в процедурах подобного рода не предусматривалось, поскольку положения об адвокатуре 1962 и 1980 гг., Закон «Об адвокатуре СССР» 1979 г. предусматривал деятельность защитников только в пределах, установленных нормативными актами РСФСР и СССР¹, которые, опять же не предусматривали правовое положение выдаваемых лиц.

Последующие перемены в российском обществе привели к существенным изменениям многих юридических институтов. Начиная с середины 1990-х г. наметился постепенный переход от преобладающего нормативизма в определении приоритетов к приоритету прав человека. Эти изменения сопровождались принятием Конституции РФ 1993 г. и новой юридической политикой российского государства, взявшей курс на защиту прав личности, в том числе рассмотрения жалоб на действия Российской Федерации в Европейском суде по правам человека с 5 мая 1998 г.². Со временем выдача на постсоветском пространстве стала осуществляться в основных формах: выдача граждан бывшего СССР на основании Минской конвенции, с другими государствами – в рамках Парижской конвенции, которая была ратифицирована Российской Федерацией только 26 октября 1999 г., в рамках иных многосторонних и двусторонних договоров, а также принципа взаимности.

---

¹ См.: Закон РСФСР от 20 ноября 1980 г. «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» (вместе с положением об адвокатуре РСФСР) // Свод законов РСФСР. 1980, т. 8, с. 145 (документ утратил силу); Закон СССР от 30 ноября 1979 г. «Об адвокатуре в СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1979. №49, ст. 846 .

² См.: Указ Президента РФ от 29 марта 1998 г. № 310 «Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском суде по правам человека», «Собрание законодательства РФ», 06 апреля 1998 г., № 14, ст. 1540, а так же положениями Протокола № 11 (СЕД № 155; Собрание законодательства Российской Федерации, 1998 г., № 44, ст. 5400) с даты вступления его в силу 01 ноября 1998 г. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Несмотря на обретение выдачей определенных черт правового института, политический кризис начала 1990-х г.г. в России создал вокруг него ситуацию юридической неопределенности. Отделение некоторых республик от СССР привел к временному неоднозначному пониманию общепризнанного принципа международного права, устанавливающего исключительный суверенитет каждого государства над своей территорией и в отношении своих граждан. В связи с этим историческую «проверку на прочность» прошло правило невыдачи собственных граждан, тогда закрепленного в Конституции РСФСР¹. Данному обстоятельству способствовал неопределенный статус бывших союзных республик, объявивших себя самостоятельными государствами, но не желающих отказываться от тех преимуществ, которые за ними сохранялись до решения всех юридических формальностей раздела и установления юрисдикции каждой из республик на своей территории.

Выдача Латвии 8 октября 1991 г. С.Г. Парфенова, до этого занимавшего должность заместителя командира Рижского ОМОНа, которая была допущена компетентными органами Российской Федерации в условиях нестабильной политической обстановки, впоследствии стала главной причиной формирования новых правил экстрадиции на территории постсоветского пространства.

На бывших сотрудников Рижского ОМОНа, передислоцированных в г. Тюмень, была возложена ответственность за трагические события, связанные с гибелью сотрудников «латвийской таможни». Когда новые латвийские власти стали требовать выдачи сотрудников у российских властей, те фактически одобрили выдачу Латвии 124 бывших сотрудников Рижского ОМОНа. С.Г. Парфенов был арестован, в то время как другие его сослуживцы «ушли в подполье»². После передачи запрашивающей стороне 10 апреля 1992 г. С.Г. Парфенову было предъявлено обвинение в превышении должностных полномочий. Однако он был принят в российское гражданство и ему через

---

¹ Согласно ст. 36 Конституции (Основной Закон) Российской Федерации – России» (принятой ВС РСФСР 12 апреля 1978 г.), гражданин Российской Федерации не может быть выдан другому государству иначе, как на основании закона или международного договора Российской Федерации. Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1978, № 15, ст. 407.

² Солдаты без Родины. // [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/articles/2019/08/11/omon/> (дата обращения: 19.05.2020).

супругу был передан паспорт гражданина Российской Федерации¹. В 1992 г. он был осужден латвийским судом и его приговорили к четырем годам тюремного заключения, однако уже в июле 1993 г. по личной просьбе Б. Ельцина он был передан России и 3 августа 1993 г. помилован.

Эти события вызвали возмущение у общественности, а среди сотрудников правоохранительных органов возникла обстановка, близкая к мятежу. Соответственно действия властей были направлены на снижение степени накала конфликта в обществе, непосредственной причиной которого стала выдача российского гражданина другому государству. Поскольку Верховным Советом Латвийской ССР декларация восстановления независимости Латвийской Республики была принята 4 мая 1990 г., с этого времени Латвия де-юре являлась независимым государством, соответственно, к концу 1991 г. между Российской Федерацией и Латвией подлежал установлению соответствующий правовой режим международных отношений, который должен был распространяться и на вопросы выдачи. Выдача С.Г. Парфенова проведена в нарушение ст. 10 Закона «О гражданстве СССР» от 23 мая 1990 г.², запрещавшего выдачу и никакими аргументами не представлялось и не представляется в настоящее время оправдать такие действия, в том числе апеллированием к прежним отношениям бывших республик СССР, ранее имевших общий закон, позволявший перемещать лиц в условиях союзного государства для производства предварительного расследования и суда³ без специальных процессуальных решений, в связи с тем, что СССР и входящие в него республики представляли собой единое правовое пространство.

Однако перемены сопровождались не только отделением союзных республик, но и распадом блока стран Варшавского договора, в том числе дипломатическими конфликтами, сопряженными с выдачей. К таким относится запрос о выдаче Эриха Хонеккера, завершение биографии которого связано с

---

¹ В России первый, в камере один // [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/481> (дата обращения: 24.05.2020).

² См.: Закон о гражданстве СССР от 23 мая 1990 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/765700170/> (дата обращения: 02.06.2021).

³ УПК РСФСР и союзных республик не содержали процессуальных положений, ограничивающих перемещение обвиняемых из одной республики СССР в другую (прим. автора).

длительным рассмотрением процедуры его выдачи германским властям после распространения действия законов ФРГ на восточные земли ГДР 3 октября 1990 г.

Э. Хонеккер был секретарем социалистической партии ГДР (СЕПГ), а также членом Политбюро. Согласно предъявленным ему обвинениям, он был одним из инициаторов строительства Берлинской стены и приказа стрелять «на поражение» в жителей ГДР, пытавшихся бежать на запад, которые были связаны с тем, что в ЦК Э. Хонеккер занимался вопросами безопасности¹. Так же ему предъявили новые обвинения: в государственной измене, злоупотреблении властью, коррупции и хищении социалистической собственности в особо крупных размерах, объективных подтверждений которым, не было. Поскольку у Э. Хонеккера был диагностирован рак почки, он был помещен в клинику, по выходе из которой его сначала арестовали, затем отпустили по требованию советского посольства², а затем советские дипломаты в марте 1991 г. переправили его в СССР. В данном случае отсутствовало нарушение норм международного права, поскольку «договор об окончательном урегулировании в отношении Германии, закреплявший ее полный суверенитет, еще не был ратифицирован Верховным Советом СССР. Однако после вступления договора в силу 15 марта 1991 г., стало оказываться давление на Москву по делу Э. Хонеккера, в том числе со стороны международного сообщества с требованием его выдачи»³. Высшие руководители бывшего СССР оказывали Э. Хонеккеру всяческое содействие и защиту, но 25 декабря 1991 г. М.С. Горбачев ушел в отставку с поста президента СССР, и правительство РСФСР потребовало от Хонеккеров покинуть страну под угрозой экстрадиции, вследствие чего, они нашли убежище в посольстве Чили в г. Москве. Министр юстиции России Н.В. Федоров спустя три дня заявил для немецкого телевидения, что Э. Хонеккер будет выдан в Германию сразу после того, как покинет посольство Чили.

---

¹ Эрих Хонеккер: взлет и падение последнего лидера ГДР // [Электронный ресурс] URL: <https://dw.com/ru/эрих-хонеккер-взлет-и-падение-последнего-лидера-гдр/a-487992/> (дата обращения: 16.05.2020).

² Камера для генсека // [Электронный ресурс] URL: <https://life.ru/p/1139922> (дата обращения: 16.04.2022).

³ Хонеккер, Эрих: биография // [Электронный ресурс] URL: https://www.peoplelife.ru/312979_7 (дата обращения: 12.04.2022).

7 марта 1992 г. стало известно о том, что власти Чили изменили позицию по делу. Согласно версии, распространенной в средствах массовой информации, «предпринимались попытки манипулирования информацией о смертельной болезни Э. Хонеккера, для того, чтобы добиться для него разрешения на въезд в Чили. В июне 1992 г. президент Чили П. Эйлвин убедил федерального канцлера Гельмута Коля в том, что Э. Хонеккер покинет посольство Чили в г. Москве. 29 июля 1992 г. Э. Хонеккер, «поддавшись давлению со стороны властей РФ и Чили, совершил тот самый «вынужденный выезд» в страну, запрашивающую его выдачу, то есть вылетел в г. Берлин, где был арестован и препровожден в тюрьму Моабит»¹.

Приведенный пример показывает неправомерные действия властей, когда лицо, запрашиваемое к выдаче, путем оказания на него давления было подвергнуто «вынужденному выезду» или «недобровольному выезду», то есть против своей воли совершило действия, подменяющие законную процедуру. В настоящее время сложно говорить, на каком правовом основании производилась бы выдача Э. Хонеккера в ФРГ, если бы она состоялась, поскольку на тот момент с ФРГ договор о выдаче отсутствовал, прежние договоры с ГДР утратили силу, а РСФСР на тот момент не являлась участником Парижской конвенции. Даже если предположить, что РСФСР и ФРГ стали бы применять принцип взаимности (в качестве создания норм международного права, проявляющихся в процессе их функционирования, что позволяет использовать этот принцип, несмотря на его отсутствие в национальном праве²), то серьезным препятствием тому мог стать принцип невыдачи за политические преступления, исходя из того объема обвинения, который инкриминировался Э. Хонеккеру. Современная российская практика скорее всего привела бы к вопросу предоставления убежища, однако институт политического убежища был нормативно сформирован только в 1993 г. после принятия законов о беженцах и вынужденных переселенцах. До этого все

---

¹ См.: Там же. URL: <https://life.ru/p/1139922> (дата обращения: 16.04.2022).

² См.: Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право. Указ. соч. С. 18.

вопросы предоставления политического убежища регулировались нормативными актами Министерства юстиции.

Хотелось бы верить, что действующие процессуальные механизмы, регулирующие выдачу, вряд ли позволили такой ситуации повториться в настоящее время, а если бы процедура выдачи и была бы инициирована, то она не носила бы столь стремительного характера.

Примеры с С.Г. Парфеновым и Э. Хонеккером показывают, как нарушения фундаментальных правил выдачи могут привести к дестабилизации политической обстановки внутри страны и осложнить международные отношения. Кроме того, в условиях правового вакуума, который не позволяет юридическими средствами обеспечить выдачу, политические потребности достигаются внеправовыми путями, сопровождающимися «словесной и юридической эквилибристикой»¹ обоснования законности передачи того или иного лица вопреки действующим запретам. До настоящего времени не запрещены обходные пути выдачи и встречаются факты «завуалированной» экстрадиции с использованием подобного рода средств. Г.А. Амбарцумян предлагает пути выхода по противодействию «скрытой экстрадиции» путем конкретизации в законе оснований для отказа в выдаче и созданием специального правового механизма с привлечением правозащитных организаций, детали которого автор не оговаривает². В данном случае предлагается проработка запрета «завуалированной выдачи» путем закрепления специальной процессуальной запретительной нормы, лишаящей правоприменителя возможности искусственного придания выдаче внешнего вида смежного правового института (административного выдворения, лишения дипломатической неприкосновенности и т.д.), либо же оказание давления, для создания условий вынужденного выезда за пределы государства-убежища, позволяющего такую выдачу упростить.

Конституция РФ 1993 г. четко обозначила запрет на выдачу собственных граждан и лиц, которым предоставлено политическое убежище и преследуемых за

---

¹ Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: дис. доктора юрид. наук. Уральская государственная юридическая академия. Екатеринбург. 1997. С. 254.

² См.: Амбарцумян Г.А. Некоторые проблемы института выдачи лиц для уголовного преследования по законодательству Республики Армения // Вектор Науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2018. № 1 (32). С. 9.

политические убеждения. Можно допустить, что запреты связаны именно с тем негативным опытом экстрадиции, который в начале 1990 г.г. значительно дискредитировал в глазах общественности российские власти.

В этой связи запрос о выдаче А.К. Лугового по запросу компетентных органов Великобритании воспринимается как положительный опыт соблюдения положений внутригосударственного права в условиях давления международного сообщества, требующего произвести экстрадицию гражданина Российской Федерации вопреки конституционному запрету выдачи собственных граждан.

Взаимоотношения в сфере экстрадиции России и Великобритании в конце XX в. – начале XXI в. заслуживают особого внимания, поскольку данное государство лидирует по количеству отказов РФ в выдаче лиц по политическим мотивам, когда суды, отказывая в удовлетворении запроса о выдаче, прямо указывают на уголовное преследование лица по политическим мотивам¹. Причинами такой практики может являться различное отношение континентальной и системы общего права к назначению выдачи, давняя конкуренция международных политических интересов двух государств, различные порядки юридического рассмотрения экстрадиции и т.д. Каждая из причин сама по себе будет правдоподобной, однако это не меняет тот факт, что действие принципа *aut dedere aut judicare* нигде так не нарушается как в новейшей истории взаимоотношений России и Великобритании². К наиболее известным делам относятся: требование в выдаче объявленного в розыск в 2001 г. бригадного генерала ЧРИ А.Х. Закаева, в которой отказано решением Лондонского суда в 2003 г.; требование о выдаче Б.А. Березовского, объявленного в розыск также в 2001 г., в выдаче которого отказано Российской Федерации ввиду предоставления политического убежища на территории Великобритании; требование правоохранительных органов Соединенного Королевства об экстрадиции А.К. Лугового, в которой было отказано решением Генеральной прокуратуры РФ.

---

¹ Малов А.А. Эволюция правозащитной функции института экстрадиции. // Законность. 2020. № 9. С. 48-52.

² См: Горичева В.Л., Левашова О.В. Политический аспект института экстрадиции в постсоветском пространстве // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4(2). С. 134.

Требование о выдаче А.К. Лугового связано с личностью А.В. Литвиненко, бывшего сотрудника органов государственной безопасности, критика российской власти, скончавшегося 23 ноября 2006 г., предположительно от воздействия радиоактивного вещества. Его смерть была немедленно связана британскими правоохранителями с мотивом для мести со стороны российских властей, а обвиняемым по делу о смерти А.В. Литвиненко стал А.К. Луговой. Министр иностранных дел Великобритании М. Беккет заявила российскому послу в Лондоне, что она ожидает «полного сотрудничества» в экстрадиции А. К. Лугового в рамках Парижской конвенции, участниками которой являлись оба государства¹, а также в рамках подписанного 15 ноября 2006 г. меморандума о взаимопонимании и сотрудничестве с Генпрокуратурой РФ, предусматривающего, что «стороны будут сотрудничать в сфере экстрадиции и прочих вопросах взаимной юридической помощи»².

После этого последовала длительная переписка властей Великобритании и России по дипломатическим каналам, суть которой сводилась к тому, что Великобритания требовала выдачи А.К. Лугового, а Российская Федерация обращала внимание на невозможность его выдачи как российского гражданина. При этом обсуждалась возможность проведения суда по факту гибели А.В. Литвиненко в России, но Королевская прокурорская служба, отклонила это предложение, разъяснив, что данное преступление было совершено в отношении британского гражданина в Лондоне, поэтому Лондон является надлежащим местом для суда³. Более всего отмечалось, что властями Великобритании требование о выдаче сопровождалось предложением внесения изменения в Конституцию РФ, если ее положения препятствуют выдаче А.К. Лугового. Данное обстоятельство вызвало определенное недоумение среди российских юристов и было расценено как определенного рода неуважение к государственному суверенитету Российской Федерации. Однако истоки такого

---

¹ См.: Литвиненко Александр. Архив // [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/lib/14166924> (дата обращения 21.05.2020).

² См.: Соединенное Королевство требует выдачи Лугового. Архив // [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2007/05/22/lugovoi1/> (дата обращения 21.05.2020).

³ См.: Это был не рядовой инцидент. Посол Великобритании в России о деле Лугового // [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/788925> (дата обращения: 21.05.2020).

демарша со стороны властей Соединенного Королевства представляются не совсем однозначными, и являются свидетельством тех фундаментальных различий, которые присутствуют в понимании конституционных положений юристами двух различных правовых систем. Для российского современного правопонимания внесение изменений в норму, запрещающую выдачу российского гражданина другому государству, является более чем экстраординарной ситуацией, технически возможной, но маловероятной¹. По-иному разрешение данных вопросов обстоит в Великобритании, где отсутствует различие между «конституционным» и «обыкновенным» законом, а для всех законодательных актов действует одинаковый порядок их принятия, изменения и дополнения². Отсутствие у конституционных норм привилегий, позволяют вносить в них изменения без специальных процедур, в том числе без вынесения таких вопросов на референдум. А.В. Сальников полагает, что подобного рода логикой объясняется позиция ряда британских политиков, предложивших Российской Федерации для решения вопроса о выдаче А.К. Лугового изменить норму Конституции, запрещающую выдавать российских граждан, поскольку в их представлении конституция – это обычный закон, который можно легко и в любое время пересмотреть³.

Другое объяснение связано с тем, что европейский подход к выдаче собственных граждан существенно отличается от российского. Европейский ордер предусматривает возможность передачи иностранному государству – члену Евросоюза независимо от его гражданской принадлежности, и выдача может производиться даже в том случае, если это противоречит конституции

---

¹ в соответствии с ч. 2 и 3 Конституции РФ если предложение о пересмотре положений глав 1, 2 и 9 Конституции РФ будет поддержано тремя пятими голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, то в соответствии с федеральным конституционным законом созывается Конституционное Собрание, которое либо подтверждает неизменность Конституции РФ, либо разрабатывает проект новой Конституции РФ, который принимается Конституционным Собранием двумя третями голосов от общего числа его членов или выносится на всенародное голосование. При проведении всенародного голосования Конституция РФ считается принятой, если за нее проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании, при условии, что в нем приняло участие более половины избирателей.

² См.: Сальников И.В. Комментарий к Федеральному закону от 04 марта 1998 г. N 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» (постатейный) / отв. ред. К.А. Ишеков // Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Там же.

европейского государства (например, Германии и Польши)¹. Соответственно передача по Европейскому ордеру и экстрадиция, которые безусловно различные по своему международно-правовому содержанию, зачастую представляются европейским политикам чем-то тождественным.

После инцидента с А.К. Луговым отсутствует стабильная практика выдачи не только по запросам Российской Федерации и Великобритании, но и с другими государствами, входящими в Европейский союз. Если до этого и имелись факты отказа в выдаче, то они не предавались публичной огласке, а отказы в выдаче по мотивам уголовного преследования по политическим мотивам не имели такого массового явления. К примеру, Финляндия отказала в экстрадиции граждан России Е. Королева², а также В. Попова³, привлекавшихся за совершение хищений в особо крупных размерах. При этом по первому делу судом не было установлено фактов преследования обвиняемого по политическим мотивам. Россией представлены все материалы, которые запрашивала выдающая сторона, в том числе доказательства причастности. Несмотря на это суд отклонил запрос о выдаче, указав, что сомневается в законности российского правосудия, что само по себе не может являться правовым основанием для отказа. Впрочем, имеются и обратные примеры: в январе 2019 г. была успешно реализована экстрадиция из Франции бывшего министра финансов Московской области А. Кузнецова⁴, обвиняемого в совершении хищений в особо крупных размерах.

Кроме того, этот инцидент, несмотря на нанесенный ущерб, засвидетельствовал способность российского государства отстаивать приоритет внутригосударственного права, а также непреложность принципа невыдачи собственных граждан, который не может быть обойден никакими способами. Кроме того, этот случай сформировал определенную международную практику,

---

¹ См.: Обголец И.А. Европейский ордер на арест и экстрадиция: общие черты и особенности // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 47.

² См. Отказ в экстрадиции фигуранта дела «Тольяттиазота»: рейдерство, коррупция, условия в СИЗО // [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.ru/review/view/139143/> (дата обращения: 10.06.2020).

³ См.: Финляндия отказала России в экстрадиции обвиняемого в мошенничестве члена «Яблока» Попова // [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/proisshestviya/4150313> (дата обращения: 10.06.2020).

⁴ См.: Дело о мошенничестве и растратах на 14 млрд: Франция экстрадировала в Россию бывшего министра финансов Подмосковья // [Электронный ресурс] URL: <https://russian.rt.com/russia/article/589318-franciya-ekstradiciya-ministr-finansov-podmoskove> (дата обращения: 17.06.2020).

которая, с одной стороны показала нецелесообразность дипломатического давления для достижения целей выдачи, с другой стороны привела к необходимости налаживать международные связи даже в условиях острого политического конфликта¹. Как верно отметил Г.П. Ермолович, в ситуации, связанной с «российскими гражданами А. Петровым и Р. Бошировым по «делу отравления С.В. Скрипаля», в 2018 г. уже не вызывала у британских коллег желания даже просто предпринять попытку экстрадировать подозреваемых в Великобританию, т.к. вмешательство в российскую правовую систему – это не только нарушение основного принципа международного права, но и проявление неуважения к суверенитету России»².

Российская Федерация продолжает развивать международно-правовой аспект экстрадиционных правоотношений, особенно в рамках двусторонних соглашений. Например, одним из последних является договор между Российской Федерацией и Республикой Эквадор, ратифицированный 9 ноября 2020 г.³, который является типовым для международных договоров о выдаче и соответствует российскому уголовно-процессуальному законодательству.

Однако достижение определенного прогресса в правовом регулировании не снижает степень важности такого требования к выдаче, как ее эффективность. Как отметил Р.А. Гурбанов, такая эффективность на территории европейского пространства достигается за счет сотрудничества между судами (судебными органами различных государств)⁴, а образцом выступает межсудебное сотрудничество по применению Европейского ордера. Однако с автором можно поспорить, ввиду озвученных выше проблем при выдаче европейскими государствами своих граждан. Представляется более перспективной российская

---

¹ с приходом к власти нового премьер-министра Г. Брауна были предприняты попытки улучшения российско-британских отношений, что связывалось со встречей Г. Брауна и нового Президента России Д. Медведева на саммите «Большой восьмёрки» на Хоккайдо в июне 2008 г. См.: Ананьева Е.В. От «нового лейборизма» к «прогрессивному консерватизму» / Доклады Института Европы № 293. М.: Ин-т Европы РАН. 2013. С. 72.

² Ермолович Г.П. Отдельные проблемы международного сотрудничества государств по противодействию преступности в современных международных отношениях // Современные проблемы права, экономики и управления. 2018. № 2(7). С. 29.

³ О ратификации договора между Российской Федерацией и Республикой Эквадор о выдаче: Федеральный закон от 09 ноября 2020 г. № 358-ФЗ. - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Гурбанов Р.А. Взаимодействие судебных органов на европейском пространстве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ...д-ра. юрид. наук. М., 2016. С. 7-8.

практика в связи с созданием Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Так, между органами исполнительной власти в сфере правосудия в рамках СНГ были созданы: Координационный совет генеральных прокуроров государств – участников СНГ, а также Совет председателей высших арбитражных, хозяйственных, экономических и других судов, рассматривающих дела по спорам в сфере экономики и т.д.¹, в рамках которого разрабатываются вопросы экстрадиционного взаимодействия.

В то же время, участие Российской Федерации в качестве стороны в процедуре выдачи с западными странами часто создает ситуацию взаимного недоверия. О многочисленных отказах в выдаче свидетельствует статистика, согласно которой в 2019 г. из 372 направленных запросов, удовлетворено 193, по 60 из которых состоялся отказ в выдаче правоохранительным органам Российской Федерации, в том числе по 27 связанным прямо или косвенно с отказами в выдаче по политическим мотивам². Как полагает А.А. Малов, это связано с тем, что государства, претендующие на более высокий уровень правовой культуры, отмечают нестандартные условия содержания в российских тюрьмах, жестокое обращение с подозреваемыми в следственных изоляторах или с осужденными в тюрьмах и вне их пределов, несовершенство существующих национальных стандартов уголовных процедур и судебной практики (например, использование клетки во время судебного разбирательства и т.д.)³. В то же время, озвученные проблемы носят локальный характер и такие явления как нарушения прав человека при отправлении правосудия, в большей или меньшей степени присущи любому государству, даже претендующему на высокий уровень правовой культуры. Главная же проблема эффективности международного сотрудничества, в том числе Российской Федерации и европейских государств является более глубинной, и связана в большей степени различиями в правовой культуре, чем с конкретными заявлениями о нарушении прав человека и политическими

---

¹ Там же. С. 5.

² См.: Справка о сотрудничестве с компетентными органами иностранных государств по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора... Управления экстрадиции Главного управления международно-правового сотрудничества, октябрь 2021 г. – Приложение № 2.

³ Малов А.А. Эволюция правозащитной функции института экстрадиции. Указ. соч. С. 51.

обстоятельствами, обусловленными улучшением или обострением отношений между определенными государствами, выступающими участниками выдачи.

Причиной отсутствия надлежащего взаимодействия в экстрадиционных правоотношениях, уменьшение значения права в качестве универсального регулятора общественных отношений. Снижение идеалистического представления о праве, в соответствии с представлениями П. Бергера и Т. Лукмана, представивших правовые институты в качестве «внутренне осознанной и принятой индивидом части объективной реальности»¹, может быть связана с радикальными изменениями в социальной структуре (например, перемены, вызванные промышленной революцией). Отсталость некоторых институтов права, в совокупности с сопутствующими изменениями этой психологической реальности для индивида, показали неспособность, как самого права, так и отдельных его институтов привести в равновесие взаимоотношения индивида, общества и государства.

Проблемы реализации принципов выдачи имеют сходную природу, обусловленную манипулированием ее базовыми понятиями, такими как исключение политических преступлений и определения двойной криминальности, что позволяет «подгонять» юридические конструкции под необходимость достижения результатов. Соответственно практикующими юристами проблемные стороны экстрадиции воспринимаются не на уровне их осознанного понимания как частной проблемы, подлежащей разрешению, а на уровне глобального недоверия к международно-правовым механизмам к компетентным органам государств – партнеров по выдаче. Этим явлениям во многом способствует процесс международной информационной, культурной и экономической интеграции, при котором стали утрачивать свою первоначальную ценность традиционные национальные интересы, в том числе возникла тенденция к преобладанию интересов международного права над внутригосударственным. Особенно это прослеживается на примере европейской интеграции, где по мере

---

¹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Перевод Е. Руткевич. 1995. М. С. 88, 84.

развертывания процесса объединения европейских стран институт национального государства начинает утрачивать свои позиции перед глобальным сетевым обществом¹.

Так, экстрадиция изначально представляла собой именно институт международного права, которым она являлась на протяжении большей части истории своего существования. Совершенствование выдачи происходило совместно с развитием международного права, в котором стали постулироваться положения о защите мира, прав человека и безопасности. А.В. Марченко, полагает, что основой выдачи является, в первую очередь, «соблюдение основополагающих принципов международного права, таких как законность, взаимность сотрудничества, соблюдение суверенитета и безопасности договаривающихся стран»², однако следует признать, что правовой характер выдачи обрела именно с развитием уголовно-процессуальных процедур.

Таким образом, генезис выдачи как российского уголовно-процессуального института показывает периоды: с древних времен – до 1864 г. (выдача реализовывалась в рамках международных правоотношений властных субъектов, затем международного права); с 1864 г. – до 1911 г. (становление и развитие российского уголовного процесса и юридического дискурса по формированию уголовно-процессуального института выдачи); с 1911 г. – до 2002 г. (возникновение уголовно-процессуального института выдачи, реализация выдачи в рамках уголовно-процессуального закона (включая советский период), когда, несмотря на отсутствие нормативного регулирования, выдача реализуется за счет уголовно-процессуальных механизмов); с 2002 г. – до настоящего времени (нормативно закрепление уголовно-процессуального института выдачи, его современное развитие). При этом в Российской Федерации исторически сформировалась административная форма выдачи, получившая нормативное закрепление только в 2002 г. С этой отметки можно рассматривать окончательный переход выдачи из международно-правовой в уголовно-процессуальную сферу.

---

¹ См.: Загреддинов В.И. Идеологический контекст как фактор развития европейского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 36.

² Марченко А.В. Международное сотрудничество в уголовном процессе по выдаче преступников: правовое регулирование и практика: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. С. 9.

ГЛАВА 2. ЭКСТРАДИЦИОННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ

§ 1. Экстрадиционные нормы во внутригосударственном праве Российской Федерации

Внутреннее право государств, регламентирующее вопросы выдачи, «может содержаться в конституциях, соответствующих разделах уголовных, уголовно-процессуальных или в особых экстрадиционных законах, а также в нормативных актах, принимаемых органами исполнительной власти»¹. В свою очередь институт выдачи в системе современного российского права формируется не только его нормативным регулированием, конкретными источниками в формально-юридическом понимании. Одно лишь исследование законодательного нормативного закрепления не способно его раскрыть, поскольку сущность выдачи (ее значимые для изучения детали) проявляется в ведомственных документах разъяснительного характера, следственной и судебной практике.

Относительно места выдачи в системе уголовно-процессуальных норм существуют различные точки зрения. К примеру, В.В. Вандышев, полагает, что она выступает «в качестве *особого производства*, заключающегося в правоотношениях и деятельности участников уголовного процесса при определяющей роли государственных органов различных стран в сфере выдачи лица, совершившего преступление для уголовного преследования или исполнения приговора в государство, гражданином или подданным которого он является»². Вызывает интерес точка зрения Т.Н. Москальковой, рассматривающей выдачу, как «*комплекс процессуальных действий*, направленных на то, чтобы воспрепятствовать обвиняемому или подозреваемому скрыться от органов

---

¹ См.: Бойцов А.И. Указ. соч. С. 19.

² Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части. М., 2010. С. 164.

расследования и суда или продолжать заниматься преступной деятельностью»¹. Однако с данным автором можно согласиться лишь отчасти, поскольку совокупность уголовно-процессуальных норм, регулирующих выдачу, образует более сложную структуру, включающую в себя аспекты оценки доказательств, судебного контроля, обжалования действий должностных лиц, разрешения ходатайств и т.д., которые большинство исследований с выдачей не соотносят. Например А.И. Бастрыкин и А.А. Усачев не включают вопросы выдачи в систему стадий уголовного судопроизводства², при этом А.И. Бастрыкин определяет выдачу как особый вид правовой помощи³.

Так, структура выдачи, сформулированная в гл. 54 УПК РФ предполагает, что положения этой главы коррелируют с назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) и оформляют целеполагание, состоящее в защите прав и законных интересов потерпевших, а также защите личности от необоснованного и незаконного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Поскольку одной из характеристик правового института является юридическое единство предписаний⁴, предполагается, что эти положения относятся ко всем нормам уголовно-процессуального закона, в том числе, связанным с выдачей. Такая рассеянная структура института выдачи, при которой приходится применять положения норм, относящихся к различным разделам УПК РФ, создает определенные трудности как теоретического, так и практического характера, что не позволяет считать выдачу до конца сформированным уголовно-процессуальным институтом, а так же устоявшейся системой, рассчитанной на длительный период своего существования. Исследователями выявлены многочисленные недостатки процедурного характера, а со стороны таких ученых,

---

¹ См.: Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 665.

² См.: Уголовный процесс: учебник для бакалавриата и специалитета / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. С. 25-29.

³ Бастрыкин А.И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права. Указ. соч. С. 40.

⁴ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. / Собрание сочинений в 10 томах. Статут. М., 2010. т. 2. С. 108-109.

как П.А. Смирнов, П.Д. Баренбойм, А.А. Малов, А.А. Насонов институт выдачи в существующем виде подвергнут серьезной критике¹.

Проблемы института выдачи следует отметить в виде противоречий в юридических конструкциях регулирующих его норм, в том числе избыточное регулирование, преобладание формальной стороны над содержательной, что влечет многочисленные нарушения в области правоприменения, длительность юридической трансформации института выдачи в УПК РФ, когда насущная потребность срочных изменений прямо пропорциональна достигнутым результатам (изменениям на законодательном уровне). Часть приведенных проблем расположена в плоскости организации выдачи в УПК РФ.

Основой внутригосударственного правового регулирования выдачи являются нормы, формулирующие запрет выдачи граждан России, совершивших преступление на территории иностранного государства, а также выдачу иностранных граждан и лиц без гражданства, которым предоставлено политическое убежище и преследуемых за политические убеждения, а также за действия (бездействие), не признаваемые на территории России преступными. Следующим фундаментальным аспектом, как отмечает В.С. Выскуб, является «соблюдение принципа двойной криминальности, то есть запрет выдачи за деяния, не признаваемые уголовно-наказуемыми на территории Российской Федерации»². Выдачу регулируют и другие конституционные нормы, которые опосредованно влияют на некоторые ее элементы, например, право быть свободным от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания (ст. 21); право требовать, чтобы арест, заключение под стражу и содержание под стражей были допущены только по судебному решению (ст. 22), и т.д.³, а также конституционные принципы,

---

¹ См.: Смирнов П.А. Проблемы процессуально-правового положения лица в рамках экстрадиционных правоотношений; Баренбойм П.Д. Экстрадиция без защиты // Право и экономика. 2013. № 7.; Малов А.А. Эволюция правозащитной функции института экстрадиции // Законность. 2020. № 9.; Насонов А.А. Указ. соч.

² Выскуб В.С. Конституция Российской Федерации в свете проблем экстрадиции // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 8. С. 23.

³ См.: Бойцов А.И. Указ. соч. С. 21.

относящиеся к процедуре уголовного судопроизводства, например принцип равенства граждан перед законом и судом (ст. 19)¹.

Предусмотренные ст. 13 УК РФ положения о выдаче дублируют конституционные положения и порождают ситуацию избыточного регулирования. При этом А.И. Джигирь, рассматривающая выдачу в качестве уголовно-правового института, пишет, что множественность нормативных источников института экстрадиции порой приводит к путанице, порождает коллизии, снижает результативность применения экстрадиционного законодательства в целом². Несмотря на предложение указанного автора закрепить институт выдачи в Общей части УК РФ³, представляется что правильным будет исключить данную норму из уголовного закона как излишнюю, допускающую двойное толкование в части возможности выдачи лица третьей запрашивающей стороне.

Все остальные нормативные вопросы выдачи регулируются гл. 54 УПК РФ, а также вытекающими из ее положений разъяснений высших судов, в особенности постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания»⁴, судебной практикой и ведомственными информационно-разъяснительными документами. Ведущим из таковых является Указание Генпрокуратуры РФ от 5 марта 2018 г. № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора»⁵, а также содержащее актуальные положения о правилах международного сотрудничества Указание

---

¹ См.: Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям / М.Х. Гельдибаев, В.В. Вандышев. Указ. соч. С. 40.

² Джигирь А.И. Указ. соч. С. 17.

³ См.: Там же. С. 10-11.

⁴ См.: О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 8. Далее - постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11.

⁵ См.: Указание Генпрокуратуры России от 5 марта 2018 г. № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора». Законность. № 4. 2018. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее - Указания от 5 марта 2018 г. № 116/35.

Генпрокуратуры РФ от 09 марта 2022 г. № 133/35 «О порядке организации международного сотрудничества органов Прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания содействия в сфере правоохранительной деятельности»¹. С.В. Зуев и К.И. Сутягин полагают, что разъяснения высших судов, не являясь источником уголовно-процессуального права, обладают руководящим значением для формирования единой судебной практики в случае обнаружения пробелов и противоречий в уголовно-процессуальном законодательстве и имеют для судов важный характер². Данное суждение находит свою правоту в совокупности существующих проблем правового регулирования выдачи (как наличия пробелов, так и избыточного регулирования). В настоящее время ряд пробелов восполняются только разъяснениями высших судов, в том числе таких, как процессуальный статус выдаваемого лица до настоящего времени не обозначенного в качестве участника уголовного судопроизводства.

Российское внутригосударственное право в сфере выдачи показывает, что существует два вида уголовно-процессуальных процедур: выдача лица, привлекаемого к уголовной ответственности правоохранительными органами Российской Федерации (ст.ст. 460 – 461 УПК РФ) и выдача лиц, находящихся на территории Российской Федерации по запросам иностранных государств (ст.ст. 462 – 467 УПК РФ).

Представляется правильной позиция Н.А. Сафарова, который разделяет понятия *экстрадиция* от других видов международно-правового сотрудничества, таких как передача осужденных стране гражданства для отбывания наказания (ст. 472 УПК РФ), транзитная перевозка лиц (ст. 462.1 УПК РФ). Данные процедуры остаются за рамками выдачи для уголовного преследования, к ним более применимо использование терминов *передача* и *доставка*, нежели экстрадиция³. В этой связи представляется спорным определение термина экстрадиция в трактовке Л.А. Лазутина, включившего его в общую систематизацию, как

¹ Указание Генпрокуратуры России от 09 марта 2022 г. № 133/35 «О порядке организации международного сотрудничества органов Прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания содействия в сфере правоохранительной деятельности» // Законность. № 5, 2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный процесс: учебник / С.В. Зуев, К.И. Сутягин. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. С. 28.

³ См.: Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 387.

равноценного, с передачей лиц для исполнения приговора и выдаче на время¹, поскольку последние две процедуры имеют существенные изъятия в предмете проверки и доказывания, следовательно, их нельзя рассматривать как тождественные.

Что касается выдачи обвиняемых по запросам правоохранительных органов Российской Федерации, то эта процедура полностью интегрирована в рамки досудебного производства по УПК РФ. К.К. Клевцов считает, что на данном этапе в правоотношения, возникающие на предварительном расследовании, включается иностранный элемент международного сотрудничества и приходится принимать во внимание особенности иностранного законодательства, от которого зависит эффективность результатов предварительного расследования². Однако данным автором упущено важное обстоятельство, а именно то, что следователь исключен из числа участников экстрадиционных процедур и не способен влиять на ход выдачи. Соответственно качество расследования является лишь условно значимым аспектом, который будет учитываться компетентным органом при принятии решения о выдаче, наряду с другими. Представляется, что процессуальное положение этих участников формально приравнивается к положению лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование на территории Российской Федерации, которые, как полагает А.К. Строганова, имеют право пользоваться всем объемом прав, предоставленным данным субъектам уголовного процесса международными договорами Российской Федерации, Конституцией и УПК РФ³. Однако мнения о равенстве процессуального положения запрашиваемых лиц с обвиняемыми являются скорее ошибочными, поскольку необходимость проведения процессуальных действий в их отсутствие создает не что иное, как изъятия из их процессуальных прав.

---

¹ См.: Лазутин Л.А. Правовая помощь по уголовным делам как межотраслевой нормативный комплекс: Монография. Екатеринбург. Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2004. С. 73-75.

² См.: Проведение процессуальных проверок сообщений о преступлениях и расследование уголовных дел в отношении лиц, находящихся на территории иностранных государств: сборник методических рекомендаций и информационных материалов / Клевцов К.К. под общ. ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. С. 11, 13.

³ Строганова А.К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации. М.: «Издательство «Щит-М», 2005. С. 114.

К примеру, А.А. Козлов соотносит законность заочного производства в отношении лица, запрошенного к выдаче правом на судебное разбирательство в случае его успешной экстрадиции, тем самым перенося момент предоставления права на полноценную судебную защиту на стадию последующего судебного производства¹. Однако данный автор не принимает во внимание, что основополагающей в таких случаях является процедура судебного контроля, предшествующая выдаче, которая должна разрешить ряд вопросов, связанных с выдачей в условиях обеспечения права на судебную защиту.

Таким образом, разделение выдачи на отдельные процедуры обусловлено влиянием на правовое положение данных участников таких принципов, как доступ к правосудию, обеспечение права на защиту, обжалование принятых решений, права предоставлять доказательства и т.д., поскольку степень выраженности этих и других принципов объективно разная, а говорить равнозначности процедур и равенстве прав участников не приходится.

1.1. Регулирование выдачи лиц по запросам Российской Федерации

Первый подвид процедуры применяется, когда в рамках производства по уголовному делу обвиняемый скрылся или находится за пределами Российской Федерации. Положения ст. 460 УПК РФ предусматривают направление запроса о выдаче для уголовного преследования в качестве права, предоставленного Генеральному прокурору РФ при соблюдении условий наказуемости лишением свободы на срок не менее одного года или более тяжкого наказания (в случае выдачи для уголовного преследования), осуждению к лишению свободы на срок не менее шести месяцев (для исполнения приговора). В.В. Вандышев пишет, что «запрос о выдаче реализуется, когда для этого имеются основания и условия,

---

¹ См.: Козлов А.А. Заочное судебное разбирательство уголовных дел: дис. ...канд. юрид. наук: Екатеринбург, 2009. С. 226.

указанные в уголовно-процессуальном законе»¹, однако автор не оговаривает перечень таких условий, равно как перечень не отражен в законе.

Из ст. 460 УПК РФ следует, что запрос о выдаче, помимо сведений о запрашивающем органе и лица, в отношении которого направлен запрос, требует указания фактических обстоятельств, правовой квалификации деяния, совершенного лицом, в отношении которого направлен запрос о выдаче, а также иных сведений, необходимых для производства экстрадиции. В данной норме говорится об общих требованиях к формированию запроса, тогда как детальное содержание скрыто за завесой судебной практики и ведомственных нормативно-разъяснительных документов.

Следует отметить особый правовой статус Указаний от 5 марта 2018 г. № 116/35, которое, несмотря на то, что не является официальным нормативным актом, представляет собой особый информационно-разъяснительный документ, в котором Генеральный прокурор РФ «наделен экстраординарными правами межотраслевого (конституционно-уголовно-процессуального) характера, и в ходе их реализации он выступает в качестве высшего руководителя государственного органа»². Ряд требований к содержанию запроса приведен в п. 1.4.9.1 указанного документа, обязывающего предоставить процессуальные документы о производстве расследования, о розыске, международном розыске, избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, документы, позволяющие идентифицировать личность и т.д.

Однако правовая природа данного документа, который носит закрытый характер, не приобщается к материалам уголовного дела, не подлежит предоставлению для ознакомления участникам и обжалованию, не позволяет считать его процессуальным актом, а действия, связанные с составлением и направлением запроса – процессуальными действиями. Другой недостаток правового регулирования, как справедливо отмечает Р.Г. Лятифов, «обусловлен нетождественностью процессуального статуса лица, запрашиваемого в целях

---

¹ Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям / М.Х. Гельдибаев, В.В. Вандышев. Указ. соч. С. 654.

² См.: Стельмах В.Ю. Классификация полномочий Генерального прокурора Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 1 (31). С. 112.

выдачи, процессуальному статусу обвиняемого (подозреваемого) ввиду отличия содержания их процессуальных прав»¹. Следовательно, «сквозные требования» международного и внутригосударственного права требуют не только предоставления большего объема сведений в компетентные органы иностранного государства, но и обеспечения большего объема гарантий и прав, чем это предусмотрено УПК РФ. Это касается, в первую очередь, сведений, которые А.О. Зайцев связывает с международно-правовыми стандартами, необходимыми для заключения под стражу², вытекающими из договоров о выдаче, которые могут быть с высокой степенью вероятности дополнительно затребованы для рассмотрения выдачи в иностранном государстве.

Так, согласно Парижской конвенции, для достижения цели экстрадиции необходимо предоставление запрашивающей стороной решения о заключении под стражу (ст. 12), которым является «любое постановление, предусматривающее лишение свободы и вынесенное судом в дополнение к приговору о тюремном заключении или вместо него» (ст. 25). Аналогичные требования сформулированы в Минской конвенции (ч. 3 ст. 58). Выражением этих норм в российском внутригосударственном праве является императивная норма – ч. 5 ст. 460 УПК РФ: «к запросу о выдаче для уголовного преследования должна быть приложена заверенная копия постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу». В отсутствие такого документа запрос не будет считаться выполнимым. Кроме того, эта норма определяет полномочие суда по проверке законности и обоснованности запроса выдаче³. Таким образом, *форма судебного участия* в выдаче, как по запросам Российской Федерации, так и по запросам иностранных государств, оформлена в

---

¹ Ляtifов Р.Г. Избрание мер пресечения для обеспечения выдачи лица, запрашиваемого иностранным государством в целях уголовного преследования или исполнения приговора: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Рязань. 2019. С. 11.

² См.: Зайцев А.О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2017. С. 14.

³ См.: Табалдиева В.Ш. Статус суда, осуществляющего контроль за законностью и обоснованностью оказания международной правовой помощи по уголовным делам // Журнал российского права. № 12. 2004. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

виде уголовно-процессуального судебного контроля за действиями органа предварительного расследования¹.

По запросам о выдаче российских правоохранительных органов проверка ее обоснованности в судебном порядке напрямую не предусмотрена, и значительно такую процедуру облегчает. Е.Г. Шадрина пишет, что «целью судебного контроля является разрешение конфликта между органами власти, осуществляющими уголовное преследование, и участниками судопроизводства по ограничению законных прав и свобод граждан посредством участия независимого суда в данном конфликте и его разрешения»². Несмотря на то, что в законе нет прямого требования о предоставлении сведений, подтверждающих обоснованность уголовного преследования и доказательств *prima facie*, требования, вытекающие из обязанности осуществления судебного контроля установлены системой других уголовно-процессуальных норм, тем самым процедурный элемент имеет место. Такие требования формулируют взаимосвязанные положения ст. 108 и ч. 5 ст. 460 УПК РФ, где первая норма требует от судов учитывать при рассмотрении ходатайства о заключении под стражу такое обстоятельство, как проверка обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению³. Этот аспект Т.Н. Москалькова рассматривает как «комплекс процессуальных действий, включающих в себя проверку в процессуальном порядке поводов и оснований для задержания или ареста, применение мер процессуального принуждения, который не включен в саму выдачу, но непосредственным образом

---

¹ приведено в систематизации Н.Н. Ковтуна в качестве относительно самостоятельного вида судебного контроля См.: Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: дис. д-ра. юрид. наук: Н. Новгород, 2002. С. 12.

² Шадрина Е.Г. К вопросу о необходимости расширения допустимых пределов судебного контроля (на примере избрания меры пресечения в виде заключения под стражу) // Российский судья. 2018. № 5. С. 41.

³ правовая позиция Верховного Суда РФ заключается в том, что обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.). См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2, февраль, 2014.

определяет ее выполнимость, а в существующих условиях позволяет установить обстоятельства, препятствующие выдаче»¹.

Другим важным аспектом комплекса процессуальных действий является проверка обоснованности заключения под стражу в отсутствие запрашиваемого к выдаче лица, то есть процедура *in absentia*. Уголовно-процессуальный закон предусматривает исключительную возможность применения таких положений при объявлении запрашиваемого лица в международный розыск, тем самым устанавливая исключение из принципа соблюдения права на защиту путем обязательного участия обвиняемого (ч. 4 ст. 108 УПК РФ). Спорность данного положения неоднократно озвучивалась исследователями, в том числе ввиду несоответствия ст. 123 Конституции РФ², запрещающей заочное рассмотрение уголовных дел. Несмотря на то, что эта норма допускает заочное рассмотрение в случаях, когда такой порядок установлен федеральным законом, при каждом заочном рассмотрении создаются серьезные сомнения в справедливости и объективности судебных решений по причине специального уголовно-процессуального регулирования. К примеру, ЕСПЧ в решении от 21 мая 2019 г. по делу «О.О. против Российской Федерации»³ указал, что заочное вынесение определения о заключении под стражу взаимосвязано с нарушением требований ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с невозможностью защититься при выдворении в Узбекистан от пыток, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию. Некоторые авторы также полагают данную практику неприемлемой, поскольку «уголовно-процессуальный закон не регламентирует порядок объявления в международный розыск, а безальтернативная необходимость объявления лица в международный розыск вызывает сомнения, так как у правоохранительных

---

¹ См.: Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. Указ. соч. С. 665.

² См.: Баркалова Е.В., Макогон А.А. Выдача лица для уголовного преследования: актуальные вопросы теории и практики // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 6. С. 5.

³ Постановление Европейского суда по правам человека от 21 мая 2019 г. «Дело “О.О. против Российской Федерации”» (жалоба № 36321/16) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2020. № 3.

органов может иметься информация о том, что лицо находится на территории соседних государств»¹.

Однако уголовно-процессуальная политика применения правила *in absentia* в отечественном уголовно-процессуальном законе является достаточно последовательной, если учитывать весь объем нормативного регулирования, не ограничиваясь положениями уголовно-процессуальных норм. Поскольку правила объявления в международный розыск определяются четкими требованиями ведомственного информационно-разъяснительного акта, вопрос законности объявления в международный розыск и последующее заочное производство являются непосредственным предметом судебного контроля и при несоблюдении этой процедуры направление запроса Российской Федерацией о выдаче будет нецелесообразным.

Так, в соответствии с приказом МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ 971 от 6 октября 2006 г. «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола»² международный розыск лиц объявляется лишь в том случае, если в результате проведенных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий: получены данные о выезде разыскиваемого лица за пределы Российской Федерации; достоверно установлены имеющиеся у разыскиваемого лица родственные, дружеские и иные связи за пределами Российской Федерации и т.д. Обязательным условием объявления и осуществления международного розыска лица является его объявление в федеральный розыск на территории России (п.п. 114, 115).

Кроме того, сам факт объявления в международный розыск для суда не содержит изъятий по поводу установления всех юридически значимых обстоятельств, которые бы подлежали установлению, если бы такой участник присутствовал в зале судебного заседания. В этой процедуре суду необходимо

---

¹ Баркалова Е.В., Макогон А.А. Указ. соч. С. 4.

² См.: Приказ МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971 «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола»: в ред. совместного приказа от 22 сентября 2009 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 47.

обосновать не только процессуальную законность требований, изложенных в ходатайстве органа предварительного расследования, но и доказать наличие оснований для избрания меры пресечения, соблюдая пределы судебного контроля, то есть, не делая выводов относительно доказанности вины лица, в отношении которого будет направлен запрос о выдаче. А.Н. Склизков видит соблюдение принципа непосредственности в обеспечении состязательности и независимости судей, что обеспечивается обязательным участием защитника и непосредственностью исследования судом представленных материалов¹, однако для целей выдачи таких средств представляется явно недостаточно.

Проверка судом обоснованности выдачи связана с «глубиной»² проверки представленных материалов. К примеру, англо-саксонская система выдачи, характеризующаяся наибольшей глубиной проверки обстоятельств законности выдачи, требует проведение полноценного судебного разбирательства и исследования имеющихся в деле доказательств. Кроме того, в США, как и в Великобритании, перед выдачей решается вопрос о виновности лица, подлежащего выдаче³. Что касается существующей в большинстве стран континентальной Европы системы, основанной на выдаче административными органами, то проверка обоснованности является минимальной, и ограничивается установлением обстоятельств, препятствующих выдаче, при этом презюмируется обоснованность требований запрашивающей стороны.

Препятствиями в выдаче по запросам российских правоохранительных органов чаще всего являются причины, вытекающие из процедурного элемента, что в очередной раз определяет выдачу в качестве уголовно-процессуального института. Так, отсутствие постановления об объявлении в международный розыск не позволит суду вынести решение об избрании меры пресечения *in absentia*, а отсутствие постановления об избрании меры пресечения судом,

---

¹ См.: Склизков А.Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: дис. канд. юрид. наук: Владивосток, 2007. С. 10.

² Шадрина Е.Г., оценивая пределы судебного контроля, указывает что обстоятельством, вызывающим дискуссии, является отсутствие указания в законе глубины судебной проверки материалов доследственных проверок и уголовных дел, представляемых в суд одновременно с ходатайствами органов предварительного расследования либо при поступлении жалоб от участников уголовного судопроизводства. См.: Шадрина Е.Г. Указ. соч. С. 41.

³ См. Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 603.

соответственно, будет являться обстоятельством, препятствующим реализации запроса о выдаче в другом государстве. Эти же процессуальные основания лежат в основе нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих отказ в выдаче, например, рассмотрение дела с нарушением правил подсудности¹, либо несоответствие процедуры объявления в международный розыск². Что касается решений судов об отказе в удовлетворении ходатайств об избрании меры пресечения по иным фактическим обстоятельствам, основанным на необоснованности требований, то такие примеры судебных решений, которые бы вступили в законную силу, в практике практически не встречаются.

Критерии проверки судом обоснованности требований органов предварительного расследования задаются правовой позицией Верховного Суда РФ. Эта позиция допускает избрание меры пресечения только после «проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, которое предполагает наличие данных о том, что лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление и т.д.)»³. Такая позиция не позволяет в достаточной степени изучить все аспекты причастности лица, однако является единственным в своем роде разъяснением, которое позволяет защитить права на стадии досудебного производства. В равной степени такие требования распространяются и на лиц, которым мера пресечения избирается в связи с объявлением их в международный или межгосударственный розыск. Судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному

---

¹ См.: Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 20 мая 2015 г. по делу № 22-4265/2015, которым отменено постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу ввиду нарушения правил подсудности, предусмотренных ч. 4 ст. 108 УПК РФ. Ходатайство следователя в отношении Г., который не задерживался, подлежало рассмотрению судьей районного суда по месту производства предварительного следствия, в то время как рассмотрено судом по месту совершения предполагаемого совершения преступления. – Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 16 декабря 2019 г. по делу № 10-24205/2019 – Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Рос. газета. 2013. 27 дек.

преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в своем решении. По сложившейся практике, судебной ошибкой в таких случаях «признается невыполнение требований по проверке обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению»¹, однако такие юридические свойства доказательств как достоверность судом не проверяются, поскольку правовая позиция Верховного Суда РФ говорит о том, что на стадии судебного контроля «суд не должен предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела»². Таким образом, глубина судебного контроля при разрешении ходатайств о заключении под стражу лиц, подлежащих выдаче, является минимальной.

Необходимо отметить, что вопросы заочного ареста объявленного в розыск лица представляет собой процессуальное действие, которое способно определить последующую судьбу выдачи, поэтому ее нельзя упрощать, принижать значимость и сводить к числу ординарных. К примеру, сложно согласиться с мнением О.И. Цоколовой, которая не только сводит законность процедуры ареста лица, в отношении которого будет направлен запрос о выдаче к обязательному участию защитника (что и так является непреложным правилом), но и не считает необходимым проверять деяние на предмет уголовной наказуемости по законодательству иностранного государства ввиду возможных различий с законодательством Российской Федерации³. Существующие в УПК РФ изъятия из прав лиц, объявленных в розыск, свидетельствуют скорее об упрощении процедуры избрания в отношении них меры пресечения, которая требует более сложного подхода, что не создаст дополнительной нагрузки на суды по причине небольшого количества таких дел. Проверка преступления на предмет соблюдения двойной криминальности «является состоявшимся, когда оно

---

¹ К примеру, кассационным определением Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 10 марта 2020 г. № 77-139/2020 признано незаконным постановление в отношении подозреваемого ввиду проверки и оценки обоснованности подозрения в причастности данного лица к совершенному преступлению. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ 10 февраля 2009 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

³ См.: Цоколова О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: дис. доктора юрид. наук: М., 2007. С. 342, 346.

предусмотрено законодательством обоих государств как таковое, т.е. совпадает по смыслу диспозиции основной уголовно-правовой нормы с возможностью вариации отдельных его факультативных элементов»¹. Однако затруднения в сопоставлении норм уголовного права различных государств разрешаются различными способами, как правило, путем анализа закона иностранного государства отечественными правоприменителями и подбора наиболее подходящей нормы, практически «на глаз». Выполнение такого анализа приводит к мысли о необходимости привлечения специалистов в области, как отечественного уголовного права, так и законодательства иностранного государства, что является юридическим основанием проведения исследования с использованием специальных знаний в области науки², то есть проведения правовой судебной экспертизы. Простая логика подсказывает, что такие действия необходимы уже на начальной стадии запуска экстрадиционных процедур, не дожидаясь того момента, когда объявленный в розыск будет задержан на территории иностранного государства. Надлежащая проверка на предмет двойной наказуемости способствует и соблюдению правила специализации, закрепленного в ст. 461 УПК РФ, сформулированного в виде «уголовно-процессуального запрета, направленного на обеспечение права лица, не наделенного официально статусом участника уголовного судопроизводства»³, которое в структуре УПК РФ является главной гарантией соблюдения прав выдаваемого лица, несмотря на то, что некоторые исследователи его не включают в перечень экстрадиционных правил⁴,

Способом контроля за соблюдением прав выдаваемого лица являются государственные гарантии запрашивающего государства, которые, как отметил

---

¹ См.: Материалы международной научно-практической конференции «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении», посвященной 90-летию профессора Д.И. Фельдмана, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 11-12 октября 2012 г. / А. Абай, А. Х. Абашидзе, А.И. Абдуллин и др.; ред. коллегия И.А. Тарханов, А.И. Абдуллин, Г.И. Курдюков, Р.Ш. Давлетгильдеев. М.: Статут, 2014. С. 421.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

³ См.: Насонова, И.А., Халимоненко, С.С. Запрет в уголовно-процессуальном праве России: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. С. 44.

⁴ например, Д.Н. Шурухнова не включает правило специализации в перечень принципов правового регулирования экстрадиции, которые влияют на правовое положение лица, подлежащего выдаче. См.: Шурухнова Д.Н. Выдача, передача и выдворение лиц в отношениях государств: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2001. С. 9.

Верховный Суд Российской Федерации¹, представляют собой надежный правовой механизм². Например, взаимодействие между участниками Минской конвенции – Россией и Республикой Казахстан предполагает возможность уполномоченным представителям получать сведения о результатах уголовного судопроизводства, проводить проверку соблюдения прав и условий содержания под стражей, получать сведения об обращениях в связи с возможными нарушениями их прав, копии итоговых процессуальных документов, и т.д. В Российской Федерации такие гарантии обеспечивает Генеральная прокуратура РФ, а обычной практикой контроля является допуск к выданному лицу дипломатических представителей контролирующего государства. Как пишет А.А. Малов, Генеральной прокуратурой РФ в 2014 г. совместно с МИД РФ или консульств по обращениям Генеральной прокуратуры РФ осуществляют проверку соблюдения прав лиц, выданных по указанной категории дел³. Таким образом, еще одним способом обеспечения гарантий за соблюдением правила специализации является дипломатический контроль.

Надлежащему соблюдению правила специализации препятствует необходимость окончательной квалификации действий лица, запрашиваемого к выдаче на момент направления запроса, поскольку орган предварительного расследования и суд фактически лишаются возможности ее впоследствии изменить. В то же время юридическая квалификация содеянного есть динамический комплексный процесс, применения материально-правовых и процессуальных норм на различных стадиях уголовного судопроизводства, подчиняющийся не только требованиям уголовного закона, но и процессуальным правилам⁴. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 252 УПК РФ, изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту. Взаимосвязанные требования

---

¹ Далее – Верховный Суд РФ.

² Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 2.

³ Малов А.А. Дипломатические гарантии в экстрадиционных процедурах и инструменты контроля за их исполнением // Законность. 2018. № 5. С. 18.

⁴ См.: Прошляков А.Д. Указ. соч. С. 141.

ч. 2 ст. 252 УПК РФ и ч. 1 ст. 461 УПК РФ значительно ограничивают полномочия судов в отношении лица, выданного другим государством, поскольку процесс квалификации не заканчивается даже после вступления в силу приговора суда, т.к. после этого может быть принят и введен в действие закон, имеющий обратную силу¹. Уголовно-процессуальный закон не препятствует направлению выдавшему государству дополнительного запроса о привлечении к уголовной ответственности по скорректированному обвинению, но эта процедура является чрезвычайно длительной и не оговаривается конкретными сроками, что зачастую приводит затягиванию сроков расследования.

Примером динамической взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального закона является дело в отношении К.А.П., при выдаче которого из Королевства Марокко по запросу Российской Федерации возникла сложность, связанная с расхождением юридических конструкций мошенничества двух стран с различной правовой культурой. Данные затруднения были также обусловлены прошедшими изменениями в российском уголовном законе, где были выделены специальные составы мошенничества, предусмотренные ст.ст. 159.1-159.6 УК РФ. Это потребовало направления дополнительного международного запроса с целью получения разрешения на уголовное преследование К.А.П. именно за совершение тех действий, которые ему инкриминировались на территории Российской Федерации, поскольку по законодательству выдающего государства юридическая конструкция мошенничества при сравнении с наиболее схожей нормой уголовного закона Королевства Марокко, скорее походила на незаконное предпринимательство². Поступившие разрешения в ответе на дополнительный запрос позволили отграничить содеянное К.А.П. по ч. 4 ст. 159 УК РФ от специальных составов мошенничества. Несмотря на, то, что ЕСПЧ в своем решении по жалобе К.А.П. указал на нарушения п. 1 ст. 5 Конвенции о защите

---

¹ См.: Там же.

² Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. Уголовное дело № 452309 (1-3/2013).

прав человека и основных свобод, в связи с длительностью содержания его под стражей¹, правило специализации было соблюдено.

Таким образом, выдача обвиняемых и подсудимых по запросам Российской Федерации представляет собой собирательную часть уголовно-процессуальных норм, регулирующих уголовное преследование подозреваемых и обвиняемых на общих основаниях, содержащих ряд изъятий в отношении лиц, скрывшихся за пределами Российской Федерации. П.Д. Баренбойм, считает, что основной проблемой правового регулирования процессуального положения таких лиц является отсутствие «зеркальных норм»², которые хотя бы отчасти уравнивали их процессуальный статус с лицами, в отношении которых рассматривается выдача из России по запросам иностранных государств. Д.Н. Шурухнова также полагает, что статус лица, выдача которого требуется, должен быть приравнен к правовому статусу лица, обвиняемого по российскому уголовно-процессуальному законодательству³. Однако данные авторы не учитывают, что процессуальные права лиц, запрашиваемых к выдаче по запросам правоохранительных органов Российской Федерации, реализуются в полной мере, соответствуют статусу обвиняемых, и в расширении не нуждаются. Проблематика их положения находится в иной плоскости. Как отметила Т.В. Решетнева, выдача лица для привлечения к уголовной ответственности проводится в четыре этапа (подготовка необходимых документов, предоставление их в Генеральную прокуратуру РФ и направление в запрашивающую страну, рассмотрение запрашивающей стороной, принятие организационных мер, передача)⁴. При этом сам следственный орган изолирован от этой процедуры, не может влиять на ее ход и результаты. Попытки решить данную проблему неоднократно принимались. К примеру А.В. Гусев и Е.В. Елфимова, видят возможность оптимизации вопросов международного сотрудничества в МВД России путем создания в структуре министерства головного подразделения, исключительно осуществляющего организацию и

¹ Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека 2000 г. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Баренбойм П.Д. Экстрадиция без защиты // Право и экономика. 2013. № 7. С. 67.

³ Шурухнова Д.Н. Указ. соч. С. 9.

⁴ См.: Решетнева Т.В. Экстрадиция полипатридов (проблемы теории и практики) / под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Л.Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 130.

координацию международного сотрудничества в рамках компетенции данного министерства¹.

Что касается повышения процессуальных гарантий запрашиваемого к выдаче лица, находящегося за пределами страны, то современные технологии позволяют данную проблему значительно облегчить. Как пишет В.Ю. Стельмах: «достигнуто принципиальное разрешение законодателя в применении дистанционных технологий при производстве следственных [процессуальных] действий, несмотря на то, что требует апробации и совершенствования»². Так, ресурсы видео-конференц-связи позволят лицу, запрашиваемому к выдаче довести до суда свою позицию лично в противовес заочному судебному производству. При этом становится очевидным, что нормы УПК РФ, регулирующие выдачу лиц, находящихся на территории иностранных государств, представляет собой стадию досудебного судопроизводства, отличающуюся некоторыми процессуальными особенностями. Данный комплекс действий выпадает из сферы судебного контроля, чем лишает участников возможности проверки законности и обоснованности требований о выдаче до начала ее реализации.

1.2. Правовой режим выдачи из Российской Федерации по запросам иностранных государств

Разрешение выдачи лиц по запросам иностранных государств составляет основной объем экстрадиционной практики. Правовая природа выдачи, регламентированная гл. 54 УПК РФ, отличается крайней неопределенностью, по этой причине не представляется однозначно утверждать, какое именно место в системе уголовно-процессуальных норм она занимает. К примеру, Ю.К. Якимович при дифференциации производств выделяет дополнительные и особые

---

¹ См.: Гусев А.В., Елфимова Е.В. Совершенствование статуса МВД России в контексте оптимизации структуры и полномочий в сфере международного сотрудничества // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 4-1. С. 398.

² Стельмах В.Ю. Порядок производства следственных действий по видео-конференц-связи // Российский судья. 2022. № 10. С. 29.

производства¹. Однако данный автор так и не дает ответа, к какому из них следует отнести выдачу. Определение этой процедуры не содержит и уголовно-процессуальный закон. Так, предусмотренный УПК РФ порядок выдачи иностранных граждан и лиц без гражданства представляет собой отдельный комплекс норм, интегрированный в систему уголовно-процессуальных предписаний и является относительно обособленным, в отличие аналогичной системы, регуливающей выдачу лиц по запросам российских правоохранительных органов. В рассматриваемом случае формируется специальное производство со всеми вытекающими из его уголовно-процессуальной природы особенностями. Выделяя эту процедуру как самостоятельную, законодатель осознанно или нет, сформировал в ней свой круг участников со специальным набором процессуальных прав, особенностями административного порядка рассмотрения запросов уполномоченным органом, предусмотрел итоговый документ и процедуру обжалования. Отдельно можно также выделить исполнение выдачи и судебную практику (национальную и международную), существенно внесшую коррективы в положения, установленные законодателем.

Часть 1 ст. 462 УПК РФ указывает на международно-правовые основания выдачи (международные договоры, принцип взаимности, а также само наличие запроса)², субъектный состав лиц, в отношении которых может применяться такая процедура – иностранные граждане или лица без гражданства, находящиеся на территории Российской Федерации. Этой же нормой оговариваются правила, являющиеся одновременно международными принципами, получившими уголовно-процессуальный статус. А.С. Гришин именует их «институциональными (принцип взаимности, отказа от выдачи за политические преступления, невыдачи собственных граждан, двойной криминальности, *aut dedere aut judicare*, специальности)»³. Совокупность этих положений составляет

---

¹ См.: Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.]; под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. Ростов н/Д: Феникс, 2015. с. 36.

² См.: Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.]. Указ. соч. С. 436.

³ См.: Гришин А.С. Организационно-правовой механизм выдачи лиц для уголовного преследования в российском уголовном процессе: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7.

общие условия, основу, при которых выдача может быть осуществлена с точки зрения ее уголовно-процессуального исполнения.

Формальные основания выдачи, указанные в ст. 462 УПК РФ, А.С. Гришин трактует в качестве «*повода* выдачи (надлежаще оформленный запрос) и *основания* выдачи (совокупность обстоятельств, указывающих на возможность осуществления выдачи (соблюдение основных правил и предоставление гарантий)»¹. Отсутствие хотя бы одного из перечисленных элементов при инициации процедуры, влечет ее невозможность (например, отсутствие запроса о выдаче).

До вступления в силу нового уголовно-процессуального закона выдача исключалась, если такого рода запрет был предусмотрен международным договором о правовой помощи². При этом договорные нормы, как правило содержали большое количество оснований для отказа в выдаче, значительно ее осложнявшую. Основания отказа, приведенные в ст. 464 УПК РФ, содержат исчерпывающий перечень и состоят из двух групп – безусловные и факультативные. При этом основания, вытекающие из международного договора, но не предусмотренные УПК РФ, имеют равную силу при отказе в выдаче.

В.С. Выскруб выделяет три вида оснований: общепризнанные, обязательные и факультативные, перечень которых может носить как открытый, так и закрытый характер³. К перечню общепризнанных данный автор относит закрепленные в Конституции РФ: предоставление политического убежища на территории Российской Федерации, а также запрет выдачи лиц, преследуемых за политические преступления, и за совершение деяний, не являющихся преступными по российскому законодательству. Обязательные основания являются производными международно-правовых конструкций, в том числе, если запрашиваемое лицо является российским гражданином; если такому лицу предоставлено убежище в Российской Федерации в связи с возможностью преследований в данном государстве по признаку расы, вероисповедания,

¹ См: Гришин А.С. Указ. соч. С. 7-8.

² См. Волженкина В.М. Применение норм международного права в российском уголовном процессе. СПб. 1997. С. 33.

³ См.: Выскруб В.С. Конституция Российской Федерации в свете проблем экстрадиции. Указ. соч. С. 24.

гражданства, и т.д.; в отношении указанного в запросе лица на территории Российской Федерации за то же самое деяние вынесен вступивший в законную силу приговор или прекращено производство по уголовному делу; если истекли сроки давности или имеется иное обстоятельство, исключающее производство по делу; имеется вступившее в законную силу решение российского суда о наличии препятствий для выдачи в соответствии с законодательством и международными договорами Российской Федерации; деяние, послужившее основанием для запроса иностранного государства о выдаче, в соответствии с российским уголовным законом не является преступлением¹.

Вторая группа оснований для отказа является факультативной и предполагает возможность отказа в выдаче при отсутствии оснований, указанных в ч. 1 ст. 464 УПК РФ. Данный перечень связан с реализацией верховенства интересов Российской Федерации по уголовному преследованию субъекта выдачи на российской территории, ориентирован на усмотрение правоприменителя, а именно: если деяние, в связи с которым направлен запрос о выдаче, совершено на территории Российской Федерации или против ее интересов за пределами ее территории; за то же самое деяние в России осуществляется уголовное преследование лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче; уголовное преследование лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче, возбуждается в порядке частного обвинения. Е.В. Быкова и В.С. Выскуб² по этому поводу полагают, что нормы, предусматривающие выдачу, требуют корректировки в части неоднозначности правоприменения, поскольку в данном случае реализация таких оснований отказа в выдаче оставлена на усмотрение Генерального прокурора РФ, в то время как обязанность уголовного преследования не должна допускать каких-либо исключений. Несмотря на то, что авторы охватывают лишь часть проблемы, связанной с недопустимым объемом вопросов, оставленных на усмотрение должностных лиц, с ними следует согласиться. В этой связи стоит обратить особое внимание, что ст. 464 УПК РФ

---

¹ См.: Там же. С. 25.

² См.: Быкова Е.В., Выскуб В.С. Достоинства и недостатки совершенствования законодательства в сфере международного сотрудничества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 2. С. 75.

формирует основные элементы процедуры выдачи: административную форму и компетентный орган – Генеральную прокуратуру РФ (ч. 3 ст. 464); итоговый документ – решение Генерального прокурора РФ (ч. 4 ст. 464), процедуру уведомления заинтересованного лица, вступления решения в законную силу и возможность обжалования (ч. 5-6 ст. 464). Таким образом, прокурор является единственным актором (действующим субъектом) досудебной выдачи, а Указания от 5 марта 2018 г. № 116/35 – основным ведомственным информационно-разъяснительным актом, который регламентирует проведение «экстрадиционной проверки».

Однако именно в ходе такой проверки определяется судьба будущего решения. А.Е. Косарева определяет экстрадиционную проверку как «комплекс проверочных мероприятий и процессуальных действий досудебного производства, производимых сотрудниками российских правоохранительных органов... с момента задержания лица, числящегося в международном (межгосударственном) розыске, и до момента подписания Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем решения о выдаче (об отказе в выдаче) этого лица правоохранительным органам иностранного государства»¹. При этом, данный автор не учитывает роль и правовое положение запрашиваемого лица, в том числе возможность предоставлять доказательства и доказывать наличие оснований, препятствующих выдаче, тем самым определение отражает только публичную сторону этой стадии.

Более подходящим в этой связи представляется тезис Е.В. Быковой, которая отмечает, что Указания от 5 марта 2018 г. № 116/35 во многом восполняют пробелы в уголовно-процессуальном регулировании выдачи и замещают отсутствующий процедурный аспект, предусматривают обязанность уполномоченного лица собирать доказательства для проверки обоснованности

---

¹ Косарева А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005. С. 8.

запроса о выдаче, то есть наделяют такое лицо признаками субъекта уголовно-процессуального доказывания¹.

Исходным предметом доказывания является получение точных сведений о принадлежности к гражданству запрашиваемого лица. Так, п. 1.2.3 Указаний от 5 марта 2018 г. № 116/35 предусматривает обязанность получать у задержанного или установленного лица объем сведений, которые позволят установить его гражданство, а также сопутствующие сведения, влияющие на выдачу, например сведения о гражданстве его родителей с учетом положений ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»².

Такие требования, обусловленные конституционным запретом выдачи граждан, реализуются на всех этапах выдачи (в том числе апелляционного обжалования судебного решения), поскольку следствием допущенной ошибки может стать выдача российского гражданина или лица, обладающего специальным статусом. К примеру, кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ отменено определение Московского городского суда, которым оставлена без удовлетворения жалоба Т. на решение первого заместителя Генерального прокурора РФ о его выдаче правоохранительным органам Украины. Отменяя решение суда первой инстанции, судебная коллегия указала, что Т. оспаривал выход из российского гражданства, которое не было оформлено надлежащим образом, что указывает на возможность сохранения у него российского гражданства и является препятствием для выдачи правоохранительным органам Украины для уголовного преследования³.

Не менее актуальными выступают требования по проверке наличия у запрашиваемого к выдаче лица специального статуса (обладающего политическим убежищем, беженца, вынужденного переселенца). Этот аспект представляется наиболее частым поводом для проведения дополнительных

---

¹ См.: Быкова Е.В. Пробельные вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. 2009. № 4. С. 22.

² Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2020 г.) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 июня 2003 г. № 5-о03-51 // [Электронный ресурс] URL: <https://resheniya-sudov.ru/2004/88944> (дата обращения: 19.04.2021).

проверочных мероприятий, поскольку основания для получения статуса беженца, могут быть установлены не только в заявительном порядке, но и в ходе экстрадиционной проверки. Однако для отказа в выдаче по этому основанию необходимо свидетельство уполномоченного органа в соответствии со ст. 12 Закона «О беженцах», которое наряду с подтвержденными фактами преследования по политическим мотивам, будет являться формальным основанием для отказа в выдаче на основании п. 2 ч. 1 ст. 464 УПК РФ.

Итак, статус беженца может формироваться наличием фактических оснований для его приобретения. К примеру, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ дважды отменяла решение Тюменского городского суда в отношении Ю. о выдаче его правоохранительным органам Республики Узбекистан в связи с неразрешением вопроса о признании его беженцем (решение от 21 июля 2006 г.). Затем после рассмотрения его обращения (решение от 7 декабря 2006 г.), несмотря на отказ миграционной службы, указала, что вопрос об обжаловании Ю. отказа в предоставлении ему статуса беженца заслуживает внимания и основания для такового имеются¹. В этой связи следует обратить внимание на суждения А.Г. Волеводза, который полагает, что «при наличии в международном договоре норм о необходимости мер по совершенствованию внутреннего законодательства, они подлежат исполнению путем имплементации в нормы УПК РФ»². При этом речь ведется не об изменении уголовно-процессуального закона путем внесения в него положений международных договоров, а использование в его содержании более гибких правовых конструкций.

Правовая позиция Верховного Суда РФ состоит в том, что лицо, признанное беженцем или получившее временное убежище, не может быть выдано запрашивающему государству. Верховный Суд РФ полагает недопустимым обоснованием для избрания или продления в отношении такого лица меры пресечения в виде заключения под стражу длительность рассмотрения

---

¹ Кассационные определения Верховного суда РФ от 21 июля 2006 г. № 89-о06-23, от 07 декабря 2006 г. №89-о06-51 // [Электронный ресурс] URL: <https://resheniya-sudov.ru/2005-2006/98162> (дата обращения 19.04.2021).

² См.: Волеводз А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: дис. ...д-ра. юрид. наук: М., 2002. С. 12.

компетентными органами ходатайства о предоставлении ему статуса беженца, временного или политического убежища. Исключением Верховный Суд РФ признает обращение лица в компетентные органы с ходатайством о предоставлении ему временного или политического убежища после принятия решения о выдаче, указывая, что такие действия не должны влечь за собой отложение рассмотрения жалобы на решение о выдаче. Однако отказ в предоставлении специального статуса с одновременным разрешением выдачи является более распространенным явлением, чем отказ по этому основанию. А.С. Гришин по этому поводу пишет, что «объявляя себя политическими беженцами, подозреваемые стремятся избежать какой-либо ответственности»¹, однако в данном случае надо учитывать и тот факт, что запрашиваемое лицо может претендовать на статус беженца в силу объективных причин, которые должны получить надлежащую правовую оценку. В этой связи следует согласиться с А.В. Гусевым, указывающим на наличие взаимосвязанных юридических проблем, вызванных недостаточностью правового регулирования конституционного положения иностранных граждан², препятствующих реализации их законных прав, что проявляется и в экстрадиционных вопросах.

Экстрадиционная проверка заканчивается вынесением Генеральным прокурором РФ решения о выдаче, представляющего собой итоговый процессуальный документ, содержащий поручение органам Федеральной службы исполнения наказаний организовать передачу выдаваемого лица представителям властей иностранного государства³. Характерной особенностью данного решения является административный метод правового регулирования, при котором все функции уголовного преследования и разрешения дела находятся во власти одного органа. Участники имеют ограниченный круг прав, реализация которых зависит от усмотрения уполномоченного органа, и отсутствует состязательность⁴. Тем самым содержание экстрадиционной проверки и ее итоговое решение

---

¹ Гришин А.С. Указ. соч. С. 19-20.

² См.: Гусев А.В. Конституционные основы юрисдикционного статуса иностранных граждан в Российской Федерации // Актуальные проблемы конституционного права. Сборник научных трудов. Под редакцией А.В. Гусева. Екатеринбург, 2021. С. 9.

³ См.: Вениаминов А.Г. Некоторые вопросы защиты по делам об экстрадиции // Адвокат. 2010. № 5. С. 23.

⁴ См.: Вандышев В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части / М., 2010. С. 668.

свидетельствуют о *розыскном* характере проводимой уголовно-процессуальной процедуры. В то же время, основной ее целью является оценка требований на предмет соблюдения основных правил: двойного вменения, специализации, исключения политических преступлений, сводящиеся, в конечном счете, к определению преступности деяния, которое, как пишет Н.А. Сафаров, является вопросом внутренней компетенции каждого государства¹.

Соблюдение прокурором принципа *специализации*, предусмотренного ст. 461 УПК РФ по-прежнему рассматривается в трактовке международного права, где он сформулирован в ст. 14 Парижской конвенции, как правило *конкретности*². Оно исключает возможность уголовного преследования, задержания с целью исполнения приговора или постановления об аресте, а также не дает подвергнуть какому-либо иному ограничению личной свободы в связи с каким-либо деянием, предшествовавшим его передаче и не являющимся преступлением, которое мотивировало его выдачу. Например, решением Челябинского областного суда отменено постановление заместителя Генерального прокурора РФ о выдаче Р. по запросу правоохранительных органов Республики Казахстан для исполнения приговора. Р. был осужден по ч. 2 ст. 259 УК Республики Казахстан, предусматривающей ответственность за незаконные изготовление, переработку, пересылку, сбыт наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные приобретение, перевозку или хранение наркотических средств или психотропных веществ, совершенные с целью сбыта, либо в отношении наркотических или психотропных веществ в особо крупном размере. Уголовная ответственность за указанные деяния предусмотрена ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ, однако, признавая решение о выдаче Р. незаконным и необоснованным, суд указал, что из описания преступного деяния, содержащегося в приговоре, невозможно определить, образуют ли действия Р. состав деяния, за которое предусмотрена уголовная ответственность российским законодательством. Приговором установлен лишь факт обнаружения в одежде Р.

---

¹ См.: Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 67.

² См.: Вениаминов А.Г. Указ. соч. С. 24.

и рядом с ним наркотических средств, при этом не установлено совершение Р. каких-либо действий, перечисленных в ч. 1 ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ. Квалифицирующие признаки ч. 2 ст. 259 УК Республики Казахстан, по которым осужден Р. в приговоре не указаны, что не позволяет сделать вывод об уголовной наказуемости деяния Р. по законодательству Российской Федерации¹.

Что касается правила *двойной криминальности*, закрепленного в ч. 1 ст. 462 УПК РФ, то при рассмотрении запросов иностранных государств оценка на предмет наказуемости производится применительно к российскому уголовному законодательству. А.И. Бойцов указывает на три современных подхода к определению двойной наказуемости: «1) закрепление исчерпывающего перечня влекущих выдачу преступлений; 2) указание минимального размера наказания за совершение такого рода преступлений; 3) применение комбинированного критерия, основанного на сочетании перечисленных преступлений с критерием тяжести наказаний²». В российском законодательстве принято определять двойную наказуемость применительно к минимальному виду и размеру наказания, с указанием его вида и минимального размера (в отношении преступлений, наказуемых в соответствии с законодательством запрашивающей и запрашиваемой сторон лишением свободы на срок не менее одного года или более строгим наказанием).

Н.А. Сафаров, полагает, что реализация принципа *двойного вменения* включает в себя квалификацию деяния, определяющего его преступность по законодательству обоих государств, где речь идет о «чисто юридической квалификации преступления, которое послужило основанием его выдаче, не учитывая при этом «моральные категории», как если бы деяние, не признанное преступлением в выдающем государстве, при этом порицалось как неподобающее поведение»³. Данный автор приводит примеры отличий в толковании различных преступлений, исходя из примеров практики международных судебных органов и полагает, что «возможные различия, которые неизбежно присущи определению

---

¹ Материалы производства № КК-10/2009 в отношении Р. гражданина Республики Казахстан о его экстрадиции в Республику Казахстан // Архив Челябинского областного суда, 2009 г.

² Бойцов А.И. Указ. соч. С. 453.

³ Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 71.

составов преступлений, не должны препятствовать экстрадиции лица, если нет предусмотренных международными договорами, либо национальными законами иных оснований для отказа в экстрадиции»¹. С таким суждением нельзя не согласиться, однако следует принять во внимание, что многие нормы уголовного закона в современном состоянии существенно различаются, даже применительно к странам бывшего СССР, а критерии допустимости таких расхождений при реализации принципа двойной криминальности законом не предусмотрены. Во многих нормах был введен порядок *административной преюдиции*, для которого является обязательным факт повторного совершения преступления лицом, подвергнутым административному наказанию, например, составы преступлений, предусмотренных ст.ст. 157, 158.1, 264.1 УК РФ². Возникает закономерный вопрос, будет ли деяние считаться уголовно наказуемым по законодательству Российской Федерации для целей выдачи при обвинении экстрадируемого лица иностранным государством в совершении такого преступления впервые? Представляется, что в таких случаях обстоятельства совершения преступления, по которому поступил запрос, должны быть детально исследованы. Если по всем признакам уголовная ответственность возможна только в условиях повторности, то такие деяния должны влечь отказ в выдаче, поскольку преступления, включающие в свою юридическую конструкцию административную преюдицию, дифференцируют уголовную и административную ответственность за одно и то же деяние, тем самым определяется количественный показатель, при котором деяние является уголовно-наказуемым³.

Остро встает вопрос соблюдения правила двойной криминальности, когда за один и тот же объем действий возможна как уголовная, так и административная ответственность. Так, постановлением Челябинского областного суда признано незаконным и отменено постановление заместителя Генерального прокурора РФ о

---

¹ Там же. С. 74.

² в соответствии с определением А.В. Богданова административная преюдиция представляет собой включение в диспозицию правовой нормы сведений о предыдущей административной наказанности лица, выступающих основаниями для криминализации повторных деяний с признаками административных правонарушений. Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: М., 2019. С. 9.

³ См.: Матвеева П.А. Административная преюдиция в уголовном праве как один из факторов увеличения роли административной ответственности // Вестник Самарской гуманитарной академии. № 2(23). 2019. С. 132.

выдаче А. правоохранительным органам Республики Узбекистан для привлечения к уголовной ответственности по п. «б» ч. 2 ст. 223 УК Республики Узбекистан – переход государственной границы в нарушение установленного порядка по предварительному сговору группой лиц. Поскольку А. был задержан при переходе со своим несовершеннолетним сыном границы в объезд пункта пропуска. Отменяя постановление о выдаче, суд указал, что законодательством Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за пересечение Государственной границы без действительных документов на право въезда в Россию или выезда из страны, либо без надлежащего разрешения, полученного в порядке, установленном российским законодательством, совершенное группой лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 322 УК РФ). Сопоставив диспозиции ст. 223 УК Республики Узбекистан и ст. 322 УК РФ, суд указал, что по отечественному законодательству уголовная ответственность предусмотрена не за любое нарушение порядка пересечения Государственной границы, а лишь в случае отсутствия действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из страны, либо без надлежащего разрешения, то есть содержится обязательный признак, совершение которого А. не предъявлено. Данное обстоятельство не позволяет считать содеянное А. уголовно-наказуемым по российскому законодательству¹. Суть принятого решения состояла в том, что действия выдаваемого лица по переходу границы скорее образовывали состав одного из административных правонарушений, предусмотренных гл. 18 КоАП РФ, чем представляли собой состав уголовно-наказуемого деяния, а уголовные законы двух государств устанавливают различные критерии квалификации определенных действий как уголовно наказуемых.

Другим критерием оценки двойной криминальности Н.А. Сафаров называет «требование возможного осуждения за экстрадиционное деяние к лишению свободы на взаимосогласованный срок, которое служит основой для определения круга преступлений, влекущих выдачу»², (оно же правило *минимального срока*

---

¹ Материалы производства № №2К-20/2017 в отношении А. гражданина Республики Узбекистан о его экстрадиции в Республику Узбекистан // Архив Челябинского областного суда, 2017 г.

² Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 76.

наказания). В большинстве международных договоров, в том числе Парижской конвенции (ст. 64), применяется минимальный предел наказания. Данное правило установлено и УПК РФ, предусматривающим лишение свободы на срок не менее одного года или более строгое наказание. Это положение в некоторых работах приводится в качестве примера правовой неопределенности, поскольку «в санкциях статей указан либо минимальный, либо только максимальный предел конкретного вида наказания, соответственно, если в санкции статьи предусмотрен только максимальный предел наказания, то в отсутствие минимального предела таковым будет предусмотренный ст. 56 УК РФ срок лишения свободы, составляющий два месяца»¹. Следуя такой логике, из объема экстрадиционных преступлений подлежат исключению не только преступления небольшой и средней тяжести, но и тяжкие преступления, санкции которых не содержат указания на минимальный срок наказания в виде лишения свободы, в том числе применительно к последнему приведенному примеру – ч. 2 ст. 322 УК РФ.

Кроме того, правило минимального срока наказания связано с проблемой «истечения сроков давности уголовного преследования, а также определения законодательства страны, вовлеченной в экстрадиционные отношения, на основании которой данные сроки подлежат исчислению»². В таких случаях, правоприменитель руководствуется ст. 10 Парижской конвенции, требующей учитывать законодательство любого из государств, как запрашивающего, так и запрашиваемого, а также п. 4 ч. 1 ст. 464 УПК РФ, ориентированной на сроки давности, установленные российским законодательством. При этом необходимо учитывать динамические изменения уголовного закона, за счет которых могут изменяться сроки давности привлечения к уголовной ответственности, принимая при этом во внимание время совершения преступления, положения об обратной силе уголовного закона и изменение закона, влияющее на положение запрашиваемого к выдаче лица³. Таким образом, при проведении правовой

---

¹ См.: Ровнейко В.В. Принцип специализации при экстрадиции и санкции статей Уголовного кодекса Российской Федерации // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2009. № 4. С. 4.

² См.: Чучаев А.И., Крупцов А.А. Экстрадиция // *Законность*. 2010. № 7. С. 3.

³ к примеру, структура нормы, диспозиции и санкции ч. 2-6 ст. 264 УК РФ изменялись в редакциях Федеральных законов от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ, от 07 марта 2011 г. № 26-ФЗ, от 07 декабря 2011 г., № 420-ФЗ, от 31

экспертизы на предмет установления двойной наказуемости, нужно учитывать конкретную методику расчета, критерии которой будут максимально способствовать интересам запрашиваемого лица.

Проверка выдачи на предмет исключения политических преступлений, как правило разрешается на основании общих сведений, предоставленных правозащитными организациями о систематическом нарушении прав в определенном государстве. Такие сведения носят весьма относительный и оценочный характер¹. Другой способ – это проверка на основании доказательств, представленных в суд заинтересованными лицами. К такому подходу коррелирует правовая позиция Верховного Суда РФ, приведенная в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 июня 2012 года. В качестве источников таких сведений рекомендовано учитывать заключения МИД РФ о ситуации с соблюдением прав и свобод человека в запрашивающем государстве, гарантии запрашивающего государства, а также доклады и иные документы, принятые в отношении такого государства международными внедоговорными и договорными органами. К примеру, Апелляционным определением Верховного Суда РФ от 20 июня 2018 г. № 18-АПУ18-8², оставлено без изменения постановление Краснодарского краевого суда в отношении П., которым оставлена без удовлетворения его жалоба на постановление заместителя Генерального прокурора РФ о выдаче правоохранительным органам Республики Узбекистан для привлечения к уголовной ответственности. На доводы заявителя о том, что в случае выдачи его жизни и здоровью будет угрожать опасность, пытки и издевательства с целью обвинить в преступлениях, совершенных другими людьми, а также пытки и издевательства по признаку расы и вероисповедания, что имело место во время его проживания в Узбекистане в 1994-1999 г.г., суд привел в обоснование «Вступительные замечания Верховного комиссара ООН по

декабря 2014 г. № 528-ФЗ, от 23 апреля 2019 г. № 65-ФЗ, от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ, от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в «Уголовный кодекс Российской Федерации...». - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ См.: Малов А.А. Эволюция правозащитной функции института экстрадиции // Законность. 2020. № 9. С. 49.

² Апелляционное определение от 20 июня 2018 г. № 18-АПУ18-8 // [Электронный ресурс] URL: <https://ukrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20062018-n-18-apu18-8/> (дата обращения: 28.03.2020).

правам человека Зейда Раада аль Хусейна на пресс-конференции в ходе его миссии в Узбекистан» (Ташкент, 11 мая, 2017 г.). Они свидетельствуют о принятии мер по усилению гарантий прав и свобод граждан в судебно-следственной деятельности и улучшению ситуации по соблюдению прав человека в указанном государстве.

Проблема оценки таких доводов до настоящего времени остается острой и, безусловно, должна быть предметом доказывания по экстрадиционным делам в том случае, если запрашиваемое лицо приводит соответствующие аргументы о преследовании по политическим мотивам. Несмотря на то, что источники сведений о нарушении прав человека в некоторых государствах являются основным способом верификации доводов защиты в суде, соответствие сведений изложенных в докладах международных наблюдателей с реальной обстановкой в конкретном государстве, является спорным. Представляется, что угроза уголовного преследования по политическим мотивам должна проверяться не на основании общих сведений, а на основании проверочных мероприятий, проведенных в отношении конкретного лица, которые должны иметь приоритетное значение.

Наконец, наибольшее количество критических замечаний связано с арестом для целей выдачи, поскольку, как справедливо отметил Р.Г. Ляtifов: «избрание меры пресечения производится по основаниям и в порядке, предусмотренном не российским, а зарубежным законодательством»¹. Кроме того, задержание лица и избрание меры пресечения является юридическим фактом, с наступлением которого процедура экстрадиции переходит в активную уголовно-процессуальную фазу.

Избрание мер пресечения при выдаче регулируется ст. 466 УПК РФ. Для этого необходимо соблюдение двух процессуальных аспектов. Первый, как пишет В.Ю. Стельмах, «заключается в предоставлении органам Российской Федерации двух документов: экстрадиционного запроса из иностранного государства и решения иностранного суда о заключении лица под стражу, которые

---

¹ Ляtifов Р.Г. Указ. соч. С. 4.

подтверждают полноту осуществляемого иностранным государством уголовного преследования»¹. Второй – заключается в соблюдении условий ч. 1 ст. 97 УПК РФ (подтверждение риска побега, совершения новых преступлений, воспрепятствования расследованию или судебному разбирательству). В.П. Божьев при этом считает, что самостоятельным юридическим основанием для ареста является «предотвращение уклонения от следствия и суда»², однако данный момент представляется спорным, поскольку ст. 97 УК РФ требует наличия конкретных доказательств того, что выдаваемое лицо может скрыться, а сам факт объявления в международный розыск не требует установления факта уклонения от следствия и суда.

Что касается ст. 466 УПК РФ, то в качестве правового основания избрания меры пресечения может выступать как решение российского суда, так и иностранного судебного органа, а в качестве основания избрания меры пресечения приводится необходимость обеспечения выдачи, независимо от оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ. Эти особенности значительно отличают заключение под стражу при выдаче с другими процессуальными (судебными) процедурами по ограничению конституционных прав, где предметом доказывания являются обоснованность требований и причастность лица к инкриминируемому ему деянию.

Процедуре выдачи, как правило, предшествует международный розыск. При установлении лица, объявленного в международный розыск, первоначально производится его задержание в соответствии с п.п. 4 и 13 ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»³. Процессуальное задержание осуществляется в порядке, установленном ст. 91 УПК РФ, после чего, в течение 48 часов разрешается вопрос о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. В таких случаях меры пресечения не ограничиваются заключением под стражу, поскольку существуют не менее эффективные способы обеспечить

---

¹ Стельмах В.Ю. Особенности избрания меры пресечения к лицу, в отношении которого решается вопрос об экстрадиции // В сборнике: Стратегия противодействия преступлениям как элемент международной и национальной безопасности. Сборник научных трудов. Под редакцией Н.С. Расуловой. Екатеринбург, 2021. С. 185.

² Божьев В.П. Указ. соч. С. 668.

³ См.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

участие субъекта в экстрадиционной проверке и судебном производстве, в том числе залог и домашний арест. Например, домашний арест в качестве меры пресечения предусмотрен Указаниями от 5 марта 2018 г. № 116/35 (п. 1.2.2.). Кроме того, И.А. Насонова и С.С. Халимоненко приводят убедительные доводы к применению меры пресечения в виде запрета определенных действий – «более гибкой конструкции по сравнению с заключением под стражу и домашним арестом»¹, которая может применяться и в ходе экстрадиционных процедур.

Однако выдача всегда носит репрессивный характер и осуществляется только в виде принудительного перемещения через государственную границу, согласно ст. 467 УПК РФ. В соответствии с п. 1.4.8. Указаний от 5 марта 2018 г. № 116/35, основанием заключения под стражу является вступление в законную силу решения о выдаче. Если лицу ранее была избрана иная мера пресечения, не связанная с заключением под стражу, то она изменяется на арест для целей передачи, даже при отсутствии оснований, предусмотренных ст. 91 УПК РФ. Такому режиму передачи противопоставляется альтернативный порядок административного выдворения за пределы Российской Федерации по КоАП РФ (ст. 3.10), который предусматривает не только принудительное выдворение с помещением в специальное учреждение, но и контролируемый самостоятельный выезд такого лица.

Для целей выдачи заключение под стражу производится в виде двух разновидностей процедур, конкретный вид которой зависит от факта поступления, либо непоступления запроса выдаче, на предоставление которого требуется определенное время. До поступления запроса о выдаче лицо может содержаться под стражей в порядке, определенном соответствующим международным договором. Например, ч. 1 ст. 60 и часть 1 ст. 62 Минской конвенции предусматривают возможность взятия лица под стражу на основании ходатайства до получения требования о выдаче на один месяц. Статья 16 Парижской конвенции аналогичную процедуру именует временным задержанием

---

¹ Насонова И.А., Халимоненко С.С., О необходимости запрета определенных действий для системы мер пресечения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1. С. 192.

(provisional arrest¹), которое осуществляется в виде просьбы о временном задержании разыскиваемого лица, срок которого определяется 18 дней до получения запроса о выдаче, но не более 40 дней с даты задержания.

В УПК РФ вопрос о мере пресечения разрешается уже после поступления запроса о выдаче и процедура также подразделяется на два вида. Если при поступлении запроса о выдаче запрашивающим государством не представлено документа по мере пресечения, прокурор в целях обеспечения возможности выдачи лица решает вопрос о необходимости избрания меры пресечения в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 97 УПК РФ (ч. 1 ст. 466 УПК РФ). В данном случае уголовно-процессуальный закон требует соблюдения общих положений, которые применимы к подозреваемым и обвиняемым, при котором инициатором обращения в суд с ходатайством об избрании меры пресечения будет прокурор. В том случае, если запрашивающее государство предоставляет решение о заключении под стражу, то прокурор вправе подвергнуть это лицо домашнему аресту или заключить его под стражу без подтверждения указанного решения российским судом (ч. 2 ст. 466 УПК РФ). В последнем случае постановление о заключении лица под стражу выносит сам прокурор. Процессуальный механизм избрания меры пресечения, как и некоторые другие аспекты выдачи, выделяется из прочих институтов УПК РФ особенностями судебного санкционирования², когда разрешение на производство процессуальных действий, ограничивающих конституционные права, осуществляется не во всех случаях российским судом. Это спорное положение закона критически оценено Р.Г. Лятифовым, который справедливо заметил, что такое полномочие прокурора не соответствует, ни международным правовым актам, ни российскому уголовно-процессуальному закону, а потому его следует исключить³.

Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 14 июня 2012 г. № 11 отмечает, что срок содержания под стражей должен определяться

---

¹ European Convention on Extradition. Paris, 13.XII.1957 // [Электронный ресурс] URL: <https://rm.coe.int/1680064587> (дата обращения: 29.04.2020).

² См.: Адильшайев Э.А. Судебное санкционирование в уголовном процессе России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. С. 8-9.

³ См.: Лятифов Р.Г. Указ. соч. С. 12.

необходимостью разрешения вопроса о выдаче такого лица, включая его фактическую передачу запрашивающему государству в соответствии со ст. 109 УПК РФ, при общем сроке 2 месяца, за преступления небольшой и средней тяжести – не более чем 6 месяцев, за тяжкие и особо тяжкие преступления – до 12 месяцев, с предельным сроком содержания под стражей в исключительных случаях до 18 месяцев. Однако механизм освобождения лица из-под стражи в случае превышения указанных сроков в совокупности с правилом двойной криминальности не предусмотрен, поэтому найти примеры освобождений в таких случаях затруднительно.

Исследователи неоднократно отмечали, что действующая редакция уголовно-процессуального закона упускает наиболее важные вопросы правового регулирования, связанные с применением меры пресечения, которые создают наибольшую угрозу для нарушения прав человека. Регулирование на уровне «сложившейся практики» приводит к тому, что «закон не предусматривает порядок избрания меры пресечения до поступления запроса о выдаче, обжалования судебного решения о заключении под стражу, а равно применения и продления данной меры пресечения прокурором на основании решения суда иностранного государства»¹. Отсутствие надлежащего регулирования данных правоотношений отмечал Конституционный Суд Российской Федерации² в определении от 4 апреля 2006 г. № 101-О «По жалобе гражданина Республики Таджикистан Насруллоева Хабибулло на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»³, а также ЕСПЧ в решениях «Насруллоев против Российской Федерации»⁴, «Эргашев против Российской Федерации»⁵.

---

¹ См.: Вениаминов А.Г. Некоторые вопросы защиты по делам об экстрадиции // Адвокат. 2010. № 5. С. 25.

² Далее – Конституционный Суд РФ.

³ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04 апреля 2006 г. № 11-П «По жалобе гражданина Республики Таджикистан Насруллоева Хабибулло на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 28. Ст. 3118.

⁴ Постановление Европейского суда по правам человека от 11 октября 2007 г. Дело «Насруллоев против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 3.

⁵ Постановление Европейского суда по правам человека от 20 декабря 2011 г. «Дело Эргашев против Российской Федерации». - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, правовое регулирование избрания мер пресечения в отношении запрашиваемых лиц осуществляется в рамках гл. 13 УПК РФ, по аналогии с подозреваемыми и обвиняемыми. Однако эти нормы не адаптированы под субъекты выдачи, так как в отношении них действует совершенно иная аргументация, зачастую не подходящая под рядовые случаи производства по уголовным делам, где четко определен процессуальный статус участника и его процессуальные права. Как пишет Р.Г. Ляtifов¹: «различие (процессуальных статусов) обусловлено как содержанием полномочий указанных участников уголовного судопроизводства, так и особыми предметом, задачами, процессуальным порядком производства с участием обвиняемого (подозреваемого), осужденного, несвойственных для производства об избрании меры пресечения в целях выдачи лица». Таким образом, закон напрямую не оговаривает обязанность правоприменителя обеспечить право на защиту запрашиваемого лица и возможность обжалования его действий (бездействия). Все делается «на усмотрение» и по «общим правилам», которые при отсутствии добросовестного подхода со стороны лица, наделенного властью, могут не соблюдаться.

Если лицо задерживается в связи с международным розыском по запросу иностранного государства, то уполномоченному должностному лицу затруднительно решить вопрос о наличии оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, поскольку уголовно-процессуальное законодательство содержит исчерпывающий перечень таких оснований. Суд должен дать оценку наличию оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 97 УПК РФ и привести их в своем решении, в то время, как это нереально при наличии ограниченного объема информации, предоставленного по делу, находящемуся в производстве в другом государстве. Устранение противоречия, выраженного в отсутствии специального основания для избрания меры пресечения в отношении лица, подлежащего выдаче, исследователи предлагают устранить путем внесения изменения в закон. Так, О.И. Цоколова, предлагает наиболее простой способ –

---

¹ Ляtifов Р.Г. Указ. соч. С. 18.

дополнить ст. 97 УПК РФ соответствующим пунктом¹. А.С. Гришин рекомендует дополнить УПК РФ новым основанием: «если в отношении лица поступил запрос о его выдаче и имеется решение компетентного органа иностранного государства о заключении его под стражу»². Позиции данных авторов представляются спорными и противоречащими самому духу уголовно-процессуального закона, предполагающему возможность применения меры процессуального принуждения только при условии достаточной обоснованности. В данном случае основанием ареста будет выступать не совершение лицом запрещенных действий, связанных с его процессуальным положением, а сам факт требования о его выдаче. Альтернативным мнением является закрепление в УПК РФ понятия международного розыска, в соответствии с предложением Н.В. Несмачной³, которое будет включать в себя процессуальное основание для заключения под стражу в связи с побегом выдаваемого лица от правосудия.

На примере процессуального аспекта избрания меры пресечения видно, что в одних случаях основанием совершения процессуальных действий выступает международно-правовое положение, в других – УПК РФ. Данное обстоятельство очередной раз свидетельствует о том, что закрепление выдачи в качестве уголовно-процессуального института происходит постепенно, многие аспекты либо по-прежнему регулируются нормами международного права, либо правовое регулирование отсутствует вовсе. Это относится к основаниям отказа в выдаче по запросам иностранных государств, неупорядоченности предмета доказывания, избрания и продления мер пресечения на период рассмотрения запросов о выдаче. В свою очередь восполнить такие пробелы применением уголовно-процессуального закона по аналогии на практике бывает затруднительно, в связи с отсутствием в УПК РФ аналогов выдачи как явлению, находящемуся на стыке отраслей права.

---

¹ данный автор считает, что ст. 97 УПК РФ должна быть дополнена частью 3 следующего содержания: «мера пресечения может избираться при поступлении ходатайства или запроса о выдаче лица из иностранного государства». См.: Цоколова О.И. Указ. соч. С. 388.

² Гришин А.С. Организационно-правовой механизм выдачи лиц для уголовного преследования в российском уголовном процессе: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. С. 8.

³ См.: Несмачная Н.В. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов. 2016. С. 11-12.

Эффективное использование международно-правовых, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных конструкций не может быть достигнуто путем использования изолированно ресурсов одной из отраслей, путем переноса простых категорий (например, принципа двойной преступности), поскольку учитывать необходимо всю теоретическую и практическую основу, в данном случае сформированную в рамках международного права. Следовательно, необходима определенная трансформация таких конструкций в уголовный процесс. Использование межотраслевого подхода в целях противодействия гиперспециализации – процесса, ведущего к драматическому росту фрагментации знания¹, при котором упор делается только на одну отрасль права, с отрицанием смежных аспектов, является необходимым для объемного понимания, в том числе таких сложных институтов как выдача.

Первоначально нормы международного права получили закрепление во внутригосударственном праве и, оперируя категориями синергетики, которые соотносятся с установками, свойственными трансдисциплинарным исследованиям², произошел процесс, схожий по своей природе с переносом модели, построенной для научных объяснений в одной научной области, в другую область знаний, то есть *переход по горизонтали*³. Закономерно встает вопрос о возможности следующего этапа, то есть перехода из одной научной области и верифицированной в ее рамках, к заключениям общего теоретического значения и даже к междисциплинарным выводам и универсальному подходу, то есть *переход по вертикали*⁴, предполагающий создание некоего свода правил, включающего в себя органичное объединение различных отраслевых норм. Интеграция элементов различных отраслей возможна как с помощью дополнения уголовно-процессуального закона новыми положениями, так и при помощи специального источника правового регулирования. Как указывает А.И. Бойцов, «логика формирования института экстрадиции неумолимо подводила к необходимости

¹ См.: Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2011. № 10 (112). С. 195.

² См. Князева Е.Н. Философия науки. Междисциплинарные стратегии исследований: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 23.

³ См.: Там же. С. 24.

⁴ См.: Там же.

принятия специальных законов, в которых государства формулируют свою политику по вопросам выдачи»¹.

Ввиду многочисленных проблем периодически высказываются суждения о необходимости специального «экстрадиционного» закона, позволяющего объединить нормы различных отраслей права в единый комплекс. Р.В. Нигматуллин считает, что такой закон необходим, поскольку экстрадиция становится эффективным средством борьбы с преступностью только в том случае, когда она надлежащим образом регламентирована внутригосударственным законодательством². Предполагается, что таким образом будет снят ряд юридических проблем, связанных с неопределенностью правового положения субъектов экстрадиции. Как пишет А.И. Бойцов, такой закон не был принят в Российской Федерации, но «его возможные параметры обсуждались на доктринальном уровне»³. Однако изучение проекта закона⁴ показывает, что его положения фактически дублируют современные нормы УПК РФ в сфере выдачи. Безусловно, он содержит явно позитивные разъяснения в части обеспечения права на защиту, порядка задержания, предоставления дополнительных материалов запрашиваемой стороной. Однако, даже том случае, если бы этот закон был принят, упущения в части процедурного аспекта и содержательной стороны прав участников, не сняли бы имеющиеся в настоящее время проблемы теоретического и практического характера.

На основании изложенного можно сделать вывод, что институт выдачи в российском уголовном процессе состоит из двух частей: обязательной и факультативной. *Обязательная* (досудебная) – рассмотрение административным органом запроса иностранного государства о выдаче («экстрадиционная проверка»), либо же подготовка запроса в компетентный орган иностранного государства для выдачи с целью уголовного преследования на территории

---

¹ Бойцов А.И. Указ. соч. С. 21.

² Нигматуллин Р.В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера в XX – начале XXI столетия (историко-правовой аспект): автореф. дис. ...д-ра. юрид. наук. М., 2007. С. 11.

³ Бойцов А.И. Указ. соч. С. 25.

⁴ проект Федерального закона «О выдаче (экстрадиции)» См.: Якубович Н.А. Избранные труды / [сост. Е.В. Быкова, В.С. Выскуб, А.И. Халиуллин; вступит. ст. Е.В. Быкова]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2020. С. 306-314.

Российской Федерации. *Факультативная* (судебная) стадия, существует в виде судебного контроля, которая инициируется поступлением жалобы в суд при положительном решении о выдаче, либо в пределах разрешения судом вопросов, связанных с выдачей (арест лица, находящегося в международном розыске), имеет обязательное значение, как при положительном, так и при отрицательном судебном решении. При этом *экстрадиционная проверка* является значимой стадией производства выдачи, в ходе которой производится сбор основного массива сведений. В соответствии с предложениями, которые выдвигаются по итогам данного исследования, независимо от того, будет судебная стадия факультативной или обязательной, проведение экстрадиционной проверки с вынесением по ее окончании Генеральным прокурором РФ итогового документа, должно быть сохранено без уменьшения объема обязанностей должностных и перечня процессуальных действий, являющихся обязательными к выполнению.

Кроме того, повышенные гарантии прав запрашиваемых к выдаче лиц и достижения высокого качества правосудия, обеспечиваются при рассмотрении жалоб на решения Генерального прокурора РФ судьями субъектного уровня (верховного суда республики, краевого или областного суда и т.д.), то есть подсудность более высокого уровня, которая не должна изменяться в пользу передачи таких вопросов нижестоящему суду. Вопросы выдачи по запросам правоохранительных органов Российской Федерации должны быть переданы на этот же уровень подсудности в целях выравнивания процессуального положения участников обеих процедур и оформлены в виде процедуры судебного контроля, в то время как сейчас этот порядок представлен в виде судебного санкционирования заключения под стражу лиц, объявленных в международный розыск¹.

---

¹ по мнению Э.А. Адильшайева судебное санкционирование представляет собой особый вид уголовно-процессуального санкционирования, который заключается в деятельности суда по принятию решений (даже санкций) о применении отдельных мер процессуального принуждения (в том числе о применении меры пресечения для возможной экстрадиции лица). Судебный контроль рассматривается автором как деятельность, состоящая исключительно в рассмотрении судом жалоб участников уголовного процесса на действия (бездействие) и решения государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. На этом основании Э.А. Адильшайев разделяет понятия судебного контроля и судебного санкционирования в качестве двух самостоятельных форм осуществления правосудия, заключающегося в разрешении уголовно процессуального спора. См.: Адильшайев Э.А. Указ. соч. С. 8-9.

§ 2. Модельная взаимосвязь судебного контроля и формы уголовного судопроизводства в процедуре выдачи

Элемент судебного контроля в разновидностях выдачи (по российским запросам и иностранным государствам) реализуется различным образом, а именно, в первом подвиде он проявлен в меньшей степени, поскольку затрагивает только разрешение вопросов о заключении запрашиваемых лиц под стражу. Сама процедура формирования и направления запроса о выдаче обвиняемых не подпадает под сферу действия судебного контроля по УПК РФ, осуществляется исключительно по правилам досудебного производства.

В то же время, судебный контроль занимает особое место правового регулятора в процедуре выдачи по российскому уголовно-процессуальному закону, выступает в качестве самостоятельного межстадийного института¹, и заслуживает особого места в обсуждении особенностей выдачи по действующему закону, ее положительных аспектов и существующих проблем.

Несмотря на то, что выдача может производиться в административном и судебном порядке, ни одна реальная уголовно-процессуальная система не может представить такой порядок в абсолютно чистом виде. Приближенные к чисто административной (или судебной) модели выдачи в уголовно-процессуальной литературе такие типы принято называть идеальными в силу полярности и абстрактности их содержания². Административную модель выдачи следует отделять от дипломатической, исключаяющей каким-либо образом правовой и процедурный аспект³. Судебный порядок, в свою очередь, в относительно чистом виде на практике представлен только в странах системы общего права, в то время как страны континентального права применяют смешанный порядок. Российская система декларирует процессуальный порядок выдачи, который реализуется в рамках ведомственной проверочной процедуры и ограничен механизмами

¹ См.: Колоколов Н.А. Оперативный судебный контроль в уголовном процессе // М.: Юрист, 2008. С. 414.

² См.: Соловьев А.А. Типология уголовного процесса Российской Федерации и ее назначение для формирования системы принципов // Вестник ТГУ. № 1 (105). 2012. С. 248.

³ См.: Никольский Д.П. Указ. соч. С. 269-270.

судебного контроля. По этой причине роль судебного контроля в выдаче, подлежит анализу на предмет его взаимосвязи с формой (моделью) отечественного уголовного судопроизводства, что позволит выявить особенности существующего процессуального механизма выдачи, и обозначить пути разрешения сложностей в его правоприменении.

В качестве элемента уголовного судопроизводства, как полагает Н.Н. Ковтун, судебный контроль представляет собой реализацию запрета на ограничение прав граждан на судебную защиту¹. Однако, применительно к выдаче, сущность судебного контроля проявляется не столько в предоставлении возможности получить судебную защиту, сколько обеспечить такой защите реальные процессуальные возможности (с учетом интересов суверенного государства, требующего выдачу). Так, в Российской Федерации судебный контроль представлен в виде самостоятельной, особой формой правосудия в судах общей юрисдикции, в то время, как в ряде стран процесс его внедрения пошел по пути создания специализированных судебных инстанций, осуществляющих лишь судебно-контрольные действия². Таким образом, место судебного контроля в вопросах выдачи продиктовано взаимосвязанными конституционными принципами права на судебную защиту прав и свобод, и судебного обжалования решений и действий (или бездействия) органов государственной власти (ч. 1 и 2 ст. 46 Конституции РФ). Н.Н. Ковтун пишет, что его сущность составляет исследование судом фактических обстоятельств спора сторон по определенному кругу вопросов, формирование собственного внутреннего убеждения о фактической и юридической стороне спора между участниками, одним из которых являются органы государственной власти³. В свете сказанного, представляется, что предметом судебной проверки при выдаче выступает спор органа, проводившего экстрадиционную проверку (как правило занимающего

---

¹ См.: Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы Указ. соч. С. 16.

² См.: Колоколов Н.А. Указ. соч. С. 412.

³ См.: Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России // Н. Новгород: Нижегородская правовая академия. Государство и право. 2002. С. 118.

позицию необходимости выдачи) и выдаваемого лица, не быть экстрадированным запрашивающему государству.

С точки зрения вида, участие суда в выдаче лица по запросу российских правоохранительных органов, является *текущим* судебным контролем (санкционированием) за действиями и (или) решениями органа предварительного расследования. Что касается рассмотрения жалоб на решение прокурора о выдаче, то такая процедура по своей характеристике представлена в виде *итогового* судебного контроля за ходом и результатами оконченного предварительного расследования (рассмотрение жалоб). Контроль за *действиями нижестоящего суда*¹ обеспечивается возможностью обжалования принятых судебных решений в порядке апелляции, кассации и надзора.

Проверка обоснованности выдачи по запросам Российской Федерации производится при судебном санкционировании по избранию меры пресечения в отношении скрывшегося лица в порядке ст. 108 УПК РФ. Соответственно предварительное следствие информационно обеспечивает суд необходимыми для проверки сведениями. И если организация предварительного расследования предусматривает участие защитника, заявление и разрешение ходатайств, предоставление доказательств и другие гарантии, то с процедурой выдачи в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства дело обстоит совершенно иначе.

Недостатки процессуального статуса субъекта выдачи и отсутствие возможности в полной мере реализовать право на защиту, обусловлены не столько локальными пробелами в правовом регулировании, сколько отсутствием четкого представления о роли суда в проверке законности решений, разрешающих выдачу. Важную роль в понимании предназначения суда в данной процедуре является дискуссия о типологии или форме российского уголовного судопроизводства. Классификация выделяет состязательный, розыскной и смешанный типы, при этом, большинство стран континентальной системы права

---

¹ приводится дифференциация самостоятельных форм судебного контроля в качестве особой формы осуществления правосудия в судах общей юрисдикции. См.: Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы. Указ. соч. С. 18, 19.

придерживаются смешанных форм, в которых признаки состязательного процесса и отдельные его элементы прослеживаются в конкретных формах судопроизводства и имеют доминирующее значение в настоящее время¹.

Форма уголовного судопроизводства, сложившаяся в советский период, исключала правовую неопределенность в роли суда и не ставила под сомнение состязательность советского уголовного судопроизводства, присущую ему только на судебных стадиях, как и само понятие состязательности в привычной форме отсутствовало до введения суда присяжных². Изменения, последовавшие после реформы системы российского уголовного судопроизводства несколько отошли от принципа конкретики в определении функций участников (разделение процессуальных функций сторон в процессе), иначе изложив роль следователя и суда, которые стали совмещать в себе несколько процессуальных обязанностей. Так, суд помимо функции правосудия получил судебный контроль (включающий судебное санкционирование), а следователь из фигуры стороны обвинения обрел неопределенный статус с признаками арбитра на досудебном производстве. Как верно отметил И.Л. Честнов, усложнение системы (в том числе политико-правовой), всегда сопровождается увеличением ее нестабильности и неравновесности, которые выступают показателями снижения рациональности, если не полное ее отсутствие³.

«Понимание формы уголовного процесса – пишет А.А. Давлетов – сводится в том числе, к вопросу о типе или модели уголовного судопроизводства»⁴. Водораздел между двумя типами уголовного процесса – розыскным и состязательным проходит через уголовно-процессуальные функции. В состязательной форме действует принцип «один субъект – одна функция», при котором уголовное преследование, защита и разрешение дела разделены и персонифицированы. В розыскном процессе один субъект (орган государства)

---

¹ См.: Смирнов А.В. Модели уголовного процесса / Монография. СПб.: «Наука», ООО «Издательство «Альфа», 2000. С. 133.

² Закон Российской Федерации от 16 июля 1993 г. № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33, ст. 1313.

³ См.: Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Указ. соч. С. 50.

⁴ Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство в Российской Федерации. Указ. соч. С. 31.

наделен двумя, а то и тремя функциями¹. Когда речь ведется о правосудии в советском и позднем советском представлениях, какие-либо сомнения о форме организации судопроизводства отсутствуют. Оно является розыскным на стадии досудебного производства и состязательным на стадии судебного производства. А.В. Смирнов отмечает, что розыскные и состязательные элементы не могут сочетаться в публичном уголовном процессе в рамках одной и той же процедуры, так как это и означало бы смешение функций².

С момента возложения на суд функции судебного контроля было озвучено множество мнений по поводу его правой природы и соотношения с функцией правосудия. Различными юристами судебный контроль трактовался как особый вид правосудия, осуществляемый на стадии предварительного расследования³, как иная функция судебной власти, не связанная с отправлением правосудия, поскольку не разрешается главный вопрос о виновности или невиновности^{4,5}, как административная деятельность суда, не связанная с его полномочиями по осуществлению уголовного правосудия⁶. Несмотря на некоторые достаточно спорные точки зрения о том, что «любая процессуальная деятельность суда (судьи), связанная с производством по уголовным делам, причем на любой стадии, есть не что иное, как правосудие»⁷. Подавляющая часть ученых приводит убедительные аргументы, которые разграничивают между собой деятельность суда по отправлению правосудия и полномочия по осуществлению судебного контроля, обоснованно полагая, что задачей процессуальных действий суда на досудебных стадиях является подтвердить юридическую силу собранных

---

¹ См.: Там же. С. 32.

² См.: Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. Указ. соч. С. 50.

³ См.: Лебедев В.М. Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии: учеб. Пособие / Российской Академии Правосудия. М., 2001. С. 8.

⁴ См.: Зинагуллин З.З., Зезянов В.В. Судебная власть и правосудие по уголовным делам: соотношение с судебным контролем // Российский судья. 2005. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Э.А. Адильшайев рассматривает судебный контроль в качестве особой формы осуществления правосудия. См.: Адильшайев Э.А. Указ. соч. С. 9.

⁶ См.: Радченко В. Постановление судьи по результатам проверки законности и обоснованности ареста и продления срока содержания под стражей // Российская юстиция. 1999. №1. С. 22.

⁷ См.: Бозров В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики). Екатеринбург. 1999. С. 18.

доказательств и не допустить нарушения прав и законных интересов участников¹. Одновременно присущие правосудию требования объективности, беспристрастности и полноты исследования обстоятельств дела не утрачиваются, а определенным образом экстраполируются в контрольные функции, за исключением тех аспектов, которые имеют отношение к рассмотрению дел по существу и установлению вины.

Можно сделать вывод, что судебный контроль в экстрадиционной сфере представляет собой систему осуществляемых в строгой процессуальной форме действий и решений суда по предупреждению незаконного нарушения или ограничения прав участников – обвиняемых, подлежащих выдаче по запросам правоохранительных органов Российской Федерации и запрашиваемых лиц по требованиям правоохранительных органов иностранных государств. Правовую основу такого контроля составляют положения уголовно-процессуального закона во взаимосвязи с принципами и нормами международного права, анализируя которые, суд, как предполагается, должен руководствоваться гуманистическими началами, отталкиваясь от «презумпции невыдачи»².

Основная сфера судебного контроля – это разрешение вопросов, связанных с избранием и продлением мер пресечения, где преобладают требования проверки судом обоснованности заключения под стражу (судебное санкционирование). Однако возможности суда реализовать свои функции по проверке законности и обоснованности экстрадиционных действий государственных органов в пределах полномочий, которые суду предоставлены в рамках судебного контроля в данной области уголовного судопроизводства, значительно ограничены. При реализации любой формы судебного контроля встает проблема определения уголовно-процессуальных категорий «предмет судебного контроля» и «пределы судебного контроля»³. *Центральный вопрос* состоит в том, что именно должен (имеет право)

---

¹ См.: Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России // Омск: Омский госуниверситет, 2004. С. 160.

² См.: Решетнева Т.В., Тензина Е.Ф. Выдача лиц для уголовного преследования в контексте гуманистических основ уголовно-процессуального и международно-правового регулирования // Вестник Удмуртского университета 2016. Т. 26. вып. 1 Экономика и право. С. 119.

³ См.: Бравилова Е.А. Предмет и пределы судебного контроля за действиями и решениями следователя (дознателя) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4(38). С. 137.

проверить суд и насколько глубоко суд имеет право исследовать фактические обстоятельства дела для проверки законности действий по ограничению конституционных прав.

Наиболее острой является проблема ограничения суда в возможности обеспечения необходимой «глубины проверки»¹ обоснованности требований стороны обвинения о выдаче, где инициатором выдачи обвиняемых выступает следователь, а иностранных граждан и лиц без гражданства – прокурор. Во втором случае допустимые пределы судебного контроля, помимо того, что и так являются минимальными, сводятся к формальной проверке соблюдения процедуры, констатации наличия необходимых документов и их соответствия требованиям УПК РФ. Причиной отличия в процессуальном статусе запрашиваемых к выдаче лиц стало нетождественное правовое положение участников (субъектов выдачи) и различные по своей природе и содержанию процедуры. Так, проверка судом обоснованности выдачи обвиняемых, скрывшихся или находящихся на территории иностранного государства, хоть и не выделена в отдельную процедуру, но имеет свое место в системе норм УПК РФ, регулирующих процесс предварительного расследования и разъяснений высших судов, в соответствии с которыми, одним из неперенных требований является установление судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Однако содержание этого положения требует более детального рассмотрения, поскольку оно связано с пониманием *стандартов доказывания*, которые определяют границы, глубину судебного контроля, следовательно, и объем сведений, которые имеет право исследовать суд.

В постановлении от 22 марта 2018 г. по делу «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина», Конституционный Суд РФ дал разъяснение требованию о предоставлении материалов, обосновывающих ходатайство (в подтверждение

---

¹ См.: Шадрин Е.Г. К вопросу о необходимости расширения допустимых пределов судебного контроля (на примере избрания меры пресечения в виде заключения под стражу) // Российский судья. 2018. № 5. С. 41.

обоснованности причастности – прим. автора), которое означает «обязанность представить достаточные, убедительные *prima facie* (на первый взгляд) доказательства в обоснование допустимости избрания заключения под стражу (продления срока содержания под стражей), подтверждающие наличие события преступления, его квалификацию, причастность подозреваемого, обвиняемого к его совершению...»¹.

Как справедливо отметили А.А. Давлетов А.А. и Н.В. Азаренок², эта правовая позиция, несмотря на свою значимость, не получила повсеместного применения и сохранилась практика формального подхода по проверке ходатайств следствия, применительно к его содержательной части. Авторы полагают, что суд получит возможность полноценной проверки ходатайства лишь в том случае, если будет располагать всем объемом доказательственного материала, который имеется в уголовном деле и лежит в основе такого ходатайства. Проверка обоснованности квалификации требует куда большей *глубины* проверки материалов дела, нежели обоснованности причастности, поскольку фактические данные, обосновывающие квалификацию, значительно выходят за рамки условий избрания меры пресечения, которые законодатель привел в ст. 97 УПК РФ. Проверка правильности квалификации является обстоятельством, непосредственно связанным с соблюдением правила двойного вменения, поскольку соотношение уголовно-наказуемых деяний по законодательству Российской Федерации и иностранного государства должно *ipso facto* производиться по обвинению в окончательной квалификации действий выдаваемого лица, когда в досудебном производстве отработаны все версии, прекращены попытки максимально увеличить объем обвинения и вменить наиболее тяжкое деяние из возможных.

Расширить глубину судебного контроля без ущерба для тайны предварительного следствия А.А. Давлетов и Н.В. Азаренок предлагают за счет весьма спорного способа – разделения материалов, представляемых следствием

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 14. Ст. 2027.

² Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Поворот в практике избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения? // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 59

суду на две группы: «открытого» и «закрытого» доступа. При таком порядке с первым объемом будут вправе знакомиться все участники уголовного судопроизводства, тогда как со вторым только судья и прокурор¹. Несмотря на то, что такое предложение является дискуссионным и явно ставит под сомнение конституционный принцип состязательности с явным ограничением стороны защиты и придания преимущества противной стороне, нельзя не отметить перспективную попытку отойти от полностью розыскной модели путем увеличения роли суда, в то время как одним из важнейших пробелов действующего уголовно-процессуального законодательства является отсутствие определения допустимых пределов судебного контроля².

Одной из устоявшихся догм является постулат о том, что вся деятельность суда сводится только к отправлению правосудия, то есть рассмотрению дел с финальной оценкой фактических обстоятельств дела в совещательной комнате с вынесением итогового решения. Иная деятельность суда, как полагается, имеет вспомогательное значение и категорически не должна касаться вопросов доказанности и квалификации деяния. К сожалению, такое мнение продолжает доминировать как в теории, так и в практике, несмотря на то, что постправовые идеи, стремящиеся преодолеть навязанные прошлым бинарные оппозиции³ уже проникли в ежедневную правотворческую деятельность, а такое явление как «предварительная доказанность» фактических обстоятельств дела применяется на практике даже теми практикующими юристами, кто данный факт отрицают. Повышение гарантий личной безопасности лица, в отношении которого производится уголовное преследование, в свете последних изменений уголовно-процессуального закона исключает произвольное применение в отношении него

---

¹ См.: Там же. С. 60.

² См.: Шадрин Е.Г. Указ. соч. С. 41.

³ в данном случае предпринимается попытка разбора оппозиции в виде представленной бинарной конструкции «недоказанность – доказанность», фактически формулирующий логоцентрический запрет для суда на высказывание суждений относительно анализа и оценки доказательств до наступления определенного процессуального события, а нарушение этого запрета обесценивает всю деятельность, которая ему предшествовала. Данный запрет в совокупности с конституционным принципом презумпции невиновности распространяет и придает первому (левому) понятию (недоказанность) иерархическое превосходство над правым (доказанность), что и составляет «самую суть логоцентризма с его всепоглощающим интересом к рациональности, логике и поиску истины», поскольку приведенная конструкция представляет собой пример разрыва содержания обозначающего и обозначаемого, поскольку в ряде случаев суд вынужден высказывать такие суждения в силу обычной практики. См. Серль Дж. Р. Перевернутое слово // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 58-69

мер процессуального принуждения без учета некоторого объема установления фактических обстоятельств и доказанности его причастности.

Отечественное уголовное судопроизводство в последние годы стало обращаться к предварительной оценке фактических обстоятельств, поскольку попытки ответить на некоторые спорные положения путем применения правила *prima facie*¹ были предприняты в отдельных решениях ЕСПЧ.

Такие типы уголовного судопроизводства как обвинительный и состязательный процессы, практикующиеся в государствах с системой общего права, предполагают иные правила оценки доказательств, включающие представления о стандартах доказывания. В уголовном судопроизводстве Российской Империи, как писал Л.Я. Таубер, «предоставление доказательств *prima facie* необходимо лишь для начала уголовного преследования, когда органу государственного обвинения надлежит представить доказательства, убедительные на первый взгляд»². Однако это относилось к многочисленной категории дел, носивших исковую форму. Тем самым, стандарты доказывания имеют большее отношение к исковому процессу, когда стороны обладают различными возможностями в предоставлении доказательств. И если отечественный гражданский процесс решает проблему диспропорции в наделении сторон правом обратиться в суд с ходатайством об оказании содействия в истребовании доказательств, то система общего права, ограничивающая роль суда в статусе арбитра, не наделенного полномочиями субъекта доказывания, использует систему стандартов доказывания.

Современное российское уголовное судопроизводство (как и дореволюционное) представляет собой рационально-смешанный тип, который осуществляется по правилам следственного (инквизиционного) процесса в досудебном производстве и состязательным и открытым судебным процессом,

---

¹ данный термин в решениях ЕСПЧ применяется не только в качестве стандарта доказывания, но и в качестве установления фактических обстоятельств, не опровергнутых противной стороной. Например, по делу «Тершана против Албании (Tershana v. Albania)» *prima facie* обосновывалась общая ситуация в государстве-ответчике, которая способствовала осуществлению актов насилия в отношении неопределенного круга женщин. См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 4 августа 2020 г. «Дело “Тершана (Tershana) против Албании”» (жалоба № 48756/14) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Таубер Л.Я. Иск, обвинение и состязательное начало // Вестник гражданского права. 1917. № 2. С. 93, № 1. С. 70.

основанным на свободной оценке доказательств¹. Соответственно, права стороны защиты, существенно ограниченной в доказывании, компенсируются, с одной стороны высокими требованиями по собиранию доказательств на досудебной стадии производства, с другой стороны возможностью оспорить доказательства противной стороны при возложении на обвинение бремени доказывания вины. В вопросах судебного контроля (санкционирования) по применению мер пресечения (ст. 108 УПК РФ), ограничения конституционных прав участников (ст. 165 УПК РФ), ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ), правовые позиции высших судов допускают пониженный стандарт доказывания, который применяется в том случае, если судья осознает, что доказательственные возможности обремененной стороны ограничены, при этом оппонент имеет широкий доступ к доказательствам, которые могли бы опровергнуть утверждения обремененной стороны². Факты, обосновывающие подозрение при применении ареста (и ограничение других конституционных прав – прим автора), не обязательно должны обладать той же степенью убедительности, как и те, которые необходимы для предъявления обвинения – следующего этапа в процессе следствия по уголовному делу³. По той же логике осуществляется производство следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан,⁴ когда суд, по каждому поступившему ходатайству, обязан проверять материалы, подтверждающие наличие оснований для производства следственного действия, например, обыска. Данное разъяснение существенным образом повлияло на обычную (формально соглашательскую) следственную и судебную практику, когда проверялось лишь наличие формальных оснований. Например, рапорта оперативного сотрудника, который ссылался на наличие оперативной

---

¹ См.: Ищенко П.П., Ищенко Е.П. Ключевые проблемы уголовного судопроизводства // Lex russica. 2016. № 9. С. 236.

² См.: Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2019. № 5. Специальный выпуск. С. 56.

³ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2005 г. № 330-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01 июня 2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Рос. газета. 2017. 09 июня.

информации. Таким образом, правовые позиции одновременно предъявляют обязательное требование по предоставлению некоторого объема обосновывающих доказательств, с другой определяют этот стандарт как минимальный (пониженный).

Разделение по принципу убедительности доказательств лишь на первый взгляд вызывает сомнения относительно запрета придавать доказательствам заранее установленную силу. Нельзя не признать, что каждое доказательство обладает различными характеристиками и свойствами, в том числе «чистотой», которая может определяться степенью соблюдения процессуальных требований при получении доказательства: от полного соблюдения до нарушения простого или существенного. Стандарты доказывания не являются по своей природе предварительной оценкой виновности, как таковой. Они инкорпорированы из гражданского искового процесса, представление о них имеет отношение к установлению фактов, а не виновности, предполагающей итоговую оценку тех обстоятельств, которые не могут разрешаться никак кроме как на основании итогового анализа. В этой связи отличающиеся представления о стандартах доказывания, которые варьируются в различных исследованиях от «на первый взгляд» (*prima facie*) до «вне разумных сомнений»¹, констатируют фактическое наличие таких явлений не только в теоретических разработках, но и в практической деятельности судов, в особенности, в области судебного контроля.

А.Г. Карапетов и А.С. Косарев, раскрывая систему стандартов доказывания, считают пониженный стандарт приемлемым при установлении в суде фактических оснований для принятия таких мер обеспечения иска, как арест имущества должника, если для суда очевидно, что ошибочное непринятие требуемой меры порождает, куда большие риски и издержки, чем ошибочное ее принятие². Указанные авторы описывают различные стандарты доказывания наглядно и условно используют цифровые значения, где стандарт *prima facie* – наиболее низкий, может быть приравнен к субъективной уверенности в диапазоне

---

¹ См.: Никонов М.А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ // Уголовный процесс. 2014. № 4. С. 52.

² Карапетов А.Г., Косарев А.С. Указ. соч. С. 53.

– 20-40%, «баланс вероятностей» – 40-60%, «ясные и убедительные доказательства» – 60-80%, «вне разумных сомнений» – 80-95%¹. Разделение по стандартам доказанности характерно почти для всех видов требований, отличающихся лишь степенью надежности предоставляемых сведений: для заключения под стражу необходимы убедительные доказательства причастности к совершенному преступлению, а для получения разрешения на производство обыска, необходимо обосновать вероятность нахождения у субъекта искомых предметов.

Практическая деятельность судов складывается таким образом, что предоставление доказательств *prima facie* необходимо в любом случае, иначе требование об ограничении конституционных прав будет считаться необоснованным, следовательно, вынесенное на основании такого ходатайства положительное судебное решение будет считаться незаконным.

Необходимость отхождения от запрета применения стандартов доказывания разделяет ряд авторов. М.А. Никонов приводит аргументацию о необоснованности запрета на вхождение в обсуждение вопроса о доказанности обоснованного подозрения. Как полагает автор, абсолютный запрет на вхождение в обсуждение вопроса о виновности либо невиновности, несмотря на то, что имеет своим назначением установление дополнительных гарантий, не должен допускать использование этих положений в ущерб стороне защиты, не должен блокировать возможность защите оспорить доказательства *prima facie*, представить свои доказательства, а также высказать в суде позицию относительно обоснованности подозрения в совершении преступления². Данная позиция, несмотря на то, что балансирует на грани нарушения запрета оценки доказательств в досудебных производствах, вполне обосновывается позициями высших судов³.

---

¹ См.: Там же. С. 59.

² См.: Никонов М.А. Указ. соч. С. 52, 53

³ правовая позиция Конституционного Суда РФ звучит следующим образом: в системе норм уголовно-процессуального закона, регулирующих избрание меры пресечения в отношении подозреваемого, и не содержит положений, препятствующих подозреваемому и его защитнику высказывать в судебном заседании свою позицию относительно обоснованности подозрения в совершении преступления, законности и обоснованности избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу. См.: Определение Конституционного Суда Российской

Компенсировать такой риск формирования позиции судьи по делу, где он связывает себя ранее высказанными суждениями, предлагается по-разному, чаще всего путем исключения его дальнейшего участия в этом деле. Как высказался по этому поводу Л.Я. Таубер, приоритетным является правило *nemo iudex in propria causa* (никто не судья в собственном деле). Автор полагал, что состязательный процесс требует исключить из оценки доказательств суд, если он прямо или косвенно принимал участие в розыскных действиях, в то время как истинная природа состязательного процесса «состоит в отделении власти обвинительной от власти судебной»¹.

Необходимо отметить, что некоторые авторские позиции по поводу роли суда в процессе рассмотрения ходатайств о выдаче не вполне соответствуют требованиям о состязательном процессе. Р.Г. Ляtifов полагает, что «оптимизации процесса избрания меры пресечения в отношении запрашиваемого к выдаче лица, будет способствовать последовательное осуществление прокурором и судом этапов правоприменительной деятельности в виде собирания прокурором сведений и изучение обстоятельств с последующим принятием судом решения по результатам рассмотрения материалов производства»². При этом автор делает акцент именно на оптимизации процедуры, без учета разделения функций данных участников, последовательно помещая обвинение и суд в звенья одной цепи. Возможно, такая позиция обусловлена тем, что практика установления судами предварительных фактов и обоснованности причастности применима для всех процессуальных форм судебного контроля (санкционирования), за исключением одного – выдачи иностранных граждан и лиц без гражданства по запросам иностранных государств. Главный запретительный контраргумент состоит в том, что, давая оценку обоснованности причастности лица к инкриминируемому деянию, отечественный правоприменитель посягает на суверенитет иностранного государства, поскольку

Федерации от 12 июля 2005 г. № 330-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина... Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ См.: Таубер Л.Я. Указ. соч. С. 70.

² Ляtifов Р.Г. Указ. соч. С. 12-13.

только инициатор выдачи, в производстве которого находится уголовное дело, имеет право делать выводы о доказанности и причастности.

Не лучшим образом обстоят дела и с проверкой обоснованности причастности запрашиваемых лиц к выдаче лиц российскими правоохранительными органами. Так, по действующему закону в компетентные органы иностранного государства не представляются доказательства причастности запрашиваемого к выдаче лица к инкриминируемому ему деянию, даже в том случае, если такие требования устанавливает выдающее государство. Как справедливо отметил К.К. Клевцов, в УПК РФ отсутствует норма, которая бы регулировала вопрос о том, кто именно из правоохранительных органов Российской Федерации должен составлять запрос о выдаче, и порядок направления его Генеральному прокурору РФ¹.

Не требуется и заключение российского судебного органа о законности выдачи и обоснованности причастности. Данное правило сформулировано в виде запрета, которому, как пишет И.А. Насонова, характерны *общеобязательность и формальная определенность*², то есть действие этого запрета нельзя признать «стихийным», поскольку он является неотъемлемой частью экстрадиционной теории и практики. Соответственно, в своей просьбе российские обвинители фактически обращаются к компетентным органам иностранного государства (во многих случаях в иностранный суд), минуя процедуру судебной проверки всех необходимых обстоятельств, которые бы способствовали успешной выдаче.

Истоки правила *запрета на расследование* находится в сфере обеспечения «государственного территориального верховенства, в соответствии с которым в пределах каждого государства должна господствовать единая и самостоятельная карательная власть, которой обязаны подчиняться все лица, находящиеся на его территории»³. Производным от этого постулата является правило *forum delicti commissi* – преследование и наказание преступников исключительно

---

¹ Клевцов К.К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации. Указ. соч. С. 76.

² Насонова И.А. Халимоненко С.С. Запрет в уголовно-процессуальном праве России. Указ. соч. С. 12.

³ См.: Марченко А.В. Проблемы развития и становления института выдачи (экстрадиции) в России: историко-правовой аспект // Российская юстиция. 2010. № 6. С. 52.

компетентным судом места совершения преступления. В некоторых случаях такой запрет, который в первую очередь обращен к государственным органам и должностным лицам¹, носит категорический тон и отстаивается спорное суждение о том, что для компетентных органов, достаточно лишь утверждения запрашивающей стороны о факте совершения задержанным лицом экстрадиционного преступления. Такой позиции придерживается А.Е. Косарева, утверждающая, что в предоставлении «достоверных данных об обстоятельствах совершения экстрадиционного преступления на территории иностранного государства, выдающая сторона не нуждается, т.к. самостоятельно по данному факту предварительное расследование не производит и судебное разбирательство по существу предъявленного обвинения не осуществляет»². В данном исследовании автор не берется судить по поводу того, как такие тезисы соотносятся с институтом защиты прав, принципом диспозитивности в выборе средств защиты, с действующей теорией, практикой и духом уголовно-процессуального закона. Однако следует отметить, что от российских властей иностранные государства с развитым институтом выдачи всегда требуют доказательств причастности к преступлению³. К таким относятся не только страны системы общего права, но и континентального права в зависимости от национальных особенностей. Необходимо отграничивать правоохранительную и судебную сферы формирования таких требований, где в судебной плоскости вопрос обоснованности стоит более остро.

И.С. Дикарев в своем исследовании не видит препятствий к осуществлению доказывания, приводя суждения о назначении судебного контроля и соотношении

---

¹ См.: Насонова И.А. Халимоненко С.С. Указ. Соч. 38.

² См.: Косарева А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве. Указ. соч. С. 9.

³ прим. английская форма уголовного судопроизводства оперирует формальными доказательствами, являющимися первоначальным продуктом не розыскного, а состязательного обвинительного судопроизводства, а судопроизводству присуща форма обвинительного и частно-искового процессов. См.: Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. С. 147. Соответственно любое ограничение права на свободу, подлежащее судебному рассмотрению, предполагает такую возможность только при наличии обоснованных требований истца, предъявляющего обвинение в суде. Такая конструкция требует предоставления убедительных доказательств виновности, соответственно каждое экстрадиционное дело рассматривается в судебном состязательном порядке по правилу: «действие государства, заключающееся в передаче какого-либо лица правительству другого государства для того, чтобы это лицо было судимо его судом или чтобы оно отбыло наказание, к которому оно было приговорено». См.: Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 589

его с отправлением правосудия, делая акцент на взаимосвязи конституционных принципов, положений уголовно-процессуального закона, практики высших судов. Данный автор приходит к выводу, что ни сущность разрешаемых судом вопросов, ни процессуальная форма их разрешения не являются критериями, которые могут быть положены в основу разграничения правосудия и судебного контроля. Поскольку суд в уголовном процессе реализует единственную функцию – осуществление правосудия, которая охватывает собой не только деятельность, направленную на разрешение уголовных дел по существу, но и контрольную деятельность¹. Представляется, что такие суждения являются излишне категоричными, и способны стереть разумную грань между судебным контролем и судебным разбирательством дела по существу. Однако ценность приведенного исследования представляется в том, что автор считает необходимым отказаться от догматического запрета обсуждения вопросов доказанности, принимающих порой абсурдный характер, и признать, что обоснование доказанности некоторых фактов ориентировано в первую очередь на защиту прав лица от необоснованного ограничения прав.

Постановка вопросов доказанности в рамках пониженного стандарта на стадиях судебного контроля является необходимостью, поскольку только при анализе фактических обстоятельств, связанных с причастностью к преступлению, можно установить, соответствуют ли требования правилам выдачи. Если же правомочия суда по проверке обоснованности выдачи ограничиваются оценкой формального соблюдения требований, то такая процедура противоречит самому назначению уголовного судопроизводства и прав автор, указавший, что признание судебного контроля не правосудием, а иной судебной деятельностью влечет вывод о том, что решения суда, вынесенные на стадиях судебного контроля – являются неправосудными².

Таким образом, в экстрадиции сохраняется запрет обсуждения тех обстоятельств, где констатация доказанности пересекается с суверенным правом

---

¹ Дикарев И.С. Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе: соотношение понятий // Государство и право. 2008. № 2. С. 47.

² См.: Там же. С. 50.

другого государства на уголовное преследование. Это правило продолжает быть непреложным, даже при полнейшей его нелогичности, различающейся практике государств – участников экстрадиционных правоотношений, ограничивает права участников уголовного судопроизводства.

Д.С. Штоль полагает, что «права участников были существенно расширены новым УПК РФ, как основанные на принципах состязательности и равноправия сторон»¹, однако представляется что в вопросах выдачи, с учетом действующей модели уголовного судопроизводства, аспект диспозитивности прав участников остался непроработанным и в экстрадиционных правоотношениях возможности ряда участников существенно ограничены, несмотря на то, что назначение уголовно-процессуальной защиты ориентировано на отстаивание прав и законных интересов всех лиц, вовлеченных в орбиту уголовно-процессуальной деятельности².

Смысл диспозитивности для целей настоящего исследования состоит в том, что участниками экстрадиционных процедур, которые вправе реализовать свой юридический интерес выступают не только запрашиваемое к выдаче лицо и представители государственных органов, но и иные участники, которые фактически из процедуры исключены, например, потерпевший, гражданский истец, иное заинтересованное лицо, а также следователь. По смыслу закона такие лица, отстаивающие в деле свой личный, защищаемый или представляемый интерес, должны иметь возможность распоряжаться предметом уголовного процесса, а также пользоваться в целях защиты отстаиваемых интересов процессуальными правами, реализация которых оказывает значительное влияние на производство по делу³.

И.С. Дикарев к характерным чертам такой диспозитивности относит: право считаться диспозитивным только в том случае, если ему соответствует

---

¹ См.: Штоль Д.С. Диспозитивность и ее отдельные проявления в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. 2009. С. 3, 10.

² См.: Общие условия осуществления защиты в уголовном судопроизводстве России: учебное пособие / И.А. Насонова, А.А. Насонов; Воронежский институт МВД России. Воронеж: Воронежский ин-т МВД России, 2022. С. 23.

³ Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: автореферат дис. кан. юрид. наук. Волгоградский государственный университет, Волгоград, 2004. С. 7.

безусловная обязанность должностного лица совершить определенные действия или воздержаться от их совершения; диспозитивные права реализуются в целях защиты отстаиваемых участниками уголовного процесса личных, защищаемых или представляемых интересов; к диспозитивным относятся только те права, реализация которых оказывает значительное влияние на производство по уголовному делу¹. Ограничение прав участников выдачи проявляется не только в том, что полномочия всех представителей выдающей стороны «купированы» правилом запрета на расследование, но и невозможностью оспорить действия прокурора при направлении запроса в выдаче; опротестовать его содержание; потерпевший, заинтересованные лица, представители иностранных правоохранительных органов и т.д. не вправе выступать в качестве участника экстрадиционных правоотношений и т.д.

Несмотря на множество изменений, которые вносятся ежегодно в УПК РФ, выдача, по эффективности правового регулирования, продолжает находиться в том виде, в каком она была сформулирована при введении в действие УПК РФ. Представляется, что залогом успешности экстрадиционного взаимодействия является взвешенный подход к законодательству о выдаче обоих государств, при понимании особенностей и правовых традиций государства-контрагента, исключив использование «принципа тарана» в отстаивании приоритета отечественных юридических традиций. В особенности это относится к государствам, в которых отсутствует разделение права на частное и публичное (англо-американская система), и выдача производится на основании судебных процессуальных действий.

Представляется, что результат должен быть достигнут в итоге изменений уголовно-процессуального закона и представлен в виде эффективного и реально действующего уголовно-процессуального механизма, обеспечивающего конституционные права, свободы и законные интересы граждан, справедливое разрешение спора, оптимальное достижение цели уголовного процесса и решение

---

¹ См.: Там же. С. 7, 9.

его задач¹. Соответственно, заданный ранее и получивший развитие вектор осуществления выдачи в Российской Федерации в рамках розыскной административной процедуры (по запросам иностранных государств), проводимой по упрощенным правилам, необходимо расширить благодаря диспозитивности и состязательности, а также обеспечить законность «презумпцией невыдачи», что может быть достигнуто только путем корректировки существующей в законе процедуры судебного контроля. Кроме того, законной будет являться только та выдача, которая состоялась на основании судебного решения, являющегося процессуальным результатом судебного контроля, в виде общеобязательного, законного, обоснованного и справедливого судебного акта, обеспеченного принудительной силой государства, который вполне может рассматриваться как акт правосудия².

Дополнительным аргументом к введению обязательной процедуры судебного контроля является фактическое положение лица, в отношении которого запрашивается выдача, как правило содержащегося под стражей. Находясь в состоянии «несвободы», для такого лица, как пишет И.А. Насонова, «характерно действие неблагоприятных психолого-физиологических факторов, подавленное и угнетенное состояние, влияющее на возможности надлежащей подготовки к защите»³. Представляется что в условиях содержания под стражей возможности лица в обжаловании принятого в отношении него, в административном порядке решения о выдаче, являются ограниченными, а обязательная судебная процедура обеспечит проверку каждого такого решения, независимо от воли субъекта выдачи.

Судебный контроль в существующем виде, лишь условно способен обеспечить законность при экстрадиции, поскольку судебные акты при их оценке

---

¹ См.: Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном процессе: понятие, виды, сущность и содержание. Указ. соч. С. 119.

² См.: Там же. С. 123.

³ И.А. Насонова, Ю.К. Владимирова. Обеспечение уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 17.

всегда противопоставляются актам правосудия и, несмотря на обязательность, носят вспомогательное значение¹.

Введением обязательной судебной процедуры будет достигнуто главное условие – преодоление формального подхода к ограничению прав лиц, подвергаемых выдаче, при проверке обоснованности такой процедуры, которая имеет гуманистическую основу, заложенную как в соответствующих нормах национального законодательства, так и в международно-правовых актах, при этом не будет поставлено под сомнение соблюдение принципа неотвратимости наказания.

§ 3. Практико-правовые проблемы выдачи

И.А. Насонова справедливо отмечает, что «неудовлетворительное состояние регламентации насущных вопросов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства выражается либо в полном отсутствии их урегулирования нормами УПК РФ, либо активной отсылке законодателя при освещении тех или иных проблем к международным договорам»². В период рассмотрения жалоб на действия российских властей³, ЕСПЧ, как правило, констатировал нарушение ст. 5 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в части ограничения права на безотлагательную судебную проверку законности лишения свободы для целей выдачи⁴. При этом Европейский суд критически оценивал российское внутригосударственное регулирование выдачи, которое считал неэффективным. С такими замечаниями можно согласиться лишь отчасти и в том, что при судебной проверке законности заключения под стражу для целей экстрадиции, возможности российского суда

¹ См.: Азаров В.А., Таричко И.Ю. Указ. соч. С. 136.

² Насонова И.А., Халимоненко С.С., Проблемы совершенствования запретов в международном сотрудничестве по уголовно-процессуальным вопросам // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 3(62). С. 86.

³ в соответствии с резолюцией Комитета министров от 16 марта 2022 г. прекращено членство Российской Федерации в совете Европы, а также прекращено рассмотрение жалоб против Российской Федерации в ЕСПЧ. См.: Resolution CM/Res(2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe // [Электронный ресурс] URL: <https://tm.coe.int/0900001680a5da51> (дата обращения: 06.06.2022)

⁴ См.: постановления ЕСПЧ: Муминов против Российской Федерации (жалоба № 42502/06, 11 декабря 2008 г.), Насруллоев против Российской Федерации (жалоба № 656/06, 11 октября 2007 г., Буторин против Российской Федерации (жалоба № 46637/09 от 06 февраля 2018 г.) и др.

значительным образом ограничены в условиях требования безотлагательности принятия решения по мере пресечения.

Основную проблему в данной сфере П.А. Смирнов обозначил как «статусную», в основе которой лежит вопрос о том, какими правами и обязанностями наделяется лицо, задержанное правоохранительными органами запрашивающего государства в целях исполнения запроса о выдаче¹. Представляется, что неопределенность процессуального статуса распространяется и на лицо, в отношении которого реализуется запрос о выдаче российских правоохранительных органов, поскольку УПК РФ не предусматривает «дополнительных гарантий, например, право на обжалование требования (запроса) о выдаче для обвиняемых и подсудимых»².

Попытки решить «статусную» проблему предпринимались на протяжении многих лет, в том числе за счет принятия специального закона³. Процессуальный статус запрошенного к выдаче лица надлежащим образом был оформлен только с принятием правовой позиции Верховного Суда РФ постановлением Пленума № 11 от 14 июня 2011 г. Однако законодательного закрепления данные нормы, применяемые в судебной практике, не получили, в том числе, на уровне законодательной инициативы внесения изменений в УПК РФ по вопросам выдачи⁴. Тем самым – как отмечает И.А. Насонова, «запрашиваемое к выдаче лицо, хотя официально законодателем не признано участником уголовного судопроизводства, фактически таковым является»⁵.

Представляется, что в основные инициативы в решении проблем выдачи сгруппированы в области нормативного закрепления равных процессуальных прав запрашиваемых лиц с обвиняемыми и подсудимыми, применение альтернативных мер пресечения в противовес содержанию под стражей и обжалование таких решений, поскольку отсутствие соответствующих положений

---

¹ См.: Смирнов П.А. Проблемы процессуально-правового положения лица в рамках экстрадиционных правоотношений // Пробелы в российском законодательстве. № 1. 2017. С. 32.

² Баренбойм П.Д. Экстрадиция без защиты // Право и экономика. 2017. № 1. С. 64.

³ См.: Бойцов А.И. Указ. соч. С. 25.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части совершенствования процедуры выдачи ... URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/67509-7> (дата обращения: 12.10.2020).

⁵ И.А. Насонова, Ю.К. Владимирова. Обеспечение уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей... Указ. соч. С. 39.

в уголовно-процессуальном законе является основным предметом критики, а также причиной судебных ошибок. Однако эти меры призваны лишь формально решить существующую «статусную» проблему, внешняя сторона которой заключается в несовпадении процессуального статуса запрашиваемого лица с процессуальным статусом российского подозреваемого (обвиняемого)¹. ЕСПЧ по этому поводу отмечал, что «положения внутригосударственного права УПК РФ, регулирующие содержание под стражей лиц с целью выдачи, не являются ни точными, ни позволяющими предвидеть последствия их применения и не отвечают стандарту «качества закона», требуемому Конвенцией о защите прав человека и основных свобод»². Соответственно, законопроект формулировал основную проблему в виде ограничения права на свободу и уточнял основания для отказа в выдаче теми положениями, которые ранее являлись составной частью некоторых двусторонних международных договоров (например, отказ в выдаче по причине преклонного возраста и состояния здоровья³).

В то же время, без внимания остаются такие проблемы правового регулирования выдачи, как отсутствие нормативного закрепления объявления в международный розыск, соблюдения интересов потерпевших и иных заинтересованных лиц при выдаче, других процессуальных проблем, условно объединенных по принципу ограниченной диспозитивности в выборе средств защиты, восполняемой (как правило недостаточно эффективно) с помощью обжалования в суд действий органов государственной власти в порядке гл. 16 УПК РФ⁴.

В то же время, если обратиться к исследованиям выдачи как уголовно-процессуального явления, то можно получить ответы на многие поставленные вопросы о способах восполнения правового регулирования, а сумма предложенных решений позволила бы полностью заполнить имеющуюся пустоту.

---

¹ См.: Смирнов П.А. Проблемы процессуально-правового положения лица в рамках экстрадиционных правоотношений. Указ. соч. С. 32.

² Дело «Насруллоев (Nasrulloev) против Российской Федерации» (жалоба № 656/06): постановление Европейского суда по правам человека от 11 октября 2007 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 3.

³ См. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901091> (дата обращения: 19.05.2022).

⁴ См.: Вениаминов А.Г. Некоторые вопросы защиты по делам об экстрадиции // Адвокат. 2010. № 5. С. 27.

Так, А.Г. Вениаминов указал на нормативные пробелы применения меры пресечения в отношении выдаваемого лица¹. Данный автор предлагает: «изменение порядка избрания и применения в отношении выдаваемого лица меры пресечения в виде заключения под стражу, в особенности до поступления запроса о выдаче, обжалования соответствующих решений прокурора и суда, исчисления и продления сроков содержания под стражей, возможность продления срока содержания под стражей в отношении экстрадируемого лица судом по ходатайству прокурора того уровня, который в ст. 109 УПК РФ установлен для соответствующего руководителя следственного органа, необходимость исчисления сроков содержания под стражей со дня его задержания до момента передачи»².

Процессуальные аспекты статуса лица, в отношении которого производится выдача, их перечень, как участника уголовного судопроизводства отмечены в исследовании А.Е. Косаревой³. Примечательно, что данный автор предлагает закрепить на нормативном уровне понятие экстрадиционной проверки и оптимизировать судебную процедуру по жалобам заинтересованных лиц на решения Генерального прокурора РФ о выдаче, дополнив стадией ходатайств и положениями об общих правилах, касающихся регламента судебного заседания. Несмотря на то, что процедурные предложения представляются излишними и отсутствие специальных норм в практической деятельности компенсируются общими положениями о проведении судебного заседания (ст. 257 УПК РФ), предложения о законодательной регламентации порядка направления запроса о выдаче лица, находящегося на территории иностранного государства⁴, представляют определенный интерес, поскольку данный автор предлагает закрепить перечень сведений и их формы, которые подлежат направлению в компетентные органы иностранного государства. В условиях минимального правового регулирования такое предложение представляется рациональным,

---

¹ См.: Вениаминов А.Г. Институт экстрадиции как форма международного-правового сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М, 2010. С. 8.

² См.: Там же. С. 8-11.

³ См.: Косарева А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве. Указ. соч. 2005. С. 8.

⁴ Там же. С. 11-12.

однако в существующих условиях необходимо развитие специальных норм, регулирующих процедуру уголовного судопроизводства при выдаче, например, обратить внимание на специальные основания для отвода лиц, занятых в экстрадиционном производстве¹.

Одним из аспектов правового статуса выдаваемого лица является его гражданство. Т.В. Решетнева при исследовании экстрадиции полипатридов, обратила внимание, что наличие у запрашиваемого лица гражданства нескольких государств, зачастую приводит к невозможности выдачи, и по своей правовой природе также являются пробелом в правовом регулировании. Автор предлагает разрешать выдачу полипатридов средствами международно-правового и внутригосударственного регулирования положений о гражданстве, с учетом фактических обстоятельств первоначального и последующего приобретения полипатридом гражданства, то есть использовать правило «эффективного гражданства», которое автор предлагает сделать частью УПК РФ². В данном случае исследователем предлагается уголовно-процессуальный механизм, схожий с разрешением конкурирующих запросов о выдаче нескольких государств, предусмотренный ч. 7 ст. 462 УПК РФ, когда в конечном итоге выбор запроса, который будет удовлетворен, зависит от усмотрения Генерального прокурора РФ. Что касается выдачи лиц, которые, наряду с гражданством Российской Федерации имеет так же гражданство другого государства, то автор приходит к выводу, что, независимо от обстоятельств его получения, если не состоялся выход из российского гражданства, такое лицо, в том числе полипатрид, при поступлении запроса выдано быть не может³.

---

¹ И.А. Насонова и С.С. Халимоненко предлагают дополнить уголовно-процессуальный закон специальной нормой – статьей 463.1 УПК РФ, которая будет предусматривать обстоятельства, исключающие участие в рассмотрении вопросов выдачи лица для уголовного преследования. См.: Насонова И.А., Халимоненко С.С., Проблемы совершенствования запретов в международном сотрудничестве по уголовно-процессуальным вопросам. Указ. соч. С. 87.

² См.: Решетнева Т.В. Экстрадиция полипатридов в российском уголовном судопроизводстве (проблемы теории и практики): автореф. дис. канд. юрид. наук: Екатеринбург, 2009. С. 7-10.

³ См.: Решетнева Т.В. Экстрадиция полипатридов (проблемы теории и практики). Указ. соч. С. 12.

Исследование А.К. Строгановой затрагивает вопросы избрания меры пресечения, ее продления и объявления в международный розыск¹. Данный автор высказывает предложения о совершенствовании положений, касающихся направления запроса в Генеральную прокуратуру РФ о выдаче обвиняемых, расширение перечня оснований для задержания (ст. 91 УПК РФ) нахождение лица в международном розыске, а также аналогичные предыдущим работам восполнение нормативного регулирования процессуального статуса выдаваемого лица.

Несмотря на рациональные предложения, ни одно из исследований не разрешает главную проблему, касающуюся установления при выдаче юридически значимых обстоятельств, которые делают экстрадицию возможной, а именно соответствия притязаний запрашивающей стороны правилам выдачи, соблюдения органом уголовного преследования процессуальных требований и проверки обоснованности уголовного преследования. Требования к запросу о выдаче, которые приведены в ч. 4 ст. 460 УПК РФ ориентированы лишь на то, чтобы предоставить выдающей стороне некоторый набор сведений, а само установление фактических обстоятельств отдано на откуп выдающей стороны.

Представляются спорными некоторые аспекты Ю.Г. Васильева, который проводит анализ выдачи с позиции международного права и руководящее значение в разрешении экстрадиции, по мнению автора, должны иметь органы международного уголовного суда². Ю.Г. Васильев считает необходимым проведение конституционных изменений, допускающих выдачу российского гражданина иностранному государству за совершенное им международное преступление против данного иностранного государства. Несмотря на то, что автор считает уровень правового регулирования и степень юридической регламентации института выдачи преступников в Российской Федерации полностью отвечающим всему комплексу требований, предъявляемых

---

¹ См.: Строганова А.К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук: М. 2004. С. 7-9.

² См.: Васильев Ю.Г. Институт выдачи преступников (экстрадиции) в современном международном праве: М. 2003. С. 6-7.

современным международным правом¹, конституционные изменения по выдаче собственных граждан полагает необходимыми для полноценной интеграции России в систему международно-правовых механизмов экстрадиции. В то же время такие суждения представляются более чем спорными, поскольку конституционный запрет на выдачу собственных граждан иностранным государствам является основной гарантией защиты от неправовых методов иностранного воздействия в условиях непрекращающейся политической конкуренции. Представляется, что даже оговорка о возможности выдачи российского гражданина только для осуждения судом другого государства, при условии, что наказание будет отбываться на территории России², не станет гарантией равноценного взаимодействия, поскольку вряд ли повысит авторитет российского государства и тем самыми подвигнет государства-контрагенты на аналогичные взаимные действия.

Таким образом, проблематика института выдачи в УПК РФ находится в плоскости соблюдения прав человека и напрямую соотносится с процессуальным статусом, применением мер пресечения, конкретизацией и расширением оснований отказа в выдаче. Большинство авторов предлагает решить существующие процедурные проблемы путем внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальный закон (А.Г. Вениаминов, А.Е. Косарева и А.К. Строганова), а общей мыслью является наличие в законе пробелов.

Пробел в уголовно-процессуальном праве, пишет С.Н. Подлесных, есть полное или частичное отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве нормативных установлений, обусловленных потребностями развития уголовного процесса или реализации действующих нормативных предписаний в практике уголовного судопроизводства, а также неопределенность уголовно-процессуальных норм, которая затрудняет их применение³. Данный автор выделяет три их разновидности: «пробелы с неполнотой правовых норм; пробелы с противоречием правовых норм друг другу (коллизийные пробелы); пробелы с

---

¹ Там же. С. 18.

² Там же. С. 7.

³ См.: Подлесных С.Н. Пробелы в уголовно-процессуальном праве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: Воронеж, 2012. С. 3.

полным отсутствием нормы»¹. В силу того, что понятие коллизии от понятия пробела отделяет только степень выраженности конфликта правовых норм, механизмы разрешения, по мнению автора, должны носить схожий характер. Представляется, что структура норм, регулирующих выдачу, не содержит прямых коллизионных пробелов. Существующие пробелы сводятся к неполноте (вопросы применения правил выдачи двойного вменения, исключения политических преступлений), а также отсутствие нормы (процессуальный статус выдаваемого лица, его процессуальные права, задержание). Однако главный конфликт норм, регулирующих выдачу, представлен в виде избыточного регулирования, а именно противопоставления ст. 13 УК РФ и гл. 54 УПК РФ, которые противоречат друг другу.

Как пишет З.А. Незнамова, разрешение как коллизионных, так и неколлизионных пробелов производится двумя способами – устранение и преодоление². Устранение предполагает собой внесение изменений в УПК РФ на законодательном уровне. В.П. Кашепов и В.И. Руднев отмечают, что «наиболее оптимальным способом устранения недостатков правового регулирования является законодательное изменение, однако законотворческая практика требует длительного времени, в течение которого дефекты уголовного закона вынужден оперативно исправлять Пленум Верховного Суда РФ посредством установления нормативных предписаний»³. Таким образом, преодоление пробелов уголовно-процессуального закона производится путем системного толкования уголовно-процессуальных норм. Примером тому является правовая позиция Верховного Суда РФ относительно процессуального положения лиц, подлежащих выдаче по запросам иностранных государств, согласно которой, вопросы, не урегулированные гл. 54 УПК РФ, подлежат разрешению на основании общих положений УПК РФ. Например, при избрании меры пресечения, рассмотрении жалобы на решение о выдаче судам следует иметь в виду случаи обязательного

---

¹ См.: Подлесных С.Н. Виды пробелов в уголовно-процессуальном праве // Вестник ВГУ. 2010. № 2. С. 335.

² Общая теория права предполагает, что имеются способы устранения и преодоления коллизий. См. подробнее: См.: Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве / Екатеринбург. 1994. С. 47.

³ См.: Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017. С. 395.

участия переводчика и защитника, предусмотренные УПК РФ (п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11). Соответственно сложности, связанные с получением услуг переводчика¹, обусловленные отсутствием нормативной правовой базы, регламентирующей оплату услуг переводчика, разрешаются путем уравнивания процессуальных статусов подозреваемого, обвиняемого и подсудимого с лицом, подлежащим выдаче по запросу иностранного государства.

К примеру, постановлением судьи Верховного Суда РФ от 7 декабря 2018 г.² вопрос об оплате услуг переводчика разрешен на основании системного применения ст. 131 и 132 УПК РФ, а также ст. 18 УПК РФ, действие которых высшая судебная инстанция распространяет на лиц, подлежащих выдаче по запросам иностранных государств, исходя не из формального нормативного регулирования, а исходя из фактического положения участника уголовного судопроизводства, не владеющего или недостаточно владеющего языком, на котором ведется уголовное судопроизводство. Соответственно, подобного рода решения, в отсутствие норм, регулирующих возможность назначать такому лицу адвоката и относить бремя несения процессуальных расходов, принимаются и нижестоящими судами³.

В системе норм уголовно-процессуального закона несоблюдение права пользоваться родным языком, в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ является процессуальным нарушением, в любом случае влекущим отмену или изменение судебного решения. Эти положения в полной мере распространяются на решения Генерального прокурора РФ о выдаче по запросам иностранных государств. Соблюдение требований о языке уголовного судопроизводства *de facto* является одним из предметов судебной оценки. К примеру, в определении от 11 апреля 2019 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила без изменения постановление Московского городского суда в

---

¹ Баркалова Е.В., Макогон А.А. Указ. соч. С. 4.

² Материалы производства № 5-АПУ 18-77 отношении Х.Т.Н., гражданина Республики Таджикистан о его экстрадиции в Республику Таджикистан // Архив Верховного Суда РФ, 2018 г.

³ См.: материалы производства № 10К-2755/2021 в отношении А.И.Г. об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Архив Челябинского областного суда, 2021 г.

отношении М.М.М., которым признано законным и обоснованным решение заместителя Генерального прокурора РФ о выдаче М.М.М. правоохранительным органам Республики Узбекистан. Доводы заявителя о существенности нарушений уголовно-процессуального закона заключались в том, что суд не обеспечил перевод всех документов, находящихся в судебном деле на узбекский язык и не вручил их ему. Как указала судебная коллегия, отвергая доводы жалобы, в судебном заседании участвовали переводчики узбекского языка, все документы, подлежащие обязательному вручению, были переведены на узбекский язык, со всеми материалами судебного дела М.М.М. был ознакомлен. в то время как УПК РФ не предусматривает перевод всех материалов дела на родной язык¹.

Судебная практика фактически уравнила в процессуальных правах обвиняемых и лиц, запрошенных к выдаче иностранными государствами. Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 апреля 2018 г. отменено постановление Московского городского суда, которым оставлена без удовлетворения жалоба в отношении М.С.М., на постановление заместителя Генерального прокурора РФ о выдаче его правоохранительным органам Республики Армения. Судебная коллегия указала на нарушение положений ст. 51 и 52 УПК РФ, регламентирующих право обвиняемого по своему усмотрению приглашать защитника. В данном производстве М.С.М. отказался от услуг защитника адвоката Б.Я.Н. и суд принял такой отказ, однако последующее за этим ходатайство о допуске другого избранного им защитника не было судом удовлетворено со ссылкой на основания, предусмотренные ст. ст. 51, 52 УПК РФ, поскольку ранее, как указал суд, М.С.М. уже предоставлялось 13 дней для приглашения другого защитника. Суд первой инстанции, не принимая мер к выяснению указанных заявителем сведений, рассмотрел жалобу М.С.М. с участием защитника, против которого он возражал, нарушив этим его право на защиту, гарантированную ст. 48 Конституции РФ².

---

¹ Материалы производства № 5-АПУ 19-31 отношении М.М.М.-угли, гражданина Республики Узбекистан о его экстрадиции в Республику Узбекистан // Архив Верховного Суда РФ, 2019 г.

² Материалы производства № Дело № 5-АПУ 18-15 отношении М.С.М., гражданина Республики Армения о его экстрадиции в Республику Армения // Архив Верховного Суда РФ, 2018 г.

Таким образом, судьи имеют возможность корректировать ряд процессуальных вопросов в ходе их правоприменения, а постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. № 11 распространяет правовые позиции исполняющего содержания и на экстрадиционную проверку, которая в силу необязательного характера судебной процедуры, является основным источником получения сведений и проверки законности выдачи. Такая практика позволяет институту выдачи существовать в неизменном виде, постоянно находясь в поле его критического анализа со стороны исследователей, высших российских и международных судов.

Существуют и другие, не менее существенные процессуальные затруднения, которые как каждое отдельно, так и все в совокупности, указывают на необходимость фундаментальных изменений института выдачи на уровне его процессуальной формы.

Одной из таких проблем является «завуалированная» или «скрытая выдача». А.Д. Прошляков отметил, что присутствуют «попытки (и безуспешные) или нарушить запрет выдачи собственных граждан, или не соблюдать установленную международным договором процедуру выдачи, прибегнув к упрощенным вариантам передачи лица другому государству, либо склонить гражданина к «добровольному» выезду за пределы России. При этом зачастую такие действия сопровождаются соответствующей словесной и юридической эквилибристикой (порой весьма хитроумной и изобретательной) с терминами и понятиями, чтобы завуалировать суть происходящего и представить выдачу как нечто иное»¹. Возможно, примеры политического давления в целях самостоятельного выезда за пределы государства-убежища остались в прошлом, но случаи подмены выдачи смежными процедурами имеются, несмотря на отсутствие статистики таких фактов, в силу видимой законности остающихся латентными. Решением ЕСПЧ от 1 марта 2016 г. по делу «Холмуродов против Российской Федерации» такой факт

---

¹ Прошляков А. Д. Указ. соч. С. 254.

был установлен¹. В отношении данного лица поступил запрос о выдаче в Республику Узбекистан за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, но одновременно он привлекался к уголовной ответственности российскими правоохранительными органами. Запрос о выдаче не был исполнен, поскольку Холмуродов был приговорен к отбытию наказания в виде лишения свободы, помещен в российское исправительное учреждение, где полностью отбыл наказание, назначенное судом. После отбытия срока наказания была предпринята попытка его депортации на основании распоряжения Министерства юстиции РФ о нежелательности его пребывания на территории Российской Федерации, вынесенное на основании п. 4 ст. 25.10 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»² и п. 11 ст. 31 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»³. Процедура депортации была приостановлена в связи с указанием Европейского Суда на необходимость принятия обеспечительных мер. В своем решении ЕСПЧ согласился с доводами защитника о том, что рассмотрение запроса о выдаче Холмуродова на момент попытки его депортации еще не было окончено, а также что депортация лишила бы его возможности пользоваться гарантиями судебного обжалования возможного решения о выдаче и являлась бы фактической экстрадицией.

Применение «скрытой выдачи» и создание ситуации вынужденного выезда, должно быть исключено предусмотренным законом запретом на любое пересечение границы лицом, в отношении которого осуществляется процедура выдачи, до вступления в законную силу судебного решения, вынесенного по итогам обязательной судебной процедуры проверки законности. Кроме того, такое лицо не должно быть подвергнуто выдворению, депортации, реадмиссии и

---

¹ Дело «Холмуродов (Kholmurodov) против Российской Федерации» (жалоба № 58923/14): постановление Европейского суда по правам человека от 01 марта 2016 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 5.

² Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 34. Ст. 4029.

³ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.

другим процедурам, связанным с перемещением его на территорию запрашивающего или третьего государства. Соответствующее дополнение уголовно-процессуального закона запретительной нормой любого выезда запрашиваемого к выдаче лица за пределы страны позволит такие случаи минимизировать. Кроме того, предлагается дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»¹ разъяснениями, согласно которым осуществление выдачи в нарушение или обход уголовно-процессуальных процедур должно расцениваться как совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав граждан.

Однако случаи «подмены процедур» следует ограничивать от создания конкуренции государств при решении вопроса об экстрадиции лица по нескольким запросам. Примерная ситуация сложилась при задержании А. Усса на территории Италии для экстрадиции по запросу США. В отношении данного лица было возбуждено уголовное дело и вынесено постановление об избрании меры пресечения Мещанским районным судом г. Москвы в целях выдачи на российскую территорию². В такой ситуации Россия имеет равные возможности претендовать на выдачу, с учетом гражданства запрашиваемого лица. Поскольку в последнее время практикуется агрессивная внешняя политика ряда государств, проявляемая, в том числе в экстерриториальном применении юрисдикции, такой подход представляется оправданным.

Следующая проблема связана с правилом исключения политических преступлений³, трактовка которого и в теории, и в практике продолжает

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 12.

² См.: Уголовное дело в России должно вытащить сына Усса из Италии, заявил адвокат // [Электронный ресурс] URL: <https://ria-ru.turbopages.org/ria.ru/s/20221028/uss-1827523275.html> (дата обращения: 11.11.2022).

³ именно в виде «запрета политических преступлений» это правило сформулировано в работе Н.А. Сафарова, рассматривающего его как «целостную концепцию, одну из фундаментальных детерминант, определяющих саму возможность международно-правового сотрудничества по уголовно-правовым вопросам. В то же время ее применение должно находиться в тесной увязке с реалиями ситуации, складывающейся в сфере борьбы с наиболее опасными видами преступности, что в первую очередь обуславливает тенденцию по сужению сферы применения данного исключения, в частности приводящую к деполитизации терроризма, позволяющую обеспечить

оставаться неоднозначной в силу многочисленных фактов правовой неопределенности, порождающей противоречивые решения об экстрадиции. Российское законодательство пошло по пути отказа от терминологического обозначения политических преступлений, что повлияло на институт выдачи, поскольку их определение было исключено из практики оказания правовой помощи¹. Запрет, сформулированный п. 2 ч. 1 ст. 462 УПК РФ, предусматривает отказ в выдаче, если лицу предоставлено убежище в Российской Федерации в связи с возможностью преследований в запрашивающем государстве по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или по политическим убеждениям. Это основание складывается из двух условий: предоставление убежища и наличие подтвержденной угрозы возможного преследования по признаку расы, вероисповедания и т.д. Такая юридическая конструкция представляет собой минимальный стандарт применения правила исключения политических преступлений. *Первое условие* – предоставление временного убежища или политического убежища, которое реализуется в ходе специальных процедур, не взаимосвязанных с выдачей. Общий порядок заключается в предоставлении временного убежища или статуса беженца. Каждый третий из содержащихся под стражей по запросу иностранного государства обращается с таким заявлением². *Второе условие* – подтверждение факта преследования по политическим мотивам.

Обращения о предоставлении убежища рассматривают уполномоченные сотрудники органов миграционной службы³. *Общим основанием* для удовлетворения такого обращения выступает Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах», или иной нормативный документ, например

экстрадицию обвиняемых» См.: Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве проблемы теории и практики. Указ. соч. С. 14-15.

¹ См.: Очкасова И.В. Право убежища как сдерживающий принцип в осуществлении экстрадиции в международных отношениях // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 492.

² См.: Малов А.А. Обжалование в Европейский суд по правам человека и суды РФ решений Генеральной прокуратуры РФ о выдаче другим государствам лиц, обвиняемых в экстремистской деятельности и терроризме // Законность. 2017. № 10. С. 10.

³ См.: Административный регламент Федеральной миграционной службы по предоставлению государственной услуги по рассмотрению ходатайств о признании беженцем на территории Российской Федерации и заявлений о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации, утв. Приказом ФМС России от 19 августа 2013 г. № 352. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

постановление Правительства РФ от 22 июля 2014 г. № 690 «О предоставлении временного убежища гражданам Украины на территории Российской Федерации в упрощенном порядке»¹, адресованный неопределенному кругу лиц.

Исключительный порядок предоставления убежища производится в соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 1997 г. № 746 «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища»². В этом случае политическое убежище предоставляется по ходатайству заинтересованного лица, после прохождения юридических процедур на основании Указа Президента РФ.

Множество примеров свидетельствуют о несогласованности процедур выдачи и предоставления убежища, которые в своей связке не образуют комплекса мер по защите лица, в случае требования о его выдаче в условиях, когда необходимо соблюдение правила исключения политических преступлений.

Представляется, что неэффективность применения этого правила во взаимосвязи с предоставлением убежища, обусловлена тем, что: 1) процедура предоставления убежища не является уголовно-процессуальной; 2) предоставление убежища зависит от усмотрения субъектов, не вовлеченных в экстрадиционную проверку; 3) орган, проводящий проверку, даже при наличии явных свидетельств необходимости исключения политических преступлений, лишен возможности повлиять на вопрос предоставления убежища; 4) выдача и предоставление убежища, как правило, рассматриваются параллельно, поскольку иницируются по прибытию на территорию запрашиваемого государства соответствующего лица, либо же когда его нахождение на территории такого государства становится явным; 5) рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища не препятствует производству выдачи и ее исполнению.

К примеру, в деле «Алланазарова против Российской Федерации» ЕСПЧ установил нарушения при ее выдаче в Туркменистан, сославшись на принятые в

---

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2014 г. № 690 «О предоставлении временного убежища гражданам Украины на территории Российской Федерации в упрощенном порядке» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30. (часть II). Ст. 4326.

² Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища: Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 1997 г. № 746 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997 г. № 30 Ст. 3601.

2011 и 2012 гг. заключительные замечания Комитета против пыток и Комитета по правам человека по докладам, представленным Туркменистаном, о применении пыток и жестокого обращения, а также о ненадлежащих условиях содержания в тюрьмах Туркменистана¹. Несмотря на то, что при экстрадиционной проверке оснований для отказа в выдаче установлено не было, международный судебный орган сделал совершенно иные выводы, не принимая во внимание положения внутригосударственного закона. Европейский Суд, установив нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, указал, что процедура рассмотрения заявления о предоставлении статуса беженца в том виде, в котором она практически применяется органами государственной власти, не позволила обеспечить тщательного рассмотрения жалобы заявителя на существование риска подвергнуться жестокому обращению.

По делу Х. Насруллоева Конституционный Суд РФ в определении от 4 апреля 2006 г. указал на необходимость «руководствоваться порядком и сроками содержания под стражей лиц, в отношении которых поступили запросы о выдаче в соответствии с требованиями УПК РФ, которые распространяются на все стадии и формы уголовного судопроизводства, в том числе – на производство по запросам иностранных государств об оказании им по уголовным делам правовой помощи путем выдачи лиц для уголовного преследования»². Само дело «Насруллоев против Российской Федерации», представляет собой комплексный пример повода для регулирования положений УПК РФ о выдаче, затронувшего процессуальные вопросы задержания, избрания и продления ареста, применения правила исключения политических преступлений и предоставления убежища.

---

¹ См. Алланазарова против Российской Федерации: постановление Европейского суда по правам человека от 14 февраля 2017 г. // Российская хроника Европейского суда. 2018. № 2. СПС КонсультантПлюс. 2021.

² См.: определение Конституционного суда РФ от 04 апреля 2006 г. № 101-О «По жалобе гражданина Республики Таджикистан Насруллоева Хабибулло на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В п. 1 высший судебный орган определил: «часть первая статьи 466 УПК Российской Федерации не предполагает возможность применения к лицу, в отношении которого решается вопрос о выдаче его другому государству для привлечения к уголовной ответственности, меры пресечения в виде заключения под стражу вне предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством порядка и сверх установленных им сроков применения данной меры пресечения». См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2006 г. № 101-О «По жалобе гражданина Республики Таджикистан Насруллоева Хабибулло на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 28. Ст. 3118.

Насруллоев Х. обвинялся правоохранительными органами Республики Таджикистан в совершении различных преступлений, предположительно совершенных в 1992-1997 гг., в том числе, государственной измене и заговоре с целью захвата государственной власти. Поскольку он являлся участником антиправительственной коалиции, опасаясь преследования, бежал в Россию. Однако 13 августа 2003 г. задержан в г. Москве по запросу компетентных органов Республики Таджикистан. Генеральная прокуратура Таджикистана направила в Россию ходатайство о выдаче заявителя, которое было получено 18 августа 2003 г. Далее, 21 августа 2003 г. Нагатинским районным судом г. Москвы в порядке ст. 108 УПК РФ Насруллоеву Х. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. По существовавшей тогда практике, сроки содержания под стражей регулировались не УПК РФ, а Минской конвенцией, и определялись периодом получения запроса о выдаче, а также передачи запрашиваемого лица. Насруллоев Х. длительное время содержался под стражей ввиду рассмотрения ходатайства о предоставлении ему политического убежища в Российской Федерации, в предоставлении которого ему было окончательно отказано только 29 июня 2006 г. В этот период защита неоднократно обжаловала длительность содержания под стражей в суд, вынесший решение, в суд по месту нахождения следственного изолятора, в компетентные органы и суд Республики Таджикистан, в Генеральную прокуратуру РФ, в том числе в связи с предельными сроками содержания под стражей 15 и 18 месяцев. После отказа в предоставлении политического убежища 3 июля 2006 г. заместитель Генерального прокурора РФ принял решение о выдаче Насруллоева Х. в Республику Таджикистан. 21 августа 2006 г. Московский городской суд отменил постановление о его выдаче и освободил из-под стражи. В качестве основания отмены суд указал, что заместитель Генерального прокурора РФ не рассмотрел того обстоятельства, могло ли преступление, в совершении которого обвинялся Насруллоев Х., быть политическим. Более того, в отношении заявителя должен был быть применен Закон Республики Таджикистан «О всеобщей амнистии» от 2001 г. ЕСПЧ в

решении от 11 октября 2007 г.¹ указал на незаконность помещения Насруллоева Х. под стражу и на отсутствие возможности добиться судебного рассмотрения вопроса о законности содержания его под стражей.

Из обстоятельств этого дела следует, что «нормативная пустота», присутствующая в процессуальных вопросах защиты и доступа к правосудию при выдаче стала причиной ее восполнения правоприменителем в ненадлежащем виде. Как в ходе экстрадиционной проверки, так и в ходе судебных процедур юридический принцип *ex aequo et bono*², предполагавший требование максимально исходить из интересов выдаваемого лица и трактовать все сомнения в его пользу, применен не был. Несмотря на то, что заявитель являлся «лицом, подвергшимся фактическому задержанию, но не получившим официального статуса подозреваемого либо обвиняемого по уголовному делу»³, была использована простая логика: если нормативно не определен статус лица и срок содержания под стражей до разрешения выдачи, значит и заключение под стражу является бессрочным.

Представляется, что критическим моментом в этом деле является то, что обстоятельства, на которые указывала запрашивающая сторона, изначально содержали признаки уголовного преследования по политическим мотивам. Вызывает некоторое недоумение, что такие выводы смогла сделать только судебная инстанция, а до этого данные обстоятельства упорно игнорировались, несмотря на выраженную очевидность. Такой подход свидетельствует в пользу расширения полномочий суда в разрешении вопросов выдачи, поскольку угроза выдачи при уголовном преследовании за преступление политического характера носит реальный характер в силу повышенного интереса запрашивающих

---

¹ См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 11 октября 2007 г. «Дело “Насруллоев (Nasrulloev) против Российской Федерации”» (жалоба № 656/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2008. № 3.

² по добру и справедливости – принцип (метод), применяемый юристами в отсутствие нормативного регулирования.

³ См.: Насонова И.А., Владимирова Ю.К. О некоторых проблемах обеспечения содержащимся под стражей и отбывающим наказание в виде лишения свободы права на обжалование // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 1. С. 126.

государств в таких обстоятельствах¹, а дело Насруллоева Х. не является единственным в своем роде.

Так, апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 сентября 2018 г. признано законным постановление Московского городского суда, которым отменено постановление заместителя Генерального прокурора РФ о выдаче Г.А.И. правоохранительным органам Украины для привлечения к уголовной ответственности. Суд первой инстанции установил, что Г.А.И. занимал активную «антимайдановскую» позицию, участвовал в демонстрациях против антиконституционного переворота в Киеве, что было подтверждено документами, представленными должностному лицу, проводившему экстрадиционную проверку, в том числе письмо членов профсоюза работников угольной промышленности Луганской области. Как установила судебная коллегия, Г.А.И. заявлял о мотивах приезда на территорию России, о политическом характере преследования на Украине, утверждал о склонении его к боевым действиям на территории Луганской Республики, представлял в подтверждение своих доводов документы и ходатайства, вместе с тем, из постановления не следует, что эти доводы были проверены надлежащим образом в ходе экстрадиционной проверки². Похожие обстоятельства дела были установлены апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ 30 января 2017 г., которым признано законным постановление Курганского областного суда, по которому постановление заместителя Генерального прокурора РФ о выдаче Т.Д.А. правоохранительным органам Кыргызской Республики признано незаконным и отменено. Суд первой инстанции установил, что Т.Д.А. подвергается уголовному преследованию по этническому признаку, его выдача может повлечь нарушение его прав, поскольку имеются серьезные основания полагать, что в Кыргызской Республике он может быть подвергнут пыткам либо бесчеловечному или унижающему его достоинство

---

¹ См.: Быкова Е.В. и Выскуб В.С. отмечают практику заинтересованности глав государств в выдаче именно политических преступников в качестве обычной, ранее существовавшей практики, в противовес нынешним подходам. См.: Быкова Е.В., Выскуб В.С. Международное сотрудничество или политика? // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 3. С. 3.

² Материалы производства № 5-АПУ 18-44 отношении Г.А.И., гражданина Украины о его экстрадиции в Украину // Архив Верховного Суда РФ, 2018 г.

обращению, а предоставленные Генеральной прокуратурой Кыргызской Республики и содержащиеся в запросе о выдаче Т.Д.А. гарантии сами по себе не являются достаточными для обеспечения надлежащей защиты Т.Д.А. от риска жестокого обращения, поскольку имелись серьезные сомнения в том, что местные органы выполняют их на практике¹. Оба примера показывают высокую значимость судебной процедуры для защиты прав лица от необоснованной выдачи в нарушение правила исключения политических преступлений. Предполагается, что некоторое количество лиц было выдано иностранным государствам в нарушение правила исключения политических преступлений. Решение обозначенной проблемы требует значительных комплексных нормативных изменений.

Е.В. Быкова и В.С. Выскуб полагают целесообразным исключить отказ в выдаче за политическое преступление или по политическим мотивам из перечня обязательных оснований и включить в число факультативных, которые зависят от целого ряда обстоятельств объективного характера и усмотрения соответствующего должностного лица². Такое решение может быть признано допустимым только при изменении всей структуры спорного основания отказа в выдаче, поскольку авторы не учли его взаимосвязь с институтом убежища, а также положения международных договорных норм, в которых предоставление убежища является одним из основополагающих оснований отказа в выдаче³. Представляется, что существующая двухэлементная структура может быть сохранена, с некоторой корректировкой норм, регулирующих предоставление политического убежища. При наличии обязательной судебной процедуры проверки законности выдачи, каждый случай уголовного преследования на предмет преследования по политическим мотивам должен разрешаться индивидуально. Как правильно отметили Е.В. Быкова и В.С. Выскуб, в

---

¹ Материалы производства № 82-АПУ 17-1 отношении Т.Д.А., гражданина Кыргызской Республики о его экстрадиции в Кыргызскую Республику // Архив Верховного Суда РФ. 2017 г.

² См.: Быкова Е.В., Выскуб В.С. Политическая мотивированность решений об отказе в выдаче как противодействие международному сотрудничеству в борьбе с преступностью // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 8. С. 97.

³ например, п. 2 ст. 3 договора выдаче между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901091> (дата обращения: 19.05.2022).

разрешении вопроса, является ли преступление политическим, важна роль именно судебных инстанций¹. Что касается угрозы нарушения данного правила, то она может быть полностью или частично снята запретом производства экстрадиционных процедур до разрешения ходатайства о предоставлении временного или политического убежища.

К следующему блоку процессуальных проблем выдачи можно отнести специфические «процессуальные комбинации», которые встречаются в следственной и судебной практике, создающие локальные затруднения, применения положений УПК РФ. К таким можно отнести процессуальные основания приостановления или прекращения производства в случае отказа в выдаче обвиняемого иностранным государством, течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, судьба арестованного имущества, вещественных доказательств, и т.д. Важным процессуальным вопросом является проблема длительности выдачи, которая обычно затягивается на срок от полугода до девяти месяцев². Попытка ее устранить в УПК РФ путем соотнесения сроков содержания под стражей с гл. 13 УПК РФ, устанавливающей соответствующие правила для подозреваемых и обвиняемых, осталась неразрешенной³.

Вызывает определенные затруднения и порядок кассационного обжалования решений о выдаче, поскольку возникает вопрос об угрозе совершения неустранимой судебной ошибки и причинения личности невозмездимого вреда. Данный вид судебного контроля за законностью действий нижестоящего суда⁴ производится в форме принятия промежуточных решений к лицам, подлежащим выдаче по запросам правоохранительных органов России (избрание меры пресечения для процедуры выдачи) и в форме итогового решения – по запросам о выдаче иностранных государств. Однако действующие положения ст. 401.3 УПК РФ не оговаривают порядок кассационного обжалования решения по итогам

¹ См.: Быкова Е.В., Выскуб В.С. Указ. соч. С. 97.

² См.: Малов А.А. Обжалование в Европейский суд по правам человека и суды РФ решений Генеральной прокуратуры РФ о выдаче другим государствам лиц, обвиняемых в экстремистской деятельности и терроризме. Указ. соч. С. 10.

³ См.: Проект Федерального закона 67509-7: // [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/67509-7> (дата обращения: 12.10.2020).

⁴ См.: Ковтун Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы Указ. соч. С. 12.

рассмотрения решения прокурора о выдаче, из чего следует, что в отношении решений подобного рода законодателем установлен выборочный порядок, предусмотренный п. 2 ч. 3 ст. 401.3 УПК РФ. В то же время, такая практика не в полной мере соответствует правовым позициям Комитета по правам человека, который оперирует критериями использования внутренних средств правовой защиты. В соответствии с такой практикой подача заявлений о пересмотре в порядке надзора судебных постановлений, которые уже вступили в силу и зависят от решений судьи, принимаемых им по собственному усмотрению, является чрезвычайным средством правовой защиты, соответственно, государству-участнику надлежит показать наличие разумных шансов на то, что подача заявления при подобных обстоятельствах дела действительно явится средством правовой защиты¹. Так, апелляционная жалоба В.Д. на решение Московского областного суда по выдаче в Республику Беларусь уже была отклонена Верховным Судом РФ, а заявитель не смог реализовать свое право на подачу надзорной жалобы, поскольку была обеспечена его выдача по решению, вступившему в законную силу. Как указывает комитет, при решении вопроса о предоставлении возможности исчерпать все внутренние средства правовой защиты, государство-участник должно учитывать реальную опасность причинения невозмещимого вреда, обусловленного возможностью применения наказания в виде смертной казни, пыток, жестокого бесчеловечного обращения и т.д. (соблюдение прав, предусмотренных ст. ст. 14, 15 и 17 Международного пакта о гражданских и политических правах²). А до исчерпания всех средств правовой защиты соблюдать обязательство не экстрадировать такое лицо. В случае с выдачей необходимо применять те же правовые критерии, что и в вопросах применения смертной казни, поскольку последствия являются неделимыми и необратимыми, судебная ошибка способна привести к трагическим

---

¹ См.: Сообщение: В.Д. против Российской Федерации № 2198/2012 от 30 марта 2016 г. // Практика договорных органов ООН: Комитет по правам человека. - СПС КонсультантПлюс. 2019.

² См.: Международный пакт о гражданских и политических правах... в ст. 14 предполагает право на судебную защиту, равенство перед судом и презумпцию невиновности; ст. 15 - запрет уголовного преследования за действия, которые, согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству или международному праву, не являлись уголовным преступлением; ст. 17 - запрет произвольного вмешательства в частную жизнь индивида.

последствиям, а отсутствие эффективной судебной защиты в виде процедуры обжалования решения, вступившего в законную силу, но не исполненного, как пишет А.А. Опалева, в принципе не может воплощать собой идею справедливости правосудия¹.

Очевидно, что решение о выдаче по запросу иностранного государства является окончательным судебным актом по рассмотрению фактических обстоятельств дела, которым может дать оценку Российская Федерация в пределах своей юрисдикции. Соответственно, апелляционные решения на постановления о выдаче по запросам иностранных государств должны подлежать сплошной кассации, наряду с приговорами и другими судебными актами, в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 401.3 УПК РФ поскольку только так можно исключить совершение необратимой судебной ошибки. Что касается решений российских судов, в которых проверяется обоснованность выдачи обвиняемых, скрывшихся на территории иностранных государств, то такой порядок кассационного обжалования следует оставить прежним (выборочный порядок), предусмотренный п. 1 ч. 3 ст. 401.3 УПК РФ.

Еще один блок проблем примечателен тем, что находится на границе взаимодействия материального и процессуального права. А.Д. Прошляков, отмечая фактическое отсутствие правового регулирования института выдачи до принятия нового УПК РФ, когда имела место только ст. 13 УК РФ, допускающая саму возможность экстрадиции, указал, что «трудно требовать от законодателя детального регулирования выдачи преступников в уголовном законе, т.к. по своей природе выдача – это институт скорее процессуальный и регламентироваться должен уголовно-процессуальным законом или специальным законодательным актом»². Тем не менее ряд вопросов, в особенности раскрывающих применение правила двойной криминальности, требуют детального понимания и применения общей и особенной частей материального права. К таким относится соотношение момента совершения преступления и принятия процессуального решения о

---

¹ См.: Опалева А.А. Ограничение личной неприкосновенности как результат гармонизации интересов личности, общества и государства // Гражданин и право. 2009. № 3. С. 13.

² Прошляков А.Д. Указ. соч. С. 249.

выдаче, непосредственно влияющие на объем уголовного преследования по закону, имеющему обратную силу в соответствии со ст. 10 УК РФ. К примеру, апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 декабря 2017 г.¹ отменено постановление Московского городского суда, которым признано законным и обоснованным решение заместителя Генерального прокурора Российской Федерации о выдаче С.Е.С. правоохранительным органам Республики Беларусь. Как установила судебная коллегия, С.Е.С. обвинялся в том, что в период с 1 августа 2010 г. по 20 декабря 2012 г. на территории Республики Беларусь, являясь индивидуальным предпринимателем, действуя с единым умыслом, направленным на завладение имуществом граждан путем обмана и злоупотребления доверием, заключил с физическими лицами договоры об осуществлении поставки мебели, заведомо не собираясь выполнять условия договоров в полном объеме, и в результате умышленного невыполнения договорных обязательств завладел денежными средствами ряда потерпевших. В ходе проверки на соблюдение правила двойной криминальности суд первой инстанции установил, что уголовное преследование С.Е.С. по ч. 3 ст. 209 УК Республики Беларусь соответствует ч. 2 ст. 159 УК РФ. Указав, что квалификация является неверной, судебная коллегия отметила, что деяния, инкриминированные С.Е.С., в соответствии со ст. 9 УК РФ, следует квалифицировать по ст. 159.4 УК РФ (мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности). Суд посчитал эту норму применимой и в отношении иностранных граждан, совершивших мошенничество в сфере предпринимательской деятельности на территории иностранного государства до 12 июня 2015 г., предусматривавшей наказание в виде лишения свободы до одного года, по которым на момент принятия решения истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности.

---

¹ Материалы производства № 5-АПУ 17-115 отношении С.Е.С., гражданина Республики Беларусь о его экстрадиции в Республику Беларусь // Архив Верховного Суда РФ, 2017 г.

Ю.Г. Васильев полагает, что, юридическая сущность института выдачи выражается в нормах материального и процессуального права, которые в совокупности устанавливают четкие критерии должного поведения и юридические гарантии их обеспечения через процедуры судебного разбирательства на национальном или международном уровне¹. Однако с данным автором нельзя согласиться в полной мере, поскольку закон не всегда устанавливает такие критерии и правила, а решения, пресекающие незаконную и необоснованную выдачу, носят единичный характер. Можно предположить, что некоторая часть решений, содержащих в своей основе ошибку и разрешающих выдачу, не проходит процедуру надлежащего судебного контроля, носящего заявительный характер. Приведенное судебное решение в отношении С.Е.С. может являться примером статического взаимодействия уголовного и уголовно-процессуального права, когда происходит обратное влияние процессуальных норм на материальный уголовный закон². В данном случае пределы уголовного преследования С.Е.С. в Республике Беларусь должны быть определены правилом двойной криминальности, то есть соотношением общественно опасного деяния, совершенного на территории иностранного государства с наиболее сходной нормой УК РФ.

Однако взаимодействие материального уголовного и процессуального права носит не только статический, но и динамический характер³, поскольку в современном мире законы имеют свойство быстро меняться. Правозащитные организации обращали внимание на динамику изменения правовых институтов в отдельных странах и формулировали рекомендации воздержаться от экстрадиции, по делу Х.И. против Швейцарии (сообщение № 747/2016), где ставился вопрос о его выдаче правоохранным органам Турецкой Республики. В своем решении комитет против пыток ООН отметил значительное ухудшение положения в области прав человека в Турции, произошедшее после попытки государственного переворота, введения чрезвычайного положения в 2016 г. и внесения поправок в

---

¹ См.: Васильев Ю.Г. Указ. соч. С. 4.

² См.: Прошляков А.Д. Указ. соч. С. 8.

³ См.: См: Там же. С. 98.

Конституцию в 2017 г.¹. В вопросах выдачи представляется необходимым учитывать динамические изменения, в первую очередь, уголовного закона обоих государств, как запрашивающего, так и выдающего, поскольку процедура выдачи затягивается на годы, и в этот период могут возникнуть новые обстоятельства. Это необходимо в первую очередь для проверки правила двойной криминальности деяния, по которому направлен запрос о выдаче, когда учитываются фактические обстоятельства содеянного, влияющие на квалификацию по УК РФ.

Другой смежной проблемой может стать изменение объема уголовного преследования в суде, например в случае необходимости применения иной редакции уголовного закона или изменения квалификации деяния. В таких случаях проверяются критерии, установленные уголовно-процессуальным законом, производится оценка и возможность изменения обвинения с обвинением, по которому лицо было выдано иностранным государством в соответствии с правилом специализации, по которому исключается уголовное преследование за преступление, которое не содержалось в запросе о выдаче. Этому положению коррелируют нормы ч. 1 ст. 252 УПК РФ (запрет ухудшения положения подсудимого и существенного изменения обвинения). В этом случае взаимодействие материального и процессуального уголовного права переходит в другую плоскость – динамическое взаимодействие, когда уголовное дело с первоначальной квалификацией начинает свое движение по стадиям уголовного судопроизводства². Изменение материальных и процессуальных норм в процессе выдачи по законодательству обоих государств должны учитываться как в ходе ее проведения, так и после реализации. В том случае, если такое динамическое взаимодействие норм способствует улучшению положения субъекта экстрадиции, необходим правовой механизм, который позволит эти улучшения привести в действие. Как справедливо отмечает А.А. Толкаченко, процессуальное законодательство не просто обеспечивает функцию применения уголовного

---

¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 3 (начало), № 4 (окончание).

² См.: Прошляков А.Д. Указ. соч. С. 8.

закона, но меняет правила его применения, что вызывает необходимость выделения специальных уголовно-процессуальных правил квалификации¹. Представляется, что судебная проверка соблюдения правил квалификации может снять часть вопросов применительно к правилу двойной криминальности и специализации, а решение по данному вопросу будет отражено в итоговом процессуальном документе. При этом, оспаривая суждения Е.В. Быковой и В.С. Выскуба, которые видят «эффективность международного сотрудничества в проявлении гибкости подходов государств к соблюдению принятых на себя обязательств и стремления пойти навстречу друг другу в целях обеспечения неотвратимости наказания за содеянное путем осуществления своей юрисдикции»², представляется, что критерии квалификации при проверке на предмет двойной криминальности не должны подгоняться в пользу публичных выгод запрашивающего государства, вопреки интересам личности, если имеются серьезные сомнения.

В данном разделе озвучиваются лишь некоторые вопросы и примеры взаимного влияния уголовного материального и процессуального права на вопросы выдачи, круг которых, безусловно, шире. Например, при установлении сведений о субъекте выдачи, не оговаривается порядок, при котором отсутствуют должные сведения о личности, возможности ее надлежащим образом идентифицировать, а также при наличии сомнений в принадлежности к конкретному гражданству. Соответственно, возникает вопрос, должны ли к такому лицу при выдаче применяться положения и практика, сходные с обвиняемым, который отказался назвать свое имя? Представляется, что такому лицу, с учетом юрисдикции обоих государств, должны применяться положения об основаниях уголовной ответственности, которой подлежит лицо, виновное в

---

¹ См.: Толкаченко А.А. Некоторые уголовно-процессуальные аспекты квалификации преступлений // Уголовное право. 2018. № 6. С. 102. Данный автор предлагает такие уголовно-процессуальные правила квалификации как запрет аналогии в уголовном праве, но допустимость в уголовном процессе; недопустимость объективного и двойного вменения; применение квалификации только в рамках законной формы надлежащим субъектом и т.д.

² Быкова Е.В., Выскуб В.С. Экстрадиция и права человека: правило «двойной криминальности» // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 1. С. 9.

совершении преступления, то есть именно субъект преступления, а не личность человека, гражданина вообще¹.

Для уголовного судопроизводства Российской Федерации сложной и достаточно редкой ситуацией является состоявшаяся выдача, в ходе которой была допущена реальная или мнимая юридическая ошибка, способная поставить под сомнение легитимность последующей судебной процедуры.

Однако для судопроизводства других стран, независимо от принятой правовой системы (англосаксонской или общего права), такая практика является обычной. В правоприменительной деятельности к таким ситуациям характерно использование определения «похищение» (в качестве юридического термина), или, как об этом явлении пишет Н.А. Сафаров – «незаконное похищение» (*illegal abduction*), то есть фактическое расширение экстерриториальных рамок юрисдикции, подтвержденной западной правовой практикой². Принятая в России практика, а также положения о выдаче УПК РФ и сопутствующие источники, исключают «альтернативные способы» поступления обвиняемых под юрисдикцию российских судов, поскольку для этого существует только один правовой способ – экстрадиция. Однако нельзя не признать, что в последнее время стали все более использоваться экстерриториальные методы применения положений права (допускаемые положениями Международного пакта о гражданских и политических правах)³, к которым относятся похищения и целевые убийства. К.П. Саврыга отмечает, что такие методы связаны с угрозой терроризма, идущей из-за рубежа, что вынудило многие страны перейти к политике экстерриториального применения силы и совершения действий в отношении лиц, попавших под юрисдикцию таких государств за пределами их территории в силу того, что стали объектом их активности⁴. Как пишет автор, для их применения существуют различные основания, некоторые совместимы с международным правом, в то время как другие – нет, и ведут к ответственности

---

¹ См.: Прошляков А.Д. Указ. соч. С. 63.

² См.: Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 226.

³ См.: Саврыга К.П. Экстерриториальное применение права на жизнь в международном праве // Международное публичное и частное право. 2017. № 3. С. 8.

⁴ Там же.

государств, что ставит вопрос о применимости норм международного права и прав человека в данной ситуации¹.

Несмотря на то, что отечественный уголовный процесс исключает подобного рода способы доставки подсудимого под российскую юрисдикцию, различная трактовка определенных ситуаций способна привести к тому, что «ярлык похищения» может быть навешен и на процедуру выдачи, которая состоялась в соответствии с требованиями национального законодательства, но не вызвала поддержки у международных органов.

Ранее упомянутое дело в отношении К.А.П., привлекавшегося к уголовной ответственности на территории Российской Федерации в связи с хищением денежных средств физических и юридических лиц², отчасти может служить таким примером. В 2007 г. К.А.П. был объявлен в международный розыск, в апреле 2008 г. он был задержан на территории Италии и взят под стражу. В июне того же года апелляционный суд Флоренции отказал в его выдаче, указав, что в представленных Россией документах не содержалось достаточно конкретных сведений о преступных деяниях, совершенных выдаваемым лицом. В течение месяца К.А.П. был переведен на домашний арест, который заменен на запрет выезда из страны пребывания. В октябре 2009 г. Верховный суд Итальянской Республики отменил решение апелляционного суда Флоренции и постановил, что условия для выдачи заявителя были выполнены, распорядился о предварительном заключении К.А.П. Однако за две недели до рассмотрения дела Верховным судом К.А.П. выехал на территорию Королевства Марокко. В январе 2010 года он был задержан в г. Танжер, помещен под стражу для выдачи в Российской Федерации в г. Сале, где подал жалобу в Комитет против пыток ООН, в которой он утверждал, что экстрадиция в Российскую Федерацию повлечет за собой нарушения его прав. Через два месяца Верховный суд Марокко разрешил выдачу К.А.П., которая, ввиду отсутствия какого-либо двустороннего или многостороннего соглашения, состоялась на основании принципа взаимности, предусмотренного законами

---

¹ Там же. С. 10.

² См.: Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. Уголовное дело № 452309 (1-3/2013).

обоих государств. 14 мая 2011 г. состоялась передача К.А.П. представителям России.

Комитет против пыток 25 ноября 2011 г. принял решение, в котором установил нарушение государством-участником (Королевством Марокко) ст. 3 Конвенции против пыток, посчитав, что существуют серьезные основания полагать, что в случае выдачи К.А.П. может угрожать применение пыток по возвращении в Российскую Федерацию. Комитет отметил, что «получение дипломатических заверений в данных конкретных обстоятельствах не является достаточным для того, чтобы оградить заявителя от этого явного риска, также в свете их общего и неконкретного характера и того, что они не предусматривают создание контрольного механизма, соответственно, экстрадиция заявителя государством-участником была произведена в нарушение ст. 3 Конвенции» (Согласно докладу Комитета против пыток ООН. Сорок седьмая сессия 31 октября – 25 ноября 2011 года. Сообщение № 428/2010: К. против Марокко). При таких обстоятельствах Комитет против пыток указал на обязанность государства-участника при таких обстоятельствах приостановить процесс выдачи, фактически констатировав незаконность состоявшейся процедуры экстрадиции К.А.П. в Российскую Федерацию¹. Впоследствии, в ходе судебного разбирательства уголовного дела, ссылаясь на решение Комитета против пыток ООН, К.А.П. и его защита отрицали юрисдикцию суда, поскольку арест и выдача были незаконными. Суд же исходил из того, что формально требования о нарушении процедуры выдачи были адресованы не Российской Федерации, а Королевству Марокко, в связи с чем К.А.П. следовало восполнить объем нарушенных прав путем предъявления соответствующих притязаний в порядке, установленном международными судебными органами².

Принцип *male captus bene detentus* предполагает, что суд может установить юрисдикцию над лицом независимо от обстоятельств его ареста³. Практикуемая в США доктрина Кера – Фрисби (названная по фамилиям двух похищенных лиц),

---

¹ См.: Доклад Комитета против пыток: сорок седьмая сессия 31 октября 25 ноября 2011 г. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.refworld.org.ru/pdfid/50a0fa882.pdf> (дата обращения: 03.08.2020).

² См.: Уголовное дело № 1-13/2013 по обвинению К.А.П. // Ленинский районный суд г. Екатеринбурга.

³ См.: Сафаров Н.А. Указ. соч. С. 226.

вне зависимости от способов установления юрисдикции, допускает судебное разбирательство по делу и ограничивает надлежащую правовую процедуру лишь гарантиями справедливого и законного судебного разбирательства¹. Похищения характерны не только для США, но и для Великобритании, Израиля, Франции и других стран². Несмотря на то, что нормативные положения и действующая российская практика не предусматривают, более того, исключают возможность применения похищений, это не значит, что вопросы по проверке законности поступления обвиняемого под российскую юрисдикцию не могут быть поставлены перед национальными и международными судами, как это имело место в уголовном деле в отношении Н.В. Савченко³.

Представляется, что суть изложенной проблемы заключается в когнитивном искажении восприятия одной из сторон экстрадиции требований другой стороны, обусловленной нехваткой исходных сведений, которыми запрашивающая сторона обуславливает законность и обоснованность требований. Прояснить все аспекты выдачи (в том числе наиболее проблемные, которые наверняка поставит выдающая сторона) возможно в ходе процедуры судебного контроля, в котором бы была изложена фактическая сторона дела и оценка сведений, необходимых компетентным органам иностранного государства для более эффективного разрешения. Весомость бы придавало само наличие решения, вынесенного судебным органом запрашивающего государства, с оценкой всех обстоятельств, которые относятся к экстрадиции.

Нормативное регулирование выдачи также должно учитывать уголовно-процессуальные последствия совершения действий, которые могут быть впоследствии основанием для прекращения уголовного дела в случае обмена лицами со ссылкой на закон или международный договор в качестве основания, в связи с выполнением международных договоров и иных обязательств Российской

---

¹ Там же.

² Там же. С. 235.

³ согласно приговора Донецкого районного суда Ростовской области от 21 марта 2016 г., Савченко Н.В. была задержана в г. Воронеже, куда она прибыла, незаконно перейдя границу Российской Федерации, при этом осужденная и ее защита настаивали, что она оказалась в России в результате похищения: ее передали российским силовикам сепаратисты, захватив в плен в Луганске. См.: Обжаловать обвинительный приговор Надежда Савченко не собирается // [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/03/22/634518-prigovor-savchenko> (дата обращения: 18.05.2022).

Федерации¹. *Обмен лицами и интернирование*, в силу своей, по большей части внеправовой природы, пока не способны облечься в надлежащую юридическую оболочку и стать частью уголовного судопроизводства, либо другой отрасли права, однако могут регулироваться специальными нормативными актами, положения которых будут четко отграничивать указанные неправомерные действия от экстрадиции.

Следует отнести к международно-правовым вопросам и механизм взаимодействия (как на основании договора, так и принципа взаимности), предусматривающий ответственность другого государства за отказ в выдаче лица для уголовного преследования в виде зеркальных мер – приостановления экстрадиции до выполнения ранее направленного запроса о выдаче. Е.В. Быкова и В.С. Выскуб полагают, что такой паритет может быть достигнут до совершения экстрадиционных процедур, когда запрашиваемое государство совершает необходимое действие, заручившись обязательством запрашивающего сделать в дальнейшем то же самое². Однако существующая практика выдачи других государств уже была приведена в данной работе, реализуемая КНР³, в понимании которой принцип взаимности должен подтверждаться примером взаимной выдачи, а в случае отказа другого государства в выдаче КНР по ее запросам, выдача по запросам такого государства также не производится.

Невозможно надлежащим образом охватить объем смежных аспектов, связанных с выдачей и отразить детально их проблемные стороны. Однако если обратиться к основному вопросу – эффективности экстрадиционной деятельности России, реализуемой теми юридическими механизмами, которые имеются в современном арсенале, то можно прийти к выводу, что такая деятельность проявляет себя лишь в узком секторе постсоветского пространства с такими государствами как Беларусь, Таджикистан, Узбекистан и Киргизия. С большинством иных государств экстрадиционные отношения либо отсутствуют, либо носят единичный характер.

---

¹ См.: Прошляков А.Д. Указ. соч. С. 245.

² См.: Быкова Е.В., Выскуб В.С. Негативное влияние политических процессов на международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства. Указ. соч. С. 10.

³ См.: Арямов А.А., Чигак А.А. Указ. соч. С. 169.

А.И. Джигирь обозначила проблему неэффективности института выдачи, связанную с низкой результативностью применения экстрадиционных норм на практике. За охваченный указанным автором период (2003-2008 гг.) реальными фактами выдачи лиц, совершивших преступление, завершилось рассмотрение только 50% поступивших в страну запросов, отказ в выдаче имел место в 20% случаев, в отношении остальной части запросов не последовало никаких юридически значимых последствий¹.

Статистические данные, полученные в рамках данного исследования – с 2017 по 2019 гг. показывает, что количество удовлетворенных запросов иностранных государств о выдаче составило в среднем 70% в год. В 2018 г. количество рассмотренных запросов составило – 1127, из них вынесены решения об удовлетворении запросов о выдаче – 793 (71%). Отказано в выдаче по 98 запросам, из них в связи с наличием гражданства Российской Федерации – 23 (24% от общего числа отклоненных)². Данные показатели свидетельствуют об уменьшении процентного соотношения отказов в выдаче по итогам экстрадиционных проверок (по отношению к удовлетворенным запросам), что не говорит в пользу предпочтительной в таких случаях презумпции невыдачи.

Однако главным количественным показателем эффективности выдачи (для правовой системы Российской Федерации) следует считать процентное соотношение российских запросов, направленных в компетентные органы иностранных государств, рассмотрение которых было окончено выдачей лица, обвиняемого российскими правоохранительными органами за указанный период с 2017 по 2019 гг. Так, за 2018 г. было направлено 372 запроса в различные государства, из которых выдачей было окончено 193, то есть процент исполненных запросов составил 52%, из них отказано по 60 запросам, из которых 18 – по иным основаниям (30% из поступивших отказов), т.е. связанных с отсутствием равноценного взаимодействия с правоохранительными и судебными

---

¹ См.: Джигирь А.И. Указ. соч. С. 3-4.

² Справка о сотрудничестве с компетентными органами иностранных государств по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора... Управления экстрадиции Главного управления международно-правового сотрудничества, октябрь 2021 г. Приложение № 2.

органами иностранных государств¹. При этом следует учитывать, что основное количество удовлетворенных запросов Российской Федерации исполнены странами постсоветского пространства, когда основанием выдачи являлась Минская конвенция, тем самым соотношение 70% запросов, удовлетворенных Российской Федерацией и 50% удовлетворенных по российским запросам выглядит более чем диспропорциональным.

В рамках озвученных проблем следует остановиться на том, что представляется самым важным – уравнении выдачи с другими уголовно-процессуальными институтами, то есть распространение на его участников тех же прав и обязанностей (без изъятия из общих положений о правах участников), которые достигаются за счет *расширения пределов судебного контроля*, внедрения положений *об оценке законности* выдачи и распространение *диспозитивности* на всех участников экстрадиционных правоотношений (в том числе компетентных органов и должностных лиц иностранных государств²), то есть создание таких условий, чтобы свой интерес в процедуре выдачи мог реализовать каждый участник, права которого затронуты связанным с выдачей уголовным судопроизводством. Для начала суду должны быть предоставлены полномочия в рамках судебного контроля, внесены изменения в ч. 2 ст. 29 УПК РФ путем дополнения ее п. 14 и закреплении за судом полномочий «о выдаче обвиняемого или осужденного, находящегося на территории иностранного государства, иностранного гражданина или лица без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, обвиняемого в совершении преступления или осужденного судом иностранного государства»³. Таким образом, основанием выдачи будет являться судебное решение, как в случае требования о выдаче по запросам России, так и иностранных государств.

---

¹ См.: Там же.

² К.К. Клевцов полагает, что УПК РФ не выделяет напрямую в качестве субъекта уголовного судопроизводства компетентных органов и должностных лиц иностранных государств, однако его можно вывести посредством правового анализа части 5 УПК РФ и международных договоров, регулирующих международное сотрудничество в сфере уголовного процесса. См.: Клевцов К.К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации. Указ. соч. С. 67-68.

³ См.: Приложение № 1 Проект Федерального закона.

Можно сделать вывод, что ряд процессуальных проблем выдачи разрешается в ходе правоприменительной деятельности путем переноса некоторых процессуальных положений на субъекты выдачи. Наделение таких участников правами на уровне внешнего формального проявления (предоставление процессуальных прав защиты, пользования родным языком, заявление ходатайств, предоставление доказательств, обжалование решений и т.д.), не снимают «статусный» вопрос в его содержательной (не формальной) части, когда речь идет о наличии диспозитивности прав выдаваемого лица в выборе средств защиты. Как отметил П.А. Смирнов, право на защиту может быть реализовано таким участником выдачи «только в самом узком его значении, ограниченном возможностью оспорить некоторые процессуальные действия и решения компетентных органов запрашивающего государства, которые, по сути, вторичны по отношению к ключевым действиям/решениям, принятым в рамках уголовного преследования компетентными органами запрашивающей стороны. Следовательно, такая «защита» никак не влияет на ход уголовного преследования в отношении данного лица (в чем, как представляется, и заключается смысл защиты в уголовном судопроизводстве)»¹. Соответственно, лицо, в отношении которого производится выдача по запросам иностранных государств, не обладает теми же правами, что субъекты уголовного судопроизводства (обвиняемый, подсудимый), несмотря на то, что на уровне правоприменения предпринимаются попытки уравнивать процессуальное положение обвиняемых и экстрадируемых.

Более того, даже в случае внесения в УПК РФ изменений, которые определяют процессуальный статус выдаваемого лица и наделят его процессуальными правами, данная проблема не будет снята, поскольку возможность пользоваться правами в том же объеме, что и подозреваемый (обвиняемый), тем более подсудимый, будет сильно ограничена.

С.Н. Подлесных разделяет пробелы в уголовно-процессуальном законе на мнимые и реальные. Мнимый пробел в праве – это субъективный недостаток,

---

¹ См.: Смирнов П.А. Проблемы процессуально-правового положения лица в рамках экстрадиционных правоотношений. Указ. соч. С. 33.

упущение или отсутствие правового регулирования, существующие в силу логических заключений того или иного исследователя правового материала. Реальный пробел – это пробел в праве, существующий в действительности, вне зависимости от воли исследователя¹. Существующий явный пробел в правовом регулировании, как справедливо отмечают В.П. Кашепов и В.И. Руднев, устраняются Верховным Судом РФ, который создает свои положения в случае пробельности, неясности, противоречивости закона на основе собственной практики и практики других судов общей юрисдикции, поскольку участвует в создании права, формируя свои праворазъяснительные положения с опорой на неписанные правила, сложившиеся в практике правоприменения². Соответственно, все основные аспекты процессуального статуса лиц, подлежащих выдаче, исполняются.

Диспозитивность в уголовном судопроизводстве, которая представляет собой обратную сторону состязательности и является продолжением принципа диспозитивности, А.О. Машовец описывает как предоставление сторонам в уголовном судопроизводстве свободы в формировании и использовании доказательств (выборе средств доказывания своих правоприязаний) и также возложение на них ответственности за акты распоряжения этими доказательствами³. Содержание состязательности, по ее мнению, включает в себя любые непротивоправные действия любого участника процесса, направленные на выдвижение и аргументацию своей позиции по ключевым вопросам, возникающим в процессе расследования и рассмотрения уголовного дела. Ввиду наличия у участников процесса собственных интересов, зачастую полярно противоположных по своей направленности, состязательность присуща не только стадии судебного разбирательства, но и иным стадиям, в том числе досудебной⁴.

---

¹ См.: Подлесных С.Н. Виды пробелов в уголовно-процессуальном праве. Указ. соч. С. 332.

² Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017. С. 391.

³ Машовец А.О. Диспозитивность судебного следствия по уголовному делу // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2013. № 35. С. 115.

⁴ Машовец А.О. Принцип состязательности и его реализация в предварительном следствии: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1994. С. 10-11.

С такой позицией следует согласиться по следующим основаниям. Применительно к запросам о выдаче обвиняемых, положения ст. 460 УПК РФ сформулированы в качестве полномочия российских правоохранительных органов направить запрос иностранному государству о выдаче лица для уголовного преследования. Поскольку это звучит как право, а не обязанность, представляется, что достижение принципа неотвратимости наказания за уголовное преступление будет достигнуто рассмотрением дела в порядке ст. 247 УПК РФ, заочно. Это не в полной мере соответствует назначению уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 6 УПК РФ), поскольку не соотносится с защитой прав лиц и организаций, пострадавших от преступлений. Тот факт, что процедура подготовки, направления запроса, его контроль не являются процессуальными действиями и зависят от воли должностных лиц, непосредственно влияет на процессуальные возможности реализовать свой интерес в деле не только обвиняемому и его защитнику, но и лицам, пострадавшим от совершения преступления и иным заинтересованным лицам¹. Что касается процедуры проверки запросов о выдаче иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся в России, то права таких лиц оспорить законность своей выдачи снижена до возможностей проверки формальной стороны экстрадиции. Соответственно не приходится говорить о состязательности судебной процедуры в том содержании, которое наделяет участника правами защищаться любыми средствами и способами, не запрещенными законом. Соответственно, защита должна быть «своим назначением уголовного судопроизводства направлена не в узком смысле на защиту прав личности, а в широком понимании, чем защита и обеспечение – на охрану ее прав»².

Диспозитивность всегда сопряжена с доказыванием, когда субъект доказывания самостоятельно определяет средства доказывания, тактику их

---

¹ См.: субъектами диспозитивности выступают: подозреваемый, обвиняемый, их защитники и соответствующие законные представители, потерпевшие, частные обвинители, гражданские истцы и ответчики и их представители, которые отстаивают в уголовном судопроизводстве как личный, так и представляемый (защищаемый) интерес. Штоль Д.С. Диспозитивность и ее отдельные проявления в уголовном процессе Российской Федерации. Указ. соч. С. 20.

² См.: Насонова И.А., Гилева А.А. О сущности понятия «защита», используемого в российских уголовно-процессуальных нормах // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3. С. 163.

использования в процессе и несет все связанные с этим риски¹. В соответствии с УПК РСФСР право оценки доказательств принадлежало суду первой инстанции при рассмотрении дела по существу и является итоговым действием, завершающим рассмотрение дела в суде первой инстанции. Поскольку УПК РФ не содержал положений о возможностях промежуточной оценки фактических обстоятельств дела, а суд получил новые права в виде функции судебного контроля, запрет оценки доказательств перешел в новый уголовно-процессуальный закон. Любые высказывания относительно доказанности каких-либо фактических обстоятельств дела являются недопустимыми и могут являться свидетельством предвзятости суда. Что касается оценки обоснованности уголовного преследования по запросам иностранных государств, то возникает проблема вторжения в юрисдикцию другого государства. Тем самым, *de jure* по закону Российской Федерации надлежит выдавать невиновных лиц (в отношении которых не постановлен обвинительный приговор).

Однако даже эта практика не является однозначной, поскольку защита прав выдаваемых лиц требует определенной корректировки и подстройки законодательства под требования международных договоров, тем самым, как пишет Н.А. Сафаров, защита лица, подвергающегося процедуре экстрадиции, производится не напрямую, а как бы «опосредовано», через защиту тех прав, которые предусматривают соответствующие универсальные и региональные международные инструменты². В контексте исследования непосредственное значение имеют результаты рассмотрения конкретных дел, в ходе которых, несмотря на мнимый запрет проверки обстоятельств уголовного преследования в запрашивающем государстве, тем не менее, такая проверка проводилась.

Как упоминалось ранее правовые позиции судов исключают обсуждение вопросов, касающиеся фактических обстоятельств совершенного деяния и виновности или невиновности ограничиваясь лишь проверкой соответствия решения о выдаче данного лица законодательству и международным договорам

---

¹ См.: Машовец А.О. Диспозитивность судебного следствия по уголовному делу. Указ. соч. С. 118.

² Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве проблемы теории и практики. Указ. соч. С. 135.

Российской Федерации¹. Такие базовые вопросы как правомерность избрания меры пресечения по запросу иностранного государства для уголовного преследования за преступление, которое не является наказуемым по российскому законодательству, либо же на наличие уголовного преследования по политическим мотивам, могут быть затронуты защитой.

Примером выступают фактические обстоятельства, установленные апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г.², которым оставлено без изменения постановление Московского городского суда о признании законным и обоснованным постановления заместителя Генерального прокурора РФ о выдаче Д.В.П. правоохранительным органам Республики Беларусь для привлечения к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 210 УК Республики Беларусь (хищение путем злоупотребления служебными полномочиями в крупном размере), об отказе в выдаче для привлечения его же к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 243, ст. 242 УК Республики Беларусь (уклонение от уплаты сумм налогов, сборов и уклонение от погашения кредиторской задолженности). Было установлено, что преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 210 УК Республики Беларусь, является уголовно наказуемым и по уголовному законодательству Российской Федерации, и соответствует ч. 3 ст. 160 УК РФ. Однако защита указывала на необоснованность уголовного преследования Д.В.П., поскольку в момент совершения инкриминированного ему преступления он являлся единственным собственником имущества юридического лица ОДО «НТ» в связи с выходом другого лица из состава учредителей. Соответственно, он мог принимать решения по распоряжению принадлежащим ОДО «НТ» имуществом самостоятельно, а его действия не могли быть уголовно наказуемы по ст. 160 УК РФ. Судебная коллегия, исследовав фактические обстоятельства инкриминированного Д.В.П. противоправного деяния, отметила, что по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь по обязательствам общества несет

---

¹ См.: Материалы производства № 5-АПУ 18-15 отношении М.С.М. о его экстрадиции в Республику Армения.

² См.: Материалы производства № 5-АПУ 19-81 в отношении Д.В.П., гражданина Республики Беларусь о его экстрадиции в Республику Беларусь // Архив Верховного Суда РФ, 2019 г.

ответственность само общество всем принадлежащим ему имуществом, а имущество на праве собственности принадлежит обществу, а не его учредителям. Кроме того, было установлено, что изменения в состав учредителей были внесены уже после окончания совершения преступления, инкриминированного Д.В.П.

Другим примером, когда суд вторгается в оценку обоснованности уголовного преследования в связи с вопросами, поставленным стороной по делу, являются фактические обстоятельства, установленные апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17 сентября 2019 г.¹, которым оставлено без изменения постановление Московского городского суда о выдаче З.Д.О. правоохранительным органам Республики Беларусь для привлечения к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ч. 4 ст. 209 УК Республики Беларусь (по фактам хищений денежных средств у 104 граждан), по ч. 3 ст. 209 УК Республики Беларусь (по фактам хищений у потерпевших А.О.А. и К.Л.Н.). Кроме того, отказано в выдаче З.Д.О. для привлечения к уголовной ответственности за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 209 УК Республики Беларусь. Проверяя доводы защиты, судебная коллегия оценила обстоятельства совершения преступления в отношении потерпевших А.О.А. и К.Л.Н. и пришла к выводу, что преступлением причинен значительный ущерб, установив, что при квалификации деяний по ч. 2 ст. 159 УК РФ сроки давности совершения указанных преступлений не истекли. Также были исследованы обстоятельства совершения мошеннических действий в отношении 104 граждан, которые соответствуют ч. 3 ст. 159 УК РФ, и судебная коллегия пришла к выводу, что они не связаны со сферой предпринимательской деятельности.

Однако такая практика является по своей распространенности скорее исключительной, а лицо, выдаваемое по запросу иностранного государства, обладает процессуальным статусом, близким по своему содержанию к статусу осужденного лица, в отношении которого постановлен обвинительный приговор,

---

¹ См.: Материалы производства № 5-АПУ 19-64 в отношении З.Д.О., гражданина Республики Беларусь о его экстрадиции в Республику Беларусь // Архив Верховного Суда РФ, 2019 г.

признанный законным всеми вышестоящими судебными инстанциями. Осужденный может в судебном порядке обращаться за судебной защитой в любых вопросах, предоставленных ему законом, однако он не может затрагивать вопросы своей виновности и законности принятого судебного решения, в отношении которых предусмотрена специальная процедура обжалования (апелляция, кассация, надзор). В том случае, если осужденный такие вопросы затронет, то суд оставит его доводы без рассмотрения и разъяснит право обратиться с жалобой в пределах доступных ему исключительных стадий уголовного судопроизводства.

Процессуальное положение лица, в отношении которого направлен запрос о выдаче и взятого под стражу (в качестве моделирования его фактического положения), равно положению осужденного обвинительным приговором, несмотря на то, что такое лицо является невиновным в соответствии со ст. 49 Конституции РФ. Тем не менее, суд в ответ на его доводы о невиновности укажет, что в ходе рассмотрения вопроса об экстрадиции суд не обсуждает вопросы, касающиеся фактических обстоятельств совершения деяний и виновности лица, правильно ограничившись лишь проверкой соответствия решения о выдаче данного лица законодательству и международным договорам Российской Федерации, в связи с чем, утверждение о непричастности к совершению преступления не может являться предметом проверки суда¹. Таким образом, в системе источников, регулирующих институт выдачи, сложившейся экстрадиционной и судебной практики, лицо, подлежащее выдаче по запросу иностранного государства лишено права доказывать необоснованность экстрадиции, если отсутствуют основания, исключаящие выдачу по российскому законодательству и нормам международного права. Следовательно, даже при наличии разумных сомнений в необоснованности уголовного преследования, например, в случае завуалированной попытки выдачи под видом уголовного преследования за общеуголовное преступление политического оппонента,

---

¹ Материалы производства № 5-АПУ 19-66 в отношении Ю.М. (М.М.) Г. (Г.), гражданина Республики Таджикистан о его экстрадиции в Республику Таджикистан // Архив Верховного Суда РФ, 2019 г.

отечественные правоприменители будут вынуждены, либо удовлетворить запрос и выдать, либо изыскивать иные причины для отказа в соответствии с правилами выдачи. Как справедливо пишет по поводу априорного отрицания диспозитивности А.О. Машовец: «...такие стереотипы публично-правовой идеологии, характерной для стран с романо-германской правовой системой, мешают разворачиванию состязательности в уголовно-процессуальной сфере...»¹. Таким образом, выдача применяется практиками и рассматривается теоретиками исключительно в публично-правом поле, отделенном от воли и интересов участников уголовного судопроизводства, будучи ограниченной догмой о невмешательстве в суверенитет другого государства, осуществляющего уголовное преследование.

В то же время, расширение диспозитивных начал в экстрадиции может достигаться, в том числе, предоставлением права обжалования, не только самой выдачи, но и решения об отказе в выдаче, вынесенного Генеральным прокурором РФ по итогам экстрадиционной проверки. В этом случае должны быть обеспечены эффективные механизмы уведомления о принятом решении заинтересованных лиц, разъяснении права обжалования и т.д. Этим же целям должно следовать изменение представлений о доказывании в судебной процедуре, рассмотрения вопросов выдачи и применении требований о минимальном стандарте предоставления доказательств обоснованности. Действующая в Российской Федерации административная форма выдачи на всех этапах исключает проверку ее обоснованности и предоставление доказательств *prima facie*. Это сводится к негласному принципу презумпции законности требований иностранного государства по выдаче его гражданина, то есть предполагается, что притязания иностранного государства являются законными и соответствуют требованиям международного права, пока не установлено обратное. В особенности это касается применения положений Минской конвенции 1993 г., поскольку схожесть экстрадиционного законодательства стран

---

¹ Машовец А.О. Диспозитивность судебного следствия по уголовному делу // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2013. №35. С. 115.

СНГ фактически формирует универсальную модель¹, исключая аспект проверки обоснованности выдачи.

Большое значение для проверки обоснованности выдачи в качестве юридического механизма (конструкции) представляет модель формирования доказательств в ходе досудебного производства и предложений по совершенствованию правовой основы его регулирования, предложенная А.С. Александровым². Эта модель послужила основой для переосмысления некоторых уголовно-процессуальных положений и соответствует современному положению требований о доказывании. Т.В. Хмельницкая выводит на этой основе предварительные циклы формирования доказательств, один из которых связан с достижением стандарта для производства процессуальных, следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина. Итогом такого цикла должна стать совокупность фактических данных, которые убеждают суд в обоснованности подозрения конкретного лица в совершении преступления и необходимости получения новых данных, подтверждающих подозрения, посредством следственных действий, ограничивающих его конституционные права и свободы человека и гражданина, или применения к нему мер процессуального принуждения³.

В отличие от стандартов доказывания, о которых говорилось в прошлом разделе⁴, более применимых к исковому гражданскому и уголовному судопроизводству, где стороны пользуются равными правами на всех стадиях, авторы доктринальной модели доказательственного права Российской Федерации, предлагают несколько иной подход, и определяют три вида доказательственных стандартов: «высокая степень вероятности», «вне разумного сомнения», «судебная (процессуальная) истина». Доказательственный стандарт «высокая

---

¹ См.: Джигирь А.И. Регламентация института экстрадиции в законодательстве стран – участниц СНГ: сравнительно-правовой анализ // Пробелы в российском законодательстве. № 1. С. 325.

² См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова: // [Электронный ресурс] URL: <https://www.iuaj.net/node/1766> (дата обращения: 29.11.2022).

³ См.: Хмельницкая Т.В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: дис. канд. юрид. наук: Нижний Новгород, 2016. С. 12.

⁴ См. Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование. Указ. соч. С. 56.

степень вероятности» представляется в виде совокупности доказательств, которые были представлены обвинителем в судебное заседание, убеждающие суд (следственного судью) в том, что если они не будут опровергнуты в процессе судебного разбирательства, то будет вынесен судом обвинительный приговор с высокой степенью вероятности. Именно доказательственный стандарт «высокая степень вероятности» будет являться наименьшим по своей значимости, отправной точкой шкалы доказательственных стандартов¹, в том числе для целей судебного контроля.

Доказательственные стандарты подлежат применению и при направлении запроса Российской Федерации о выдаче обвиняемого, поскольку к этому корреспондирует обязанность предоставить постановление о заключении под стражу в соответствии с ч. 5 ст. 460 УПК РФ. Вынесение постановления в судебном порядке коррелирует со ст. 108 УПК РФ и определяет круг обстоятельств, подлежащих установлению при рассмотрении такого ходатайства о заключении под стражу. В свою очередь правовые позиции высших судов обязывают проверить обоснованность подозрения о возможности причастности запрашиваемого лица к инкриминируемому ему деянию, привести основания для избрания меры пресечения, определить срок заключения под стражу.

В соответствии с доктринальной моделью А.С. Александрова именно стандарт «высокая степень вероятности» соответствует применяемому в настоящее время стандарту *prima facie*, когда речь идет о предоставлении доказательств «на первый взгляд», которые представляет публичный или частный обвинитель, выражая уверенность, что, если они не будут опровергнуты в процессе судебного разбирательства (при этом будут предметом спора между сторонами и оценки суда). Это соотносится с правовой позицией Конституционного Суда РФ в части обязанности на стадии судебного контроля предоставить суду убедительные *prima facie* (на первый взгляд) доказательства в обоснование допустимости избрания заключения под стражу (продления срока содержания под стражей), подтверждающие наличие события преступления, его

---

¹ Хмельницкая Т.В. Указ. соч. С. 64.

квалификацию, причастность подозреваемого, обвиняемого к его совершению¹. Применение более высокого стандарта доказывания на досудебных стадиях, в соответствии с доктринальной моделью, не представляется возможным, поскольку стандарты «вне разумного сомнения» и «судебная (процессуальная) истина» относятся к судебным стадиям рассмотрения дела (постановление приговора и придание ему законности соответственно²).

Таким образом, в процедуру выдачи необходимо включить аспект связанный с проверкой обоснованности причастности запрашиваемого к выдаче лица к инкриминируемому ему противоправному деянию, который должен реализовываться в системе уголовно-процессуальных норм двумя путями: 1) обязанность предоставить материалы в подтверждение обоснованности причастности обвиняемого к инкриминируемому ему деянию (по запросам правоохранительных органов Российской Федерации); 2) дополнением нормы обязанностью суда, при наличии заявления со стороны защиты дать оценку наличию обстоятельств, указывающих на обоснованность подозрения лица в совершении причастности его в совершении инкриминируемого ему деяния (по запросам о выдаче иностранных государств).

Взаимозависимость разрешения процедур выдачи и предоставления убежища является еще одним важным вопросом, который активно обсуждается, как в приведенных выше исследованиях, так и затрагивалось на законодательном уровне с перспективой возможных изменений в УПК РФ (запрет на выдачу лица, подавшего ходатайство о признании беженцем или о предоставлении временного убежища³). Актуальность обусловлена в первую очередь тем, что предоставление убежища либо статуса беженца делает невозможным реализацию государством своей юрисдикции над совершенным преступлением⁴, соответственно, при отсутствии оснований отказа в выдаче, институт *jus asuli* является гарантией

---

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2018 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 14. Ст. 2027.

² Хмельницкая Т.В. Указ. соч. С. 64.

³ См. Проект Федерального закона 67509-7: // [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/67509-7> (дата обращения: 12.10.2020).

⁴ См. Малов А.А. Эволюция правозащитной функции института экстрадиции. Указ. соч. С. 50.

законности действий государства, выносящего отказ, в том числе на уровне оценки такого отказа международными организациями. Однако убежище субъектам экстрадиции предоставляется крайне избирательно, а процедуры являются тяжеловесными, по этой причине судебная практика, с одной стороны выявляет и устраняет изъяны уголовного судопроизводства, с другой – развивается в общепринятом режиме отказа в соотношении таких процедур и отказа в приостановления выдачи до окончания рассмотрения вопроса о предоставлении убежища. Так, постановлением судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 июля 2019 г. признано законным решение Московского городского суда о выдаче гражданина Социалистической Республики Вьетнам Т.Т.А. правоохранительным органам Республики Беларусь для привлечения к уголовной ответственности¹. Из решения следует, что 10 апреля 2019 г. он обратился с ходатайством о предоставлении статуса беженца, которое не было разрешено на момент принятия решения о выдаче. Данное обстоятельство не помешало суду первой инстанции вынести законное решение. Как отметила судебная коллегия, Т.Т.А. обратился с ходатайством спустя длительное время после задержания в связи с разрешением вопроса об экстрадиции, таким образом, судом дана надлежащая оценка, которая не противоречит положениям ст. 463 УПК РФ и не препятствует выдаче. Кроме того, интересы выдачи явно преобладают над правом убежища и гарантиями, которые предоставляет соответствующий статус (беженца). К примеру, постановлением Оренбургского областного суда от 27 ноября 2017 г. удовлетворено ходатайство о выдаче П.С.Р. правоохранительным органам Украины для привлечения к уголовной ответственности². 5 декабря 2016 г. данному лицу было предоставлено временное убежище в связи с подтвержденными фактами систематических попыток призвать его в ряды националистических батальонов, воюющих с Донецкой и Луганской республиками. Отмена решения о предоставлении временного убежища вышестоящим органом УФМС была инициирована в ходе

¹ Материалы производства № 5-АПУ 19-52 в отношении Т.Т.А., гражданина Вьетнамской Социалистической Республики о его экстрадиции в Республику Беларусь // Архив Верховного Суда РФ, 2019 г.

² См.: Материалы производства № 47-АПУ 18-1 в отношении П.С.Р., гражданина Украины о его экстрадиции в Украину // Архив Верховного Суда РФ, 2017 г.

экстрадиционной проверки (4 мая 2017 г.). На момент принятия заместителем Генерального прокурора РФ решения о выдаче (24 марта 2017 г.) П.С.Р. по-прежнему обладал статусом беженца.

По итогам рассмотрения ЕСПЧ упоминаемого выше дела «Алланазарова против Российской Федерации», стал очевидным различный подход к трактовке основания отказа в выдаче, оговариваемого отечественным уголовно-процессуальным законом, и предусмотренного ст. 3 Конвенции о защите прав и основных свобод. Так, п. 2 ч. 1 ст. 464 УПК РФ предусматривает отказ в выдаче, если лицу, в отношении которого поступил запрос иностранного государства о выдаче, предоставлено убежище в России в связи с возможностью преследований в данном государстве по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или по политическим убеждениям. И если для национального законодательства это достижение формального результата по итогам процедуры, не отвечающей требованию о тщательной проверке обстоятельств, которые являются для предоставления данного статуса¹, то для ЕСПЧ это вопрос субъективной оценки правоприменителем наличия или отсутствия реальной угрозы для личности в запрашиваемом государстве в случае его выдачи. Соответственно в случае с Н.И. Алланазаровой для российских правоприменителей не было предмета рассмотрения данного вопроса по причине отсутствия у нее статуса беженца, однако это не соответствовало международной практике, где учитываются конкретные условия, существующие у заявителя и которые делают его уязвимым, например, участие его в прежнем режиме, его аффилированность определенными группами, которые подвергаются отдельному насилию². Помимо сложности и тяжеловесности процедуры признания беженцем, проверку осложняет тот факт, что убежище и выдача – это неоднородные процедуры, реализуемые различными структурами (органы прокуратуры и миграционные подразделения соответственно), в которых никто не учитывает позицию другой стороны,

¹ См.: Булатов Р.Б., Андрейцо С.Ю. Реализация прав иностранных граждан в России: вынужденная миграция, административная ответственность // Миграционное право. 2021 № 1. С. 9.

² См.: Голубок С.А. Практика защиты лиц, ищущих убежище, и мигрантов с использованием международных механизмов // Материалы 29-го и 30-го семинаров сети «Миграция и Право». «Р Валент». М. 2011. С. 60.

проверка и доказывание проводится параллельно, на основании различных сведений они не могут влиять друг на друга.

Представляется правильным установить запрет на выдачу, если лицо, в отношении которого поступил запрос иностранного государства о выдаче, обратилось с ходатайством о предоставлении ему временного убежища на территории Российской Федерации. При этом не должен учитываться фактор подачи такого ходатайства в связи с поступлением запроса о выдаче в качестве дискредитирующего обстоятельства (как в деле Н.И. Алланазаровой¹). В случае же подачи ходатайства в период экстрадиционной проверки представляется необходимым установить законодательный запрет направления в суд экстрадиционных материалов до принятия решения по такому ходатайству.

Думается, установление оснований для предоставления убежища должно быть частью экстрадиционной проверки и обязательной судебной процедуры проверки законности выдачи. В то же время выявление оснований для предоставления убежища должно производиться до, или в период проведения экстрадиционной проверки, а не в связи с решением, принятым по ее итогам. Соответственно постановка таких вопросов уже в ходе судебного производства по вопросам выдачи не должна являться препятствием к судебному производству, либо в случае состоявшейся подачи такого ходатайства в момент поступления материалов в суд, они должны быть возвращены для окончания производства экстрадиционной проверки по вопросу убежища.

Выдача путем лишения дипломатического иммунитета должна быть исключена, поскольку такие действия противоречат существующему уголовно-процессуальному порядку производства в отношении лиц, наделенных иммунитетом от уголовного преследования. Как справедливо отмечает В.Ю. Стельмах: «иммунитет предоставлен субъектам, выполняющим определенные виды публично-правовой деятельности, перечень которых закреплен в ст. 447

---

¹ Из решения следует, что 19 июля 2014 г. заявительница была задержана, а 14 августа 2014 г. подала ходатайство о признании ее беженцем. 05 декабря 2014 г. было принято решение об отказе в признании ее беженцем с указанием, что до прибытия в Российскую Федерацию заявительница проживала в Туркменистане, где по-прежнему проживали ее мать и сестра. См.: Постановление Европейского суда по правам человека от 14 февраля 2017 г. «Дело “Алланазарова (Allanazarova) против Российской Федерации”» (жалоба № 46721/15) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 2.

УПК РФ»¹. Лица, наделенные дипломатическим иммунитетом, не включены в указанный перечень, поскольку предполагается, что они находятся под защитой норм международного права, являясь гражданами Российской Федерации.

Подводя итоги хотелось бы согласиться с тем, что концепция выдачи преступников как концепция экстрадиции постепенно уточняется и модифицируется². Наиболее важные изменения для выдачи как уголовно-процессуального института свершились с принятием УПК РФ, в котором гл. 54 была введена в действие с 1 июля 2002 г.³. Следующей серьезной вехой стало разъяснение ряда спорных вопросов выдачи Пленумом Верховного Суда РФ, изложенных в постановлении от 14 июня 2012 г. № 11. После этого выдача по российскому уголовно-процессуальному закону находится в неизменном состоянии.

Таким образом, необходимо сделать выводы относительно уголовно-процессуального содержания института выдачи по УПК РФ и перспективах его развития.

Основные проблемы выдачи связаны с отсутствием регламентированного правового положения участников и их процессуальных прав, что обуславливает ограничение права на защиту субъектов выдачи и защиту своих интересов в уголовном деле других участников, вовлеченных в экстрадиционные правоотношения. Действующее регулирование ограничивает права выдаваемого лица на проверку законности его выдачи в той части, которая не соотносится с нормативным регулированием по законодательству Российской Федерации (например, при нерассмотренном обращении о признании беженцем), а также не позволяет оценить выдачу на предмет ее обоснованности (в части проверки законности уголовного преследования и обоснованности подозрения о причастности к инкриминируемому деянию). Кроме того, в отношении субъекта

---

¹ Стельмах В.Ю. Соотношение доследственной проверки и лишения неприкосновенности от уголовного преследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 133.

² См.: Марченко А.В. Проблемы развития и становления института выдачи (экстрадиции) в России: историко-правовой аспект. Указ. соч. С. 54.

³ См.: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ (ред. от 23 июня 2016 г.) «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001 г. № 52.

выдачи не предусмотрены защитительные нормы, которые бы препятствовали его выдаче в рамках иных (схожих) процедур передачи, представляющих собой «завуалированную» выдачу.

Полнота права на защиту субъектов экстрадиции, должна быть реализована за счет обязательных судебных процедур, включающих проверку выдачи на соответствие международным нормам (основополагающим правилам выдачи), нормам международного права и внутригосударственному законодательству. Это обеспечит повышение качества состязательности с помощью частичного отказа от розыскной административной процедуры, действующей в настоящее время.

Отсутствие возможности распорядиться своими правами у субъекта экстрадиции также распространяется на других участников уголовного судопроизводства, заинтересованных в ее исходе (потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, иные лица и т.д.), которые не могут каким-либо образом повлиять на прохождение процедур. Данное упущение предлагается устранить за счет расширения состава участников и введения процессуальной нормы, наделяющей правом участия в судебном заседании любых лиц, чьи интересы затрагиваются.

Серьезной (процедурной) проблемой выдачи является ее неизбежная длительность, которую нельзя ускорить даже в случае наличия согласия на выдачу, которая бы исключила излишне длительный срок содержания под стражей ввиду тяжеловесности процедур. В этом случае согласие на упрощенную выдачу (по аналогии с ЕОА¹) должно быть удостоверено судом. Такой процессуальный механизм предлагается обеспечить специальной нормой в виде *удостоверения согласия лица на выдачу по запросу иностранного государства*, которое будет представлено в рамках одного из процессуальных решений, принимаемых судом по итогам обязательной процедуры судебного контроля.

Регулирование выдачи подозреваемых и обвиняемых по запросам российских правоохранительных органов, представлена в виде *розыскной* модели

---

¹ См: ст. 13 Согласие на выдачу: Рамочное решение совета Европы от 13 июня 2002 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/2568277/> (дата обращения 06.11.2020).

уголовного судопроизводства. Действующие положения не позволяют лицу, находящемуся на территории иностранного государства оспорить такое требование в судебном разбирательстве, кроме того, отсутствует правомочие требовать проведения проверки обоснованности его выдачи. Предложение, изложенное в настоящей работе, заключается в установлении обязанности суда при рассмотрении ходатайства в отношении запрашиваемого лица, находящегося на территории иностранного государства принимать все необходимые меры, позволяющие данному лицу донести до суда свою позицию по ходатайству о выдаче. Такое право может быть реализовано посредством видео-конференц-связи, участия представителя, направления письменных возражений¹.

Что касается проверки обоснованности выдачи, то представляется, что наличие данного запрета в системе уголовно-процессуальных норм своего назначения не оправдывает. Как пишет И.А. Насонова, «запреты гарантируют реализацию принципов уголовного судопроизводства, в результате чего обеспечиваются как интересы рассмотрения дела в суде, так и права лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальные правоотношения»². В данном случае имеет место перекосяк не пользу прав лиц, запрашиваемых к выдаче. Снятие запрета на расследование является главным аспектом, который способен повлиять на законность выдачи в ее глубинном смысле, когда она перестанет быть карательным средством и предстанет в виде инструмента борьбы с преступностью, а также будет способствовать повышению качества взаимодействия правоохранительных и судебных органов в сфере экстрадиции.

Идеи для практического разрешения перечисленных проблем представлены в виде проекта Федерального закона о внесении изменений в ряд положений УПК РФ, являющегося приложением к настоящей работе.

---

¹ В данном случае проводится аналогия с правовой позицией Верховного Суда РФ, согласно которой осужденным, отбывающим уголовное наказание в виде лишения свободы и заявившим ходатайство об участии в судебном разбирательстве по жалобе (в порядке ст. 125 УПК РФ), суд может обеспечить реализацию права заявителя довести до сведения суда свою позицию по рассматриваемой жалобе путем допуска к участию в судебном заседании его адвоката и (или) законного представителя, принятия письменных обращений, предоставления права обжалования принятого судебного решения, а также другими, предусмотренными законом способами. См.: абз. 2 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 4.

² Насонова И.А., Халимоненко С.С. Запрет в уголовно-процессуальном праве России. Указ. соч. С. 135.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования представляется возможным сделать выводы теоретического характера, а также сформулировать и обосновать положения, необходимые для изменения выдачи в уголовно-процессуальном законодательстве, в целях повышения гарантий участников и увеличения эффективности экстрадиционных процедур.

1. Диалогичность выдачи, как правового явления¹ заключается в единстве и противоположности идеалистических представлений об этом институте (презумпции невыдачи, соблюдении прав индивида, гарантии защиты от преследования за преступления политического характера и т.д.) и фактически проявленного юридического механизма ее реализации (формальный подход, запрет расследования, ограниченные возможности доказывания). Они находятся во взаимодействии, баланс которого обеспечивается за счет гибкости уголовно-процессуальных норм и возможности судебной защиты. Прояснение противоречий осуществляется через противопоставление спорных аспектов экстрадиционных правоотношений для достижения их оптимального баланса.

2. Анализ исторического развития уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих в связи с выдачей, показывает значимость и необходимость процедурного аспекта, реализуемого в порядке уголовного судопроизводства. Такой порядок является гарантией соблюдения законности и прав участников, исключает правовой произвол, который, как показывают исторические примеры, подрывает доверие к институтам государственной власти, ставит под сомнение их легитимность. Правогенез можно разделить на следующие периоды: с древних времен – до 1864 г. в рамках международных обычаев, затем международного права при отсутствии процедурного аспекта; с 1864 г. – до 1911 г. – период формирования выдачи как уголовно-процессуального института; с 1911 г. – до 2002 г. – реализация выдачи по правилам уголовно-процессуального закона или с применением уголовно-процессуальных

---

¹ См.: Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания). Указ. соч. С. 297.

механизмов; с 2002 г. – до настоящего времени выдача является уголовно-процессуальным институтом, вопросы других отраслей права включены в его нормативное содержание.

3. Международный договор (двухсторонний, многосторонний, многоформатный) или принцип взаимности являются международно-правовым основанием выдачи. Поводом выдачи является совокупность обстоятельств, подтверждающих причастность запрашиваемого лица к совершению преступления и его уголовное преследование с соблюдением положений внутригосударственного права. Основание и повод выдачи реализуются инструментами уголовного судопроизводства, являются предметом доказывания в ходе экстрадиционной проверки и судебного контроля, поскольку положения договоров могут быть применены том случае, если ряд их условий, например, перечень оснований отказа в выдаче, создают для запрашиваемого лица более выгодную позицию.

К международно-правовым аспектам, связанным с экстрадиционными процедурами относятся такие правовые явления, как выдача путем лишения дипломатического иммунитета, являющаяся одним из способов «завуалированной выдачи», а также экстрадиционные правоотношения, возникающие в условиях вооруженных конфликтов, когда речь ведется об интернировании и обмене лицами. Одним из выводов данного исследования является запрет любых завуалированных способов выдачи, а также невозможность соотнесения «права войны» с нормами уголовно-процессуального права, как противопоставленных друг другу, применимых в исключительных случаях, при невозможности решить конфликт правовыми средствами по принципу признания правил поведения в качестве норматива, а также с учетом III-IV Женевской конвенции, являющейся единственным регулятором.

4. Формирование института выдачи в рамках международного права с учетом континентальной правовой системы, характерной для России, обусловило экстрадицию на основании правил и принципов: исключения политических преступлений, двойной криминальности, специализации, которые реализуются

посредством уголовно-процессуальных механизмов. При этом правило исключения политических преступлений применяется в УПК РФ через институт убежища, и осуществляется только в случае наделения субъекта выдачи специальным статусом беженца в административно-правовом порядке. Отказ в выдаче, в случае угрозы применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, может быть реализован в ходе экстрадиционной и судебной проверки только в случае наличия у субъекта выдачи статуса беженца и иного статуса, приравненного к нему.

Применение правила двойной криминальности должно осуществляться в соответствии со ст. 462 УПК РФ (части 1 и 3) с учетом презумпции невыдачи, то есть отказа в удовлетворении запроса при явных сомнениях в наказуемости деяния по российскому уголовному закону. Такие ситуации возможны при несоответствии диспозиций материальных норм, в том числе предусматривающих административную преюдицию, как условие привлечения к уголовной ответственности. При этом все сомнения в таких случаях должны трактоваться в пользу выдаваемого лица.

Правила *aut dedere aut judicare* и *male captus bene detentus* не регулируются уголовно-процессуальным законом ввиду отказа в их признании на уровне международных правоотношений с участием России, правоприменительной и судебной практики. В то же время представляется разумным обсуждение положений о невозможности исполнения запросов в выдаче государствам, допускающим явно необоснованные отказы в выдаче по российским экстрадиционным запросам, а также осуществления уголовного судопроизводства в отношении лиц, поступивших в распоряжение судебных органов Российской Федерации не в ходе экстрадиционных процедур, а иными способами (захват в ходе боевых действий, выдача третьей страной).

5. По своему правовому содержанию выдача представляет собой смешанный уголовно-правовой институт с преобладанием уголовно-процессуального права, для которого характерны свой перечень участников, специальная судебная процедура, порядок оценки доказательств, правовое

регулирование вопросов по мере пресечения, обжалованию судебных решений и т.д., содержащий в своей структуре элементы уголовного и международного права, необходимые для реализации его задач.

6. Институт выдачи изначально разделен на два вида реализации государством своего верховенства. Реализации уголовного права в пространстве и по кругу лиц – выдача иностранных граждан и лиц без гражданства по запросам иностранных государств; и требование о выдаче лиц – подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, из государств их фактического нахождения. По этой причине всегда необходимо отмечать, о каком виде процедуры идет речь. В первую очередь потому, что объем нормативного регулирования и прав участников в данном случае совершенно разный, равно как и вид юрисдикции, которым руководствуется государство, реализуя такое право.

7. По уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации институт выдачи состоит из двух частей: *обязательной* (досудебной) – рассмотрение административным органом запроса иностранного государства о выдаче («экстрадиционная проверка»), либо же подготовка запроса в компетентный орган иностранного государства для выдачи с целью уголовного преследования на территории России; *факультативной* (судебной) стадии, существующей в виде судебного контроля, которая инициируется в случае обжалования.

8. Проблематика выдачи по законодательству Российской Федерации сгруппирована в двух пунктах:

а) противоречивости основания отказа в выдаче по правилу исключения политических преступлений во взаимосвязи с предоставлением убежища; использования правила «запрета производства расследования» в виде невозможности исполнителя запроса проверить его обоснованность, в том числе причастность запрашиваемого лица к инкриминируемому ему противоправному деянию; ограниченных возможностях участия в экстрадиционных процедурах иных лиц, имеющих свой правовой интерес в уголовном деле (следователь, потерпевший, иные заинтересованные лица, представители иностранного

государства); отсутствии процессуального механизма, позволяющего ускорить выдачу в случае согласия лица, подлежащего выдаче;

б) противоречий в части реализации права кассационного обжалования решения о выдаче во взаимосвязи с моментом передачи лица, в отношении которого вынесено положительное решение; запрета использования скрытой выдачи путем передачи лица под видом иных процедур, лишения дипломатического иммунитета, вынужденного выезда за пределы государства-убежища.

И если проблематика, указанная в пункте «б» может быть полностью или частично устраняется путем разъяснений правовых позиций высших судов, то перечень проблем из пункта «а» возможно восполнить только путем принятия соответствующих законодательных изменений в уголовно-процессуальный закон с последующим приведением в соответствие с ним ведомственных информационно-разъяснительных документов в сфере экстрадиционных правоотношений.

Решение же всего комплекса озвученных проблем в сфере выдачи может быть обеспечено путем фундаментальной перестройки порядка выдачи, в том числе путем придания элемента состязательности и диспозитивности в уголовно-процессуальной процедуре, при которой стадия судебного контроля станет обязательной для направления запроса о выдаче правоохранительными органами России, а также подачи разрешения на выдачу при положительном решении Генерального прокурора РФ по запросу иностранного государства.

До принятия законодательных изменений, которые определяют права субъектов экстрадиционных правоотношений и других лиц, реализующих в деле свой интерес, на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следует оговорить права таких лиц в ходе проведения экстрадиционной проверки и судебного рассмотрения жалоб на решение Генерального прокурора РФ, а также передачи лиц по запросу иностранных государств только после исчерпания всех средств правовой защиты, включая кассационное обжалование выдачи.

Для предотвращения завуалированной или скрытой выдачи предлагается дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»¹ пунктом 21.1 следующего содержания «как превышение должностных полномочий следует расценивать действия должностных лиц, в полномочия которых входит осуществление процедур, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора по запросу иностранных государств осуществляющим такую выдачу вопреки положениям, предусмотренным главой 54 УПК РФ, и осуществляя фактическую выдачу за счет других средств и способов, а также передача такого лица представителям иностранного государства в отсутствие решения Генерального прокурора РФ или его заместителя или судебного решения. Для целей части третьей ст. 286 УК РФ состоявшуюся выдачу лица в нарушении законных процедур следует расценивать как наступление тяжких последствий».

Предложенные изменения и дополнения действующего уголовно-процессуального закона для преодоления всей совокупности противоречий и пробелов института выдачи в УПК РФ сформулированы в Проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (прил. 4).

Настоящая работа не исчерпывает проблем, связанных с преодолением проблем правового характера, возникающих при экстрадиционных правоотношениях. Дальнейшему исследованию подлежат вопросы частного порядка, которые освещались в других исследованиях, в том числе выдача несовершеннолетних² и выдача для применения принудительных мер медицинского характера, процедурные вопросы которых не получили должного внимания.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 12.

² Данный вопрос наиболее полно освещен в исследованиях К.К. Клевцова. См.: Клевцов, К.К. Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, за рубежом // Российский следователь. 2018. № 1. С. 24.

Представляется что не исчерпаны дискуссионные аргументы по поводу принятия нового уголовно-процессуального закона, значительно подвергшегося переформатированию с момента его введения в действие и принятием 322 поправок, из которых 34 обусловлены правовыми позициями Конституционного Суда РФ, поставившего под сомнение конституционность положений действующего УПК РФ¹. Более того, на законодательном рассмотрении находятся десятки законопроектов о его изменении и дополнении. Разработка новой концепции уголовно-процессуального закона, приближенного к реалиям современного общества, возможно, потребует вернуться к обсуждению вопроса о создании специального закона, регулирующего экстрадиционные правоотношения, который будет объединять в своей структуре разрозненные в настоящее время нормы, содержащиеся в отраслях права, кодексах, ведомственных нормативных документах, экстрадиционной и судебной практике. Нормативное объединение положений, регулирующих выдачу, в том числе их международно-правовой и уголовно-процессуальной составляющих, позволит упростить процедуру и снизить возможность юридических ошибок, возникающих в экстрадиционной правоприменительной деятельности.

---

¹ См.: обзор изменений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.02.2022).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конвенция (III) об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. – М.: Юридическая литература. – 1990. – С. 512–569.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2, ст. 163.
3. Европейская конвенция о выдаче 1957 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000 г. – № 23, ст. 2348. (вместе с дополнительным Протоколом (Подписан в Страсбурге 15 октября 1975 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2000 г. – № 9, ст. 12–14, 31–34. European Convention on Extradition. Paris, 13.XII.1957 // [Электронный ресурс] URL: <https://rm.coe.int/1680064587> (дата обращения: 29.04.2020).
4. Договор между СССР и Народной Республикой Албанией об оказании правовой помощи по гражданским, семейно-брачным и уголовным делам, подписанный 30 июня 1958 г. в г. Москве // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 10. – Ст. 72.
5. Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18 апреля 1961 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1964. – № 18, ст. 221.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – М., 1978. – Вып. XXXII.
7. Венская Конвенция о праве международных договоров (заключена в Вене 23 мая 1969 г.) // Сборник международных договоров СССР. – 1988 г. – Выпуск XLII.
8. Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 36, ст. 4465.

9. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20 декабря 1988 г.) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. – Вып. XLVII. – М., 1994. – С. 133–157.

10. Договор между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Москве 22 декабря 1992 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 18, ст. 1598.

11. Типовой договор о выдаче // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. – Нью-Йорк: ООН, 1992.

12. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995 г. – № 17. – Ст. 1472.

13. Дополнительный протокол к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 4, ст. 224.

14. Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (подписан в г. Риге 3 февраля 1993 г.) // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 10.

15. Договор о выдаче между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой – заключен в г. Москве 26 июня 1995 г. – ратифицирован Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 66-ФЗ // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901091> (дата обращения: 19.05.2022).

16. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (заключена в г. Нью-Йорке 15 декабря 1997 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 35.

17. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г.

Москве 17 июня 1999 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 47, ст. 4635.

18. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15 ноября 2000 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 40, ст. 3882.

19. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Кишинев 7 октября 2002 года: // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/901898597> (дата обращения: 12.09.2022).

20. Конвенция о взаимной правовой помощи и выдаче в целях борьбы с терроризмом 16 мая 2008 г. // [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/extradition_mutlegal_assist.shtml (дата обращения: 20.04.2020).

21. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (Постановление Правительства Российской Федерации от 11 июня 2009 г. № 466 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 25, ст. 3086.

22. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11, ст. 1416.

23. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 30 октября 2018 г.) «О судебной системе Российской Федерации»: // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1, ст. 1.

24. Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные

законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции»: // Росс. газета. – 2018. – 31 дек.

25. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30 декабря 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996 г. – № 25. – Ст. 2954.

26. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: в ред. Федерального закона от 2 декабря 2019 г. № 406-ФЗ // Рос. газета. – 2002. – 20 нояб., 2019. – 4 дек.

27. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 441-ФЗ // Рос. газета. – 2001. – 22 дек., 2020. – 5 авг.

28. Рамочное решение совета Европы от 13 июня 2002 г. «О европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами («Council Framework Decision on the European Arrest Warrant and the Surrender Procedures Between Member States»): // [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/2568277/> (дата обращения 06.11.2020).

29. Resolution CM/Res(2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe (16.03.2022) // [Электронный ресурс] URL: <https://rm.coe.int/0900001680a5da51> (дата обращения: 06.06.2022).

30. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995 г. – № 47. – Ст. 4472.

31. Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» // Рос. газета. – 1997. – № 12. – Ст. 425.

32. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – 3 июня.

33. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 34. – Ст. 4029.

34. Федеральный закон от 8 апреля 2000 г. № 48-ФЗ «О ратификации договора между Российской Федерацией и Республикой Индией о выдаче» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 15, ч. 1. – Ст. 1536.

35. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ (ред. от 23 июня 2016 г.) «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52.

36. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2020 г.) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 22. – Ст. 2031.

37. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.

38. Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 99-ФЗ «О ратификации договора между Российской Федерацией и Федеративной Республикой Бразилией о выдаче» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 27, ч. 2. – Ст. 2713.

39. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

40. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4174.

41. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

42. Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 49. – Ст. 6752.

43. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 186-ФЗ «О Чрезвычайном и Полномочном После Российской Федерации в иностранном государстве и Постоянном представителе (представителе, постоянном наблюдателе) Российской Федерации при международной организации (в иностранном государстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26, ч. 1. – Ст. 6752.

44. Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 24. – Ст. 3394.

45. Федеральный закон от 9 ноября 2020 г. № 358-ФЗ «О ратификации договора между Российской Федерацией и Республикой Эквадор о выдаче» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 46. – Ст. 7202.

46. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 452-ФЗ «О ратификации конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 2, ч. 1. – Ст. 21.

47. Федеральный закон от 22 февраля 2022 г. № 15-ФЗ «О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 9, ч. 1. – Ст. 1247.

48. Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 24. – Ст. 3943.

49. Федеральный закон 5 декабря 2022 г. № 482-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Специальным административным районом Гонконг Китайской Народной Республики о взаимной правовой помощи по уголовным делам» // [Электронный ресурс] URL:

<https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050024/> (дата обращения: 15.012023).

50. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 июля 2014 г. № 690 «О предоставлении временного убежища гражданам Украины на территории Российской Федерации в упрощенном порядке» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30. (Часть II). – Ст. 4326.

51. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 1997 г. № 746 «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997 г. – № 30. – Ст. 3601.

52. Указ Президента Российской Федерации от 23 сентября 1999 г. от № 1255с «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» // Рос. газета. – 2002. – 3 апреля.

53. Указ Президента Российской Федерации от 13 июля 2016 г. № 332 «О компетентных органах Российской Федерации, осуществляющих сотрудничество в рамках Договора государств – участников Содружества Независимых Государств о межгосударственном розыске лиц» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 29. – Ст. 4798.

54. Распоряжение Президента Российской Федерации от 10 февраля 2022 г. № 21-рп «О подписании Договора между Российской Федерацией и Королевством Таиланд о выдаче // [Электронный ресурс] URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202100037/> (дата обращения: 28.09.2022).

55. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 13 декабря 1999 г. № 4784-П ГД «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 51. – Ст. 6325.

56. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 13 декабря 1999 г. № 4785-II ГД «О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе» Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 51. – Ст. 6326.

57. Приказ МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971 «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола»: в ред. совместного приказа от 22 сентября 2009 г. // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2006. – № 47.

58. Административный регламент Федеральной миграционной службы по предоставлению государственной услуги по рассмотрению ходатайств о признании беженцем на территории РФ и заявлений о предоставлении временного убежища на территории РФ, утв. Приказом ФМС России от 19 августа 2013 г. № 352 // [Электронный ресурс] URL: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

59. Указание Генпрокуратуры России от 5 марта 2018 г. № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора». Законность. – № 4. – 2018 // [Электронный ресурс] URL: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

60. Приказ МВД России от 11 июня 2019 г. № 376 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по рассмотрению ходатайств о признании беженцем на территории Российской Федерации и заявлений о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации».

Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации // [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.05.2022).

61. Указание Генпрокуратуры России от 9 марта 2022 г. № 133/35 «О порядке организации международного сотрудничества органов Прокуратуры Российской Федерации по вопросам оказания содействия в сфере правоохранительной деятельности» // Законность. – № 5. – 2022 // [Электронный ресурс] URL: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

62. Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 10.03.2020).

63. Закон Российской Империи «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств» // 3 ПСЗ. Т. 31. № 36219. Собрание узаконений. 1912. – 6 января. – Отд. I. — Ст. 41.

64. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) // Известия ВЦИК. – 1923. – № 37.

65. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 592.

66. Закон СССР от 30 ноября 1979 г. «Об адвокатуре СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1979. – № 49. – Ст. 846.

67. Закон РСФСР от 20 ноября 1980 г. «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» (вместе с положением об адвокатуре РСФСР) // Свод законов РСФСР. – 1980. – т. 8, с. 145.

68. Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9132-ХІ «О мерах по выполнению международных договоров СССР о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» // Свод законов СССР. – 1990. – т. 10. – Ст. 162.

69. Закон о гражданстве СССР от 23 мая 1990 г. // [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/765700170/> (дата обращения 02.06.2021).

70. Закон Российской Федерации от 16 июля 1993 г. № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33, ст. 1313.

71. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ (в части совершенствования процедуры выдачи лиц по запросу иностранного государства для уголовного преследования или исполнения приговора: Проект Федерального закона 67509-7 // [Электронный ресурс] URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/67509-7> (дата обращения: 12.10.2020).

Монографии, учебные пособия

72. Алексеев, С.С. Философия права и теория права / С.С. Алексеев. – Собрание сочинений в 10 т. – Статут. – Москва. 2010. т. 7. – 320 с.

73. Анализ международных договоров и российского законодательства в сфере передачи осужденных и экстрадиции: учебное пособие / А.В. Степанов [и др.]. – Пермь: ФКОУ ВПО Пермский институт ФСИН России. – 2014. – 106 с.

74. Ананьева, Е.В. От «нового лейборизма» к «прогрессивному консерватизму». Доклады Института Европы № 293 / Е.В. Ананьева – М.: Ин-т Европы РАН: Рус. сувенир, – 2013. – 142 с.

75. Бастрыкин, А.И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права / А.И. Бастрыкин. – Ленинград: ЛГУ, 1986. – 133 с.

76. Безлепкин, Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие. 9-е изд., перераб. и доп. М.: – Проспект. – 2018. – 304 с.

77. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Биографический очерк и перевод М.М. Исаева. – М. – 1939. – 412 с.

78. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Перевод Е. Руткевич. М.: – «Медиум», 1995. – 323 с.

79. Бойцов, А.И. Выдача преступников / А.И. Бойцов – «Юридический центр», (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса). – ООО «ЛитРес». – 2004. – 68 с.

81. Валеев, Р.М. Выдача преступников в современном уголовном праве (некоторые вопросы теории и практики) / Р.М. Валеев. – Казань. – 1976. – 108 с.

82. Вандышев, В.В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части / В.В. Вандышев. – М. – 2010. – 181 с.

83. Волженкина, В.М. Выдача в российском уголовном процессе. / В.М. Волженкина. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 336 с.

84. Волженкина, В.М. Применение норм международного права в российском уголовном процессе / В.М. Волженкина. – Учебное пособие. СПб. – 1997. – 88 с.

85. Галенская, Л.Н. Международная борьба с преступностью. / Л.Н. Галенская. Издательство «Международные отношения». – Москва. 1972. – 151 с.

86. Гримм, Д.Д. Лекции по догме римского права / под ред. и предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. – 495 с.

87. Гроций, Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций. – М.: Ладомир, 1994. – 870 с.

88. Давлетов, А.А. Уголовное судопроизводство в Российской Федерации / А.А. Давлетов. Курс лекций. Издание 2-е. – Екатеринбург, 2013. – 328 с.

89. Дегай, П. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства / Соч. П. Дегай: тип. М-ва гос. имущества, 1847. – 338 с.

90. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова // [Электронный ресурс] URL: <https://www.iuaj.net/node/1766> (дата обращения: 29.11.2022).

92. Звирбуль, В.К., Шупилов В.П. О некоторых тенденциях в развитии криминологии (По материалам VI Международного криминологического

конгресса) / В.К. Звирбуль, В.П. Шупилов // Типография УПП МИД СССР. – Москва – 1973. 64 с.

93. История дипломатии: [сб.] / сост. А. Лактионов. – М.: АСТ. – 2005. – 943 с.

94. Каламкарян, Р.А., Мигачев, Ю.И. Международное право: Учебник. – М.: Изд-во Эксмо. – 2004. – 688 с.

95. Кафенгауз, Б. Внешняя политика России при Петре I. / Б. Кафенгауз / ОГИЗ Госполитиздат. – МОСКВА. – 1942. – 87 с.

96. Клевцов, К.К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации: монография / К.К. Клевцов / под ред. канд. юрид. наук, доц. А.М. Багмета. – М.: Юрлитинформ., 2018. – 280 с.

97. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М., 2016. – Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

98. Князева, Е.Н. Философия науки. Междисциплинарные стратегии исследований: учебник для бакалавриата и магистратуры / Е.Н. Князева. – М. – Издательство Юрайт. – 2019. – 289 с.

99. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. – СПб. – 2003. – 647 с.

100. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут. – 2016. – 1278 с.

101. Лазутин, Л.А. Правовая помощь по уголовным делам как межотраслевой нормативный комплекс: Монография / Л.А. Лазутин. – Екатеринбург. Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2004. – 404 с.

102. Лебедев, В.М. Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии: учеб. Пособие / рос. Аккад. Правосудия. – М., 2001. – 160 с.

103. Леншин, С.И. Правовой режим вооруженных конфликтов и международное гуманитарное право: Монография / С.И. Леншин. М.: За права военнослужащих. – 2009. – 240 с.

104. Лукашук, И.И., Наумов, А.В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве: Учеб.-практ. пособие. – М., 1998. – 160 с.

105. Мартенс, Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. В 15 томах / Ф.Ф. Мартенс / СПб. – 1874. – Т. 1. – 311 с.

106. Мартенс, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Ф.Ф. Мартенс. – Санкт-Петербург. – Том 2. – 1883. – 536 с.

107. Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / А.Х. Абашидзе, З.Г. Алиев, К.Ф. Амиров и др.; под ред. Р.М. Валеева. М.: Статут. – 2011. – 830 с.

108. Международное право. Особенная часть: учебник для вузов / М.В. Андреев, П.Н. Бирюков, Р.М. Валеев и др.; отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М.: Статут. – 2010. – 624 с.

109. Международное право. Общая часть: учебник / Г.Я. Бакирова [и др.]. – М.: Статут, 2011. – 544 с.

110. Международное право. Особенная часть: учебник для вузов / М.В. Андреев, П.Н. Бирюков, Р.М. Валеев и др.; отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М.: – Статут, – 2010. – 624 с.

111. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебник для академического бакалавриата / отв. ред. Р.А. Каламкарян. – М.: Издательство Юрайт. – 2016. – 349 с.

112. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: учебное пособие / В.Ю. Стельмах, А.В. Гусев. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России. 2023. – 139 с.

113. Насонова, И.А., Владимирова Ю.К. Обеспечение уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся

под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 152 с.

114. Насонова, И.А., Халимоненко, С.С. Запрет в уголовно-процессуальном праве России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 176 с.

115. Незнамова, З.А. Коллизии в уголовном праве / З.А. Незнамова. – Екатеринбург. – 1994. – 132 с.

116. Никольский, Д.П. О выдаче преступников по началам международного права / Дмитрий Никольский. – С.-Петербург: – «Типография М. М. Стасюлевича. Вас. Остров», 1884. – 531 с.

117. Общие условия осуществления защиты в уголовном судопроизводстве России: учебное пособие / И.А. Насонова, А.А. Насонов; Воронежский институт МВД России. – Воронеж: Воронежский ин-т МВД России, 2022. – 101 с.

118. Оппенгейм, Л. Международное право / Л. Оппенгейм. Издательство иностранной литературы. Москва. – 1949. – Т. 1, п/т. 2. – 491 с.

119. Покровский, И.А. История римского права / проф. И.А. Покровский / изд. юрид. кн. скл. «Право». Петроград. – 1917. – XVI. – 430 с.

120. Проведение процессуальных проверок сообщений о преступлениях и расследование уголовных дел в отношении лиц, находящихся на территории иностранных государств: сборник методических рекомендаций и информационных материалов / Клевцов К. К. под общ. ред. А.М. Багмета. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2018. – 113 с.

121. Решетнева, Т.В. Экстрадиция полипатридов (проблемы теории и практики) / Т.В. Решетнева / под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Л.Г. Татьяниной. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 224 с.

122. Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные мероприятия / Под ред. Д.М. Гвишиани, М.: – УРСС. – 1997. – 384 с.

123. Русинова, В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах: проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного

права прав человека: монография / 2-е изд., перераб. и доп. М.: – Статут, 2017. – 400 с.

124. Садовский, В.Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ / В.Н. Садовский. – Москва: «Наука», 1974. – 276 с.

125. Саидов, А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) под ред. В.А. Туманова / А.Х. Саидов. – М.: Юристъ, 2003. – 448 с.

126. Сальников, И.В. Комментарий к Федеральному закону от 04 марта 1998 г. № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» (постатейный) / отв. ред. К.А. Ишеков Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». 2008.

127. Сафаров, Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы практики / Н.А. Сафаров. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 416 с.

128. Смирнов, А.В. Модели уголовного процесса / А.В. Смирнов. Монография. СПб.: «Наука», ООО «Издательство «Альфа». – 2000. – 224 с.

129. Строганова, А.К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации / А.К. Строганова – М.: «Издательство «Щит-М», 2005. – 141 с.

130. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1 / М.С. Строгович; АН СССР, Ин-т гос-ва и права. – М.: Наука, 1968. – 470 с.

131. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: – ИГиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017. – 432 с.

132. Судебные уставы 20 ноября 1964 г. (с изложением рассуждений, на которых они основаны) / Издание государственной канцелярии. Часть вторая. СПб. – 1866. – 540 с.

133. Таганцев, Н.С. Лекции по русскому уголовному праву / Вып. 1. – СПб., 1887. – 494 с.

134. Тарасов, Н.Н. Методологические проблемы юридической науки / УрГЮА. Екатеринбург. – 2001. – 103 с.

135. Уголовный процесс: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Спарк, 2002. – 704 с.

136. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов, обучающихся по юридическим специальностям / М.Х. Гельдибаев, В.В. Вандышев. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право. – 2012. – 719 с.

137. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата юридических вузов / О.И. Андреева [и др.]; под ред. О.И. Андреевой, А.Д. Назарова, Н.Г. Стойко и А.Г. Тузова. – Ростов н/д: Феникс, 2015. – 445 с.

138. Уголовный процесс: учебник для бакалавриата и специалитета / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 468 с.

139. Учебник международного права / Dr. А. Ривье, проф. в Брюсселе и генер. консул Швейцарии и Бельгии; Пер. П. Казанского, [и с предисл.] гр. Л. Комаровского, – Москва: тип. И.П. Малышева, 1893. – [4], XII. – 354 с.

140. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства, в 2 т. / И.Я. Фойницкий. – СПб., 1910. – Т. 2. – 583 с.

141. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. – СПб.: А-сad, 1994. – 408 с.

142. Честнов, И.Л. Постклассическая теория права / Монография. И.Л. Честнов – СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс». – 2012. – 650 с.

143. Шаргородский, М.Д. Выдача преступников и право убежища в международном уголовном праве. / М.Д. Шаргородский. Избранные труды. – СПб., Юридический центр Пресс. – 2004. – 657 с.

144. Штиглиц, А. Исследование о выдаче преступников / Тип. бр. Пантелеевых. – Санкт-Петербург. – 1882. – 240 с.

145. Щерба, С.П. и др. / Уголовное преследование лица, не выданного в соответствии с требованиями запрашивающей стороны. – М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ. – 2008. – 75 с.

146. Якубович, Н.А. Избранные труды / [сост. Е.В. Быкова, В.С. Выскуб, А.И. Халиуллин; вступит. ст. Е.В. Быкова]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2020. – 320 с.

147. Roberto Mangabeira Unger. The critical legal studies movement: another time, a greater task./ Verso 2015. – p. 79–80.

Научные статьи

148. Абдуллоев, П.С. Эволюция модели выдачи лиц в рамках международного сотрудничества по уголовным делам / П.С. Абдуллоев // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2018. – № 1. – С. 44–53.

149. Амбарцумян, Г.А. Некоторые проблемы института выдачи лиц для уголовного преследования по законодательству Республики Армения / Г.А. Амбарцумян // Вектор Науки ТГУ. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 1(32). С. 5–9.

150. Арямов, А.А., Чигак, А.А. Отчет о конференции «Международная выдача лиц, совершивших преступление» / А.А. Арямов, А.А. Чигак // Известия высших учебных заведений. Уральский регион: – ИзЛиТ (Челябинск). – 2016 (4). – С. 167–187.

151. Баренбойм, П.Д. Экстрадиция без защиты / П.Д. Баренбойм // Право и экономика. 2013. – № 7. – С. 63–67.

152. Баркалова, Е.В., Макогон А.А. Выдача лица для уголовного преследования: актуальные вопросы теории и практики / Е.В. Баркалова, А.А. Макогон // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 6. – С. 3–6.

153. Бравилова, Е.А. Предмет и пределы судебного контроля за действиями и решениями следователя (дознавателя) / Е.А. Бравилова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 4(38). – С. 136–145.

154. Булатов, Р.Б., Андрейцо, С.Ю. Реализация прав иностранных граждан в России: вынужденная миграция, административная ответственность / Р.Б. Булатов, С.Ю. Андрейцо // Миграционное право. – 2021. – № 1. – С. 7–10.

155. Быкова, Е.В. Пробельные вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства / Е.В. Быкова // Уголовное судопроизводство. – 2009. – № 4. С. 22–24.

156. Быкова, Е.В., Выскуб, В.С. Политическая мотивированность решений об отказе в выдаче как противодействие международному сотрудничеству в борьбе с преступностью / Е.В. Быкова, В.С. Выскуб // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 8. С. 94–98.

157. Быкова, Е.В., Выскуб, В.С. Экстрадиция и права человека: правило «двойной криминальности» / Е.В. Быкова, В.С. Выскуб // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 1. С. 8–9.

158. Быкова, Е.В., Выскуб, В.С. Международное сотрудничество или политика? / Е.В. Быкова, В.С. Выскуб // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 3. С. 3-5.

159. Быкова, Е.В., Выскуб, В.С. Негативное влияние политических процессов на международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства / Е.В. Быкова, В.С. Выскуб // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2020. – № 5. С. 7-10.

160. Вагин, П.А. Розыск лиц, скрывшихся от следствия и суда на территории содружества независимых государств: проблемы и пути их решения / П.А. Вагин // Юридическая наука и правоохранительная практика. № 4(34). – 2015. – С. 148–155.

161. Вениаминов, А.Г. Некоторые вопросы защиты по делам об экстрадиции / А.Г. Вениаминов // Адвокат. – 2010. – № 5. – С. 23–29.

162. Власенко, В.В. Механизм обмена лицами в российском и зарубежном уголовном законодательстве / В.В. Власенко // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2015. – № 6. – С. 9–13.

163. Воропаев, Д.А., Павлов, В.И., Савенок, А.Л. Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики / Д.А. Воропаев, В.И. Павлов,

А.Л. Савенок // Научная жизнь. Санкт-Петербургский государственный университет. – № 62. – Март 2018. – С. 178–204.

164. Выкуб, В.С. Конституция Российской Федерации в свете проблем экстрадиции / В.С. Выкуб // Конституционное и муниципальное право. 2014. – № 8. – С. 23–26.

165. Голубок, С.А. Практика защиты лиц, ищущих убежище, и мигрантов с использованием международных механизмов / С.А. Голубок // Материалы 29-го и 30-го семинаров сети «Миграция и Право». М. – 2011. – С. 51–74.

166. Горичева, В.Л., Левашова, О.В. Политический аспект института экстрадиции в постсоветском пространстве / В.Л. Горичева, О.В. Левашова // Проблемы постсоветского пространства. – 2017. – 4(2). – С. 126–136.

167. Гриненко, А.В. Практика международного сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства / А.В. Гриненко // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 2. – С. 3–4.

168. Гусев А.В., Елфимова Е.В. Совершенствование статуса МВД России в контексте оптимизации структуры и полномочий в сфере международного сотрудничества / А.В. Гусев, Е.В. Елфимова // Вопросы российского и международного права. – 2019. Т. 9. № 4-1. – С. 395–400.

169. Гусев А.В. Конституционные основы юрисдикционного статуса иностранных граждан в Российской Федерации // Актуальные проблемы конституционного права. Сборник научных трудов. Под редакцией А.В. Гусева. – Екатеринбург, 2021. – С. 1–10.

170. Гуськов, И.Ю. Возникновение и становление института экстрадиции в России / И.Ю. Гуськов // Российский следователь. – 2016. – № 5. – С. 7–11.

171. Давлетов, А.А., Азаренок, Н.В. Поворот в практике избрания заключения под стражу в качестве меры пресечения? / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок // Российская юстиция. – 2018. – № 9. – С. 58–60.

172. Джигирь, А.И. Регламентация института экстрадиции в законодательстве стран – участниц СНГ: сравнительно-правовой анализ / А.И. Джигирь // Пробелы в российском законодательстве. – № 1. – С. 325–326.

173. Дикарев, И.С. Правосудие и судебный контроль в уголовном процессе: соотношение понятий // Государство и право. – 2008. – № 2. – С. 45–51.

174. Дмитриева, М.О. Сотрудничество России и Китая в рамках ШОС / М.О. Дмитриева // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IV международной научно-практической конференции. Благовещенск. Издательство БГПУ. – 2014. – С. 445–449.

175. Долгих, Т.Н. Экстрадиция. Понятие и порядок ее осуществления // – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

176. Доржиев, Ж.Б. Правогенез в свете теории самоорганизации // Проблемы и перспективы развития государства и права в XXI веке. Сборник. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

177. Ермолович, Г.П. Отдельные проблемы международного сотрудничества государств по противодействию преступности в современных международных отношениях / Г.П. Ермолович // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2018. – №2(7). – С. 27–35.

178. Зеленцов, А.Б. Судебное санкционирование как институт административно-процессуального права / А.Б. Зеленцов // Административное право и процесс. – 2017. – № 3. – С. 57–64.

179. Зинатуллин, З.З., Зезянов, В.В. Судебная власть и правосудие по уголовным делам: соотношение с судебным контролем // Российский судья. 2005. № 5. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

180. Ивахненко, Е.Н. Трансдисциплинарность в действии / Е.Н. Ивахненко // Философские науки. – 2015. – № 12. – С. 135–139.

181. Ивонин, Ю.Е., Иволина, Л.И. Дипломатия Бранденбурга – Пруссии в начале XVIII века (до битвы под Полтавой) / Ю.Е. Ивонин, Л.И. Иволина // Российский научный журнал. 2009. – № 6(13). – С. 18–31.

182. Ищенко, П.П., Ищенко, Е.П. Ключевые проблемы уголовного судопроизводства / П.П. Ищенко, Е.П. Ищенко // *Lex russica*. – 2016. – № 9. – С. 230–241.

183. Карапетов, А.Г., Косарев, А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А.Г. Карапетов, А.С. Косарев // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. Приложение к Ежемесячному журналу. – 2019. – № 5 (Специальный выпуск). – С. 3–96.

184. Клевцов, К.К. Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, за рубежом / К.К. Клевцов // *Российский следователь*. 2018. – № 1. – С. 23–26.

185. Клевцов, К.К. Как обеспечить право на защиту для подозреваемого (обвиняемого), который находится за рубежом / К.К. Клевцов // *Уголовный процесс*. 2018. – № 4. – С. 80–84.

186. Клевцов, К.К., Смирнов, П.А., Щерба С.П. Система принципов передачи уголовного преследования (судопроизводства) в рамках международного сотрудничества / К.К. Клевцов, П.А. Смирнов, С.П. Щерба // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2018. – № 5. – С. 5-12.

187. Клевцов, К.К. Как привлечь к ответственности «беглого» обвиняемого / К.К. Клевцов // *Уголовный процесс*. 2021. – № 8. – С. 58-61.

188. Клевцов, К.К. Дискуссия о месте международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в системе права / К.К. Клевцов // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2022. – № 2. – С. 6–8.

189. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России / Н.Н. Ковтун // Н. Новгород: Нижегородская правовая академия. Государство и право. – 2002. – С. 116–119.

190. Козубенко, Ю.В. Значение источников международного права в структуре уголовного правоприменительного комплекса / Ю.В. Козубенко // *Российский юридический журнал*. – 2013. – № 6. – С. 78–86.

191. Князева, Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований / Е.Н. Князева // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2011. – № 10 (112). – С. 193–201.
192. Копыткова, Н.В. История развития института экстрадиции / Н.В. Копыткова // Вестник Гродненского университета имени Янки Купалы. Серия 4. – 3(155). – 2013. – С. 92–96.
193. Коротков, Е.А., Манохин, Д.К. Парадигма деконструктивизма: философско-методологический анализ / Е.А. Коротков, Д.К. Манохин // Общественные науки и современность. – № 2. – 2006. – С. 155–166.
194. Кузьминых, А.Л. Международно-правовое регулирование режима военного плена и интернирования во второй половине XIX- первой половине XX в. / А.Л. Кузьминых // Военно-юридический журнал. – 2014. – № 9. – С. 19–27.
195. Кулев, В.К. Человек, развязавший Северную войну / В.К. Кулев // Труды международного симпозиума надежность и качество: Пензенский государственный университет. Т. 2 – 2013. – С. 314–315.
196. Куралбаева, Г.А. Основные конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам в рамках СНГ / Куралбаева, Г.А. // Современные проблемы права, экономики и управления. № 1(6). – 2018. – С. 64–68.
197. Лаптев, А.Н. Безотлагательность рассмотрения судом правомерности содержания под стражей: европейские подходы к российским проблемам / А.Н. Лаптев // Международное правосудие. – 2016. – № 3. – С. 48–63.
198. Ляхов, Е.Г. Экстрадиция и принцип «aut dedere aut judicare»: становление и современные проблемы. / Е.Г. Ляхов // Публичное и частное право. – 2012. – № 2(14). – С. 165–172.
199. Максимов, О.А. Место правового института ходатайств и жалоб в механизме достижения назначения современного российского уголовного процесса / О.А. Максимов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2021. – № 3. – С. 7–9.
200. Малов, А.А. Обжалование в Европейский суд по правам человека и суды РФ решений Генеральной прокуратуры РФ о выдаче другим государствам лиц,

обвиняемых в экстремистской деятельности и терроризме / А.А. Малов // Законность. – 2017. – № 10. – С. 9–14.

201. Малов, А.А. Эволюция правозащитной функции института экстрадиции / А.А. Малов // Законность. 2020. – № 9. – С. 48–52.

202. Матвеева, П.А. Административная преюдиция в уголовном праве как один из факторов увеличения роли административной ответственности / П.А. Матвеева // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2019. – № 2(23). – С. 130–134.

203. Марченко А.В. Проблемы развития и становления института выдачи (экстрадиции) в России: историко-правовой аспект / А.В. Марченко // Российская юстиция. – 2010. № 6. – С. 52–54.

204. Машовец, А.О. Диспозитивность судебного следствия по уголовному делу / А.О. Машовец // Вестник ТвГУ. Серия «Право». – 2013. – № 35. – С. 115–121.

205. Мунь, К.В. Проблемы понятийно-категориального аппарата экстрадиции / К.В. Мунь // Вестник современных исследований. – 2018. – № 9.4(24). – С. 426–428.

206. Насонова И.А., Владимирова Ю.К. О некоторых проблемах обеспечения содержащимся под стражей и отбывающим наказание в виде лишения свободы права на обжалование / И.А. Насонова, Ю.К. Владимирова // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. – № 1. – С. 123–129.

207. Насонова И.А., Халимоненко С.С., О необходимости запрета определенных действий для системы мер пресечениям / И.А. Насонова, С.С. Халимоненко // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 1. – С. 189–194.

208. Насонова И.А., Гилева А.А. О сущности понятия «защита», используемого в российских уголовно-процессуальных нормах / И.А. Насонова, А.А. Гилева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. № 3. – С. 160–164.

209. Насонова И.А., Халимоненко С.С., Проблемы совершенствования запретов в международном сотрудничестве по уголовно-процессуальным вопросам / И.А. Насонова, С.С. Халимоненко // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2022. – № 3(62). – С. 85–94.

210. Никонов, М.А. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу: правовые позиции ЕСПЧ и КС РФ / М.А. Никонов // Уголовный процесс. – 2014. – № 4. – С. 50–61.

211. Обголец, И.А. Европейский ордер на арест и экстрадиция: общие черты и особенности / И.А. Обголец // Российский юридический журнал. – 2020. – № 3. – С. 45–52.

212. Опалева, А.А. Ограничение личной неприкосновенности как результат гармонизации интересов личности, общества и государства / А.А. Опалева // Гражданин и право. – 2009. – № 3. – С. 3–14.

213. Орлов, А.А. Испанское правосудие в тупике / А.А. Орлов // Обозреватель-Observer. – 2010. – № 6. – С. 112–120.

214. Очкасова, И.В. Право убежища как сдерживающий принцип в осуществлении экстрадиции в международных отношениях / И.В. Очкасова // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 488–494.

215. Панов, А.А., Калинин, М.С. Российская арбитражная реформа: два года спустя. Анализ вопросов, поставленных в судебной практике / А.А. Панов, М.С. Калинин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 9. – С. 66–90.

216. Парра Вера, О., Тарре Мосер, П. Обзор судебной практики Межамериканского суда по правам человека за 2015 г. / О. Парра Вера, П. Тарре Мосер // Международное правосудие. – 2016. – № 2. – С. 3–16.

217. Подлесных, С.Н. Виды пробелов в уголовно-процессуальном праве / С.Н. Подлесных // Вестник ВГУ. Серия: право. – 2010. – № 2. – С. 331–340.

218. Плотников, А.В. История становления и развития института экстрадиции в современном международном праве (на примере РФ и США) / А.В. Плотников // Вестник РУДН. – 2009. – № 4. – С. 69–83.

219. Потемкина, О. Трудный путь от экстрадиции к Европейскому ордеру на арест / О. Потемкина // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2010. – № 10. – с. 22–31.

220. Пригожин, И. Философия нестабильности / И. Пригожин // *Вопросы философии*. – 1991. – № 6 – С. 46–52.

221. Ромашев, Ю.С. Признание практики в качестве правовой нормы (*opinio juris*) при формировании международного обычая / Ю.С. Ромашев // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. – 2018. – № 2. – С. 124–148.

222. Румянцева, Я.О. Условия и практика применения Европейского ордера на арест / Я.О. Румянцева // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. – № 2(47). – 2020. – С. 103–109.

223. Русалева, М.С. Теоретические и правовые аспекты европейских и англо-американских стандартов выдачи / М.С. Русалева // *Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»*.

224. Саврыга, К.П. Экстерриториальное применение права на жизнь в международном праве / К.П. Саврыга // *Международное публичное и частное право*. – 2017. – № 3. – С. 7–10.

225. Саматов, О.Ж. Правовая помощь и иные формы правового сотрудничества стран СНГ / О.Ж. Саматов // *Право и политика*. – 2005. № 7. – *Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»*.

226. Сафаров, Н.А. Европейский ордер на арест в механизме правового сотрудничества по уголовным делам стран – членов Европейского Союза / Н.А. Сафаров // *Правоведение*. – 2007. – № 1. – С. 93–111.

227. Севтан, С. Советский след в Анкарском покушении и освещение этого события в советской прессе / С. Севтан // *Государственное управление*. – № 45. – 2014. – С. 302–318.

228. Серeda, Е.В. Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью: проблемы и пути их решения / Е.В. Серeda // *Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки*. Вып. 2. – 2019. – №2 (831). – С. 215–223.

229. Смирнов, П.А. Понятие выдачи как одного из направлений международного сотрудничества по борьбе с преступностью / П.А. Смирнов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2011. – № 1. – С. 3–5.

230. Смирнов, П.А. Проблемы процессуально-правового положения лица в раках экстрадиционных правоотношений / П.А. Смирнов // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 1. – С. 31–36.

231. Соловьев, А.А. Типология уголовного процесса Российской Федерации и ее назначение для формирования системы принципов / А.А. Соловьев // Вестник ТГУ, № 1 (105). – 2012. – С. 247–254.

232. Сорока, А.Б. Право войны и право на войну: теория и практика / А.Б. Сорока // Право Донецкой Народной Республики. – 2017. – № 2. – С. 44–49.

233. Стельмах, В.Ю. Уголовное преследование по запросу иностранного государства: законодательная регламентация в Российской Федерации / В.Ю. Стельмах // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2020. Т. 2. № 1 (2). – С. 238–244.

234. Стельмах, В.Ю. Правовая природа кассационного пересмотра приговора, понятие сплошной и выборочной кассации / В.Ю. Стельмах // Юрист-Правоведь. – 2020. – № 3(94). – С. 98–102.

235. Стельмах, В.Ю. Классификация полномочий Генерального прокурора Российской Федерации / В.Ю. Стельмах // Вестник Сургутского государственного университета. – 2021. № 1 (31). – С. 108–113.

236. Стельмах, В.Ю. Соотношение доследственной проверки и лишения неприкосновенности от уголовного преследования / В.Ю. Стельмах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. № 3 (91). – С. 131–141.

237. Стельмах, В.Ю. Особенности избрания меры пресечения к лицу, в отношении которого решается вопрос об экстрадиции / В.Ю. Стельмах // В сборнике: Стратегия противодействия преступлениям как элемент международной и национальной безопасности. Сборник научных трудов. Под редакцией Н.С. Расуловой. – Екатеринбург, 2021. – С. 184–188.

238. Стельмах, В.Ю. Порядок производства следственных действий по видеоконференц-связи / В.Ю. Стельмах // Российский судья. – 2022. – № 10. – С. 25–29.
239. Струк, Ю.Б. История формирования института выдачи лиц, совершивших преступление / Ю.Б. Струк // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 7. – № 25. – С. 31–38.
240. Табалдиева, В.Ш. Статус суда, осуществляющего контроль за законностью и обоснованностью оказания международной правовой помощи по уголовным делам / В.Ш. Табалдиева // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 29–34.
241. Тарасов, Н.Н. Истина в юридическом исследовании (некоторые методологические проблемы) / Н.Н. Тарасов // Академический журнал. – 2000. – № 1. – С. 4–15.
242. Тарасов, Н.Н. Юридические конструкции в праве и научном исследовании (методологические проблемы) / Н.Н. Тарасов // Российский юридический журнал. – 2000. – № 3(27). – С. 25–36.
243. Таубер, Л.Я. Иск, обвинение и состязательное начало / Л.Я. Таубер // Вестник гражданского права. – 1917. – № 2. – С. 76–100.
244. Толкаченко, А.А. Некоторые уголовно-процессуальные аспекты квалификации преступлений / А.А. Толкаченко // Уголовное право. – 2018. – № 6. – С. 100–111.
245. Томашов, В.В. Историческая трансформация образов России в Великобритании (XVI–XXI вв.) / В.В. Томашов // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2018. – № 4 (46). – С. 5–9.
246. Третьяков, С.В. Субъективное право, как «последняя абстракция» цивилистики: генезис и структурные компоненты классической волевой теории / С.В. Третьяков // Вестник гражданского права. – 2020. – № 2. – С. 18–59.
247. Фалалеев, М. Тот самый Интерпол. Интервью с начальником Национального центрального бюро Интерпола МВД России А. Прокопчуком / М. Фалалеев // Росс. газета. – 2021. – 30 сентября. – С. 10.

248. Царебулев, Я.Ю., Денисова, А.Д. Историко-правовое значение habeas corpus act в развитии английского законодательства / Я.Ю. Царебулев, А.Д. Денисова // Международный журнал естественных и гуманитарных наук. 2019. – 11-3(38). – С. 112–115.

249. Чернавин, Г. Формы философского удивления: Гуссерль и Вигенштейн о самопонятном / Г. Чернавин // Горизонт. – 2017. – 6(2). – С. 164–176.

250. Чучаев, А.И., Крупцов, А.А. Экстрадиция / А.И. Чучаев, А.А. Крупцов // Законность. – 2010. – № 7. – С. 3–4.

251. Шадрина, Е.Г. К вопросу о необходимости расширения допустимых пределов судебного контроля (на примере избрания меры пресечения в виде заключения под стражу) / Е.Г. Шадрина // Российский судья. – 2018. – № 5. – С. 39–43.

252. Щерба, С.П. Международное сотрудничество России в сфере выдачи лиц для уголовного преследования на основе принципа взаимности / С.П. Щерба // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 4. – С. 3–8.

253. Яковенко, Н.А. Особенности характера и содержания труда дипломатических представителей (исторический аспект) / Н.А. Яковенко // Труд и социальные отношения. – 2014. – № 8. – С. 138–147.

254. Якубович, Н., Быкова, Е., Коротеев, Б. Проект Федерального закона «О выдаче (экстрадиции)» / Н. Якубович, Е. Быкова, Б. Коротеев // Уголовное право. – 2000. – № 3. – С. 58–62.

Диссертации и авторефераты диссертаций

255. Адильшайев, Э.А. Судебное санкционирование в уголовном процессе России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Адильшайев Эмиль Айдерович. – Челябинск, 2011. – 30 с.

256. Богданов, А.В. Административная преюдиция в уголовном праве России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Богданов Алексей Викторович. – М., 2019. – 25 с.

257. Васильев, Ю.Г. Институт выдачи преступников (экстрадиции) в современном международном праве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.10 / Васильев Юрий Газимович. – М., 2003. – 24 с.

258. Вениаминов, А.Г. Институт экстрадиции как форма международно-правового сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Вениаминов Андрей Германович. – М., 2010. – 28 с.

259. Волеводз, А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Волеводз Александр Григорьевич. – М., 2002. – 462 с.

260. Гришин, А.С. Организационно-правовой механизм выдачи лиц для уголовного преследования в российском уголовном процессе: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Гришин Алексей Сергеевич. – М., 2010. – 26 с.

261. Гурбанов, Р.А. Взаимодействие судебных органов на европейском пространстве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.10 / Гурбанов Рамин Афад Оглы. – М., 2016. – 54 с.

262. Джигирь, А.И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Джигирь Анна Ивановна. – Краснодар, 2008. – 25 с.

263. Дикарев, И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Дикарев Илья Степанович. – Волгоград, 2004. – 24 с.

264. Зайцев, А.О. Реализация международно-правовых стандартов при принятии решений о заключении под стражу в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Зайцев Александр Олегович. – М., 2017. – 40 с.

265. Клевцов, К.К. Досудебное производство в отношении лиц, уклоняющихся от уголовной ответственности за пределами территории Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Клевцов Кирилл Константинович. – Екатеринбург, 2016. – 27 с.

266. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: дис. докт. юрид. наук: 12.00.09 / Ковтун Николай Николаевич. – Н. Новгород, 2002. – 475 с.

267. Козлов, А.А. Заочное судебное разбирательство уголовных дел: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Козлов Александр Алексеевич. – Екатеринбург, 2009. – 255 с.

268. Косарева, А.Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Косарева Алла Евгеньевна. – Санкт-Петербург, 2005. – 25 с.

269. Лятифов, Р.Г. Избрание мер пресечения для обеспечения выдачи лица, запрашиваемого иностранным государством в целях уголовного преследования или исполнения приговора: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Лятифов Рашид Габилевич. – Рязань, 2019. – 25 с.

270. Марченко, А.В. Международное сотрудничество в уголовном процессе по выдаче преступников: правовое регулирование и практика: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Марченко Александр Васильевич. – Санкт-Петербург, 2004. – 28 с.

271. Машовец, А.О. Принцип состязательности и его реализация в предварительном следствии: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Машовец Асия Океановна. – Екатеринбург, 1994. – 21 с.

272. Нагдалиев, Х.З. Современные особенности регулирования экстрадиции в международном праве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.10 / Нагдалиев Хикмет Зейнал оглы. – М., 2016. – 29 с.

273. Насонов, А.А. Реализация в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Насонов Александр Александрович. – М., 2018. – 28 с.

274. Несмачная, Н.В. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в

Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Несмачная Нина Валерьевна. – Саратов, 2016. – 26 с.

275. Нигматуллин, Р.В. Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера в XX – начале XXI столетия (историко-правовой аспект): автореф. дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.01 / Нигматуллин Ришат Вахидович. – М., 2007. – 47 с.

276. Подлесных, С.Н. Пробелы в уголовно-процессуальном праве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Подлесных Сергей Николаевич. – Воронеж, 2012. – 23 с.

277. Прошляков, А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Прошляков Алексей Дмитриевич. – Екатеринбург, 1997. – 259 с.

278. Решетнева, Т.В. Экстрадиция полипатридов в российском уголовном судопроизводстве (проблемы теории и практики): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Решетнева Татьяна Васильевна. – Екатеринбург, 2009. – 32 с.

279. Сафаров, Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.10 / Сафаров Низами Абдуллаевич. – М., 2007. – 446 с.

280. Склизков, А.Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Антон Николаевич Склизков. – Владивосток, 2007. – 177 с.

281. Строганова, А.К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Строганова Анна Константиновна. – Москва, 2004. – 24 с.

282. Хмельницкая, Т.В. Проблемы формирования доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Хмельницкая Татьяна Владимировна. – Нижний Новгород, 2016. – 213 с.

283. Цоколова, О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Цоколова Ольга Игоревна. – М., 2007. – 389 с.

284. Честнов, И.Л. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания): дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.01 / Честнов Илья Львович. – СПб., 2002. – 321 с.

285. Шурухнова, Д.Н. Выдача, передача и выдворение лиц в отношениях государств: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шурухнова Диана Николаевна. – М., 2001. – 156 с.

286. Штоль, Д.С. Диспозитивность и ее отдельные проявления в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.09 / Штоль Дмитрий Сергеевич. – Челябинск, 2009. – 35 с.

Правоприменительная практика

287. Постановление Европейского суда по правам человека от 11 октября 2007 г. «Дело “Насруллоев (Nasrulloev) против Российской Федерации”» (жалоба № 656/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2008. – № 3.

288. Постановление Европейского суда по правам человека от 20 декабря 2011 г. «Дело “Эргашев (Ergashev) против Российской Федерации”» (жалоба № 12106/09). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

289. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 августа 2020 г. «Дело “Тершана (Tershana) против Албании”» (жалоба № 48756/14) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

290. Постановление Европейского суда по правам человека от 16 октября 2014 г. «Дело "Ниязов (Niyazov) против Российской Федерации”» (жалоба № 27843/11) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 4.

291. Постановление Европейского суда по правам человека от 1 марта 2016 г. «Дело “Холмуродов (Kholmurodov) против Российской Федерации”» (жалоба № 58923/14) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2017. – № 5.

292. Постановление Европейского суда по правам человека от 14 февраля 2017 г. «Дело “Алланазарова (Allanazarova) против Российской Федерации”» (жалоба № 46721/15) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2018. – № 2.

293. Постановление Европейского суда по правам человека от 21 мая 2019 г. «Дело “О.О. против Российской Федерации”» (жалоба № 36321/16) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2020. – № 3.

294. Сообщение комитета по правам человека № 2198/2012 от 30 марта 2016 г. «Дело В.Д. против Российской Федерации» // Практика договорных органов ООН: Комитет по правам человека. – Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс».

295. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан» // Рос. газета. – 2005. – 1 апреля.

296. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2005 г. № 330-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

297. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 апреля 2006 г. № 101-О «По жалобе гражданина Республики Таджикистан Насруллоева Хабибулло на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 28. – Ст. 3118.

298. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2018 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 14. – Ст. 2027.

299. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 4.

300. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 12.

301. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 19 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 2.

302. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 8.

303. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 2.

304. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 7.

305. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2019 г. № 30 «О дне начала деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, Центрального окружного военного суда» // Рос. газета. – 2019. – 16 сент.

306. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека 2000 г. № 3. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

307. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 3 (начало), № 4 (окончание).

308. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 июня 2018 г. № 18-АПУ18-8 // [Электронный ресурс] URL: <https://ukrfkod.ru/pract/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20062018-n-18-aru18-8/> (дата обращения: 28.03.2020).

309. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 20 мая 2015 г. по делу № 22-4265/2015. – Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

310. Апелляционное постановление Московского городского суда от 16 декабря 2019 г. по делу № 10-24205/2019 – Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

311. Кассационное определение Пятого Кассационного Суда Российской Федерации от 10 марта 2020 г. № 77-139/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

312. Материалы производства № 82-АПУ 17-1 отношении Т.Д.А., гражданина Кыргызской Республики о его экстрадиции в Кыргызскую Республику // Архив Верховного Суда РФ, 2017 г.

313. Материалы производства № 5-АПУ 17-115 отношении С.Е.С., гражданина Республики Беларусь о его экстрадиции в Республику Беларусь // Архив Верховного Суда РФ, 2017 г.

314. Материалы производства № 47-АПУ 18-1 отношении П.С.Р., гражданина Украины о его экстрадиции в Украину // Архив Верховного Суда РФ, 2017 г.

315. Материалы производства № 5-АПУ 18-77 отношении Х.Т.Н., гражданина Республики Таджикистан о его экстрадиции в Республику Таджикистан // Архив Верховного Суда Российской Федерации, 2018 г.

316. Материалы производства № 5-АПУ 18-15 отношении М.С.М., гражданина Республики Армения о его экстрадиции в Республику Армения // Архив Верховного Суда Российской Федерации, 2018 г.

317. Материалы производства № 5-АПУ 18-44 отношении Г.А.И., гражданина Украины о его экстрадиции в Украину // Архив Верховного Суда Российской Федерации, 2018 г.

318. Материалы производства № 5-АПУ 19-31 отношении М.М.М.-угли, гражданина Республики Узбекистан о его экстрадиции в Республику Узбекистан // Архив Верховного Суда Российской Федерации, 2019 г.

319. Материалы производства № 5-АПУ 19-66 отношении Ю.М. (М.М.) Г. (Г.), гражданина Республики Таджикистан о его экстрадиции в Республику Таджикистан // Архив Верховного Суда РФ, 2019 г.

320. Материалы производства № 5-АПУ 19-81 отношении Д.В.П., гражданина Республики Беларусь о его экстрадиции в Республику Беларусь // Архив Верховного Суда РФ, 2019 г.

321. Материалы производства № 5-АПУ 19-64 отношении З.Д.О., гражданина Республики Беларусь о его экстрадиции в Республику Беларусь // Архив Верховного Суда РФ, 2019 г.

322. Материалы производства № 5-АПУ 19-52 отношении Т.Т.А., гражданина Вьетнамской Социалистической Республики о его экстрадиции в Республику Беларусь // Архив Верховного Суда РФ, 2019 г.

323. Материалы производства № КК-10/2009 в отношении Р. гражданина Республики Казахстан о его экстрадиции в Республику Казахстан // Архив Челябинского областного суда, 2009 г.

324. Материалы производства № 2К-20/2017 в отношении А. гражданина Республики Узбекистан о его экстрадиции в Республику Узбекистан // Архив Челябинского областного суда, 2017 г.

325. Материалы производства № 10К-2755/2021 в отношении А.И.Г. об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Архив Челябинского областного суда, 2021 г.

326. Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. – Уголовное дело № 452309 (1-3/2013).

Электронные ресурсы

327. Заявление МИД России о запуске процедуры выхода из Совета Европы от 15 марта 2022 г. // [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/(дата обращения: 16.08.2022).

328. Адвокат: Экстрадиция Полонского – жест доброй воли Камбоджи // [Электронный ресурс] URL: <https://life.ru/p/154056> (дата обращения: 11.09.2022).

329. В Тбилиси досрочно освобожден бывший грузинский дипломат // [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20020227/80287.html> (дата обращения: 18.02.2022).

330. В России первый, в камере один // [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/481> (дата обращения: 24.05.2020).

331. Выдача Китаем российского гражданина // [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7573734.html> (дата обращения: 30.05.2020).

332. Дело о мошенничестве и растратах на 14 млрд: Франция экстрадировала в Россию бывшего министра финансов Подмосковья // [Электронный ресурс] URL: <https://russian.rt.com/russia/article/589318-franciya-ekstradiciya-ministr-finansov-podmoskove> (дата обращения: 17.06.2020).

333. Доклад Комитета против пыток. Сообщение № 428/2010 Калиниченко против Марокко // [Электронный ресурс] URL: <http://www.refworld.org.ru/pdfid/50a0fa882.pdf> (дата обращения: 03.08.2020).

334. МИД России: Решение Морского трибунала ООН неправомерно // [Электронный ресурс] URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/05/25/mid-rossii-reshenie-morskogo-tribunala-oon-nepravomerno> (дата обращения: 27.02.2022).

335. МИД: страны Запада с марта 60 раз отказали России в выдаче преступников // [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5491048> (дата обращения: 06.11.2022).

336. Камера для генсека // [Электронный ресурс] URL: <https://life.ru/p/1139922> (дата обращения: 16.04.2022).

337. Канадские власти просят снять дипломатический иммунитет с двух сотрудников российского посольства: 1tv.ru // [Электронный ресурс] URL: https://www.1tv.ru/news/2001-01-29/282189-kanadskie_vlastiprosyat_snyat_diplomaticheskiy_immunitet_s_dvuh_sotrudnikov_rossiyskogo_posolstva (дата обращения: 19.08.2021).

338. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 июня 2003 г. № 5-о03-51 // [Электронный ресурс] URL: <https://resheniya-sudov.ru/2004/88944> (дата обращения: 19.04.2021).

339. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 21 июля 2006 г. № 89-о06-23 // [Электронный ресурс] URL: <https://resheniya-sudov.ru/2005-2006/98162> (дата обращения 19.04.2021).

340. Литвиненко Александр. Архив // [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/lib/14166924> (дата обращения 21.05.2020).

341. Освободите моряков: Макрон и Меркель обратились к России // [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/12/28_a_12112363.shtml (дата обращения: 18.02.2022).

342. Москва не дала судить своих дипломатов в Канаде // [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/20020227/80287.html> (дата обращения 02.06.2021).

343. Обжаловать обвинительный приговор Надежда Савченко не собирается // [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2016/03/22/634518-prigovor-savchenko> (дата обращения: 18.05.2022).

344. Обмен советского разведчика Абея на летчика из США Пауэрса. Справка // [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20120210/560376004.html/> (дата обращения: 06.04.2020).

345. Отказ в экстрадиции фигуранта дела «Тольяттиазота»: рейдерство, коррупция, условия в СИЗО // [Электронный ресурс] URL: <https://pravo.ru/review/view/139143/> (дата обращения: 10.06.2020).

346. Польша потребовала выдать российских диспетчеров, дежуривших во время крушения самолета Леха Качиньского // [Электронный ресурс] URL: <http://www.vesti.ru/article/2459574> (дата обращения: 18.04.2020).

347. Россия и Украина подошли к решающей стадии обмена пленными. РБК.РУ Режим доступа: // [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/08/2019/5d5d35b29a7947211087c0cf> (дата обращения: 21.02.2022).

348. Соединенное Королевство требует выдачи Лугового. Архив // [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/news/2007/05/22/lugovoi1/> (дата обращения 21.05.2020).

349. Солдаты без Родины // [Электронный ресурс] URL: <https://lenta.ru/articles/2019/08/11/omon/> (дата обращения: 19.05.2020).

350. Страны без экстрадиции. Адвокат. Юридический портал // [Электронный ресурс] URL: <https://ukproton.ru/huliganstvo/strany-bez-ekstraditsii-kakie-gosudarstve-ne-vydayut-po-zaprosu.html> (дата обращения: 22.05.2021).

351. Суд приговорил к четырем годам лишения свободы бывшего российского дипломата // [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/20020319/93005.html> (дата обращения: 12.01.2022).

352. Уголовное дело в России должно вытащить сына Усса из Италии, заявил адвокат // [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru.turbopages.org/ria.ru/s/20221028/uss-1827523275.html> (дата обращения: 11.11.2022).

353. Финляндия отказала России в экстрадиции обвиняемого в мошенничестве члена «Яблока» Попова // [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/proisshestviya/4150313> (дата обращения: 10.06.2020).

354. Хонеккер, Эрих: биография // [Электронный ресурс] URL: https://www.peoplelife.ru/312979_7 (дата обращения: 12.04.2022).

355. Экстрадиции не будет: Путин объяснил, почему РФ не выдает граждан по обвинениям США // [Электронный ресурс] URL: <https://ren.tv/news/politika/280551-ekstraditsii-ne-budet-putin-obiasnil-pochemu-rf-ne-vydast-grazhdan-po-obviniyam-ssha> (дата обращения 11.12.2022).

356. Эрих Хонеккер: взлет и падение последнего лидера ГДР // [Электронный ресурс] URL: <https://dw.com/ru/эрих-хонеккер-взлет-и-падение-последнего-лидера-гдр/a-487992/> (дата обращения: 16.05.2020).

357. Это был не рядовой инцидент. Посол Великобритании в России о деле Лугового // [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/788925> (дата обращения: 21.05.2020).

Проект

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН**О внесении изменений и дополнений в****Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации**

(в части изменения процедуры судебного контроля выдачи подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных, а также лиц, по запросам иностранных государств)

Статья 1

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 52, ст. 4921; 2002, № 22, ст. 2027; 2003, № 27, ст. 2706; № 50, ст. 4847; 2006, № 31, ст. 3452; 2007, № 24, ст. 2830; 2008, № 49, ст. 5724; 2010, № 1, ст. 4; № 15, ст. 1756; № 27, ст. 3416; № 30, ст. 3986; 2011, № 1, ст. 45; № 13, ст. 1686; № 50, ст. 7349; 2012, № 49, ст. 6752; № 53, ст. 7634; 2013, № 9, ст. 875; № 52, ст. 6997; 2014, № 30, ст. 4252; 2016, № 26, ст. 3889; № 27, ст. 4258; 2017, № 14, ст. 2005; № 31, ст. 4799; 2018, № 17, ст. 2421; № 31, ст. 4817; № 53, ст. 8459; 2019, № 10, ст. 891; № 31, ст. 4474; 2021, № 13, ст. 2135; 2022, № 29, ст. 5227) следующие изменения и дополнения:

1) часть вторую статьи 29 дополнить пунктом 14, следующего содержания:

«14) о выдаче обвиняемого или осужденного, находящегося на территории иностранного государства, иностранного гражданина или лица без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, обвиняемого в совершении преступления или осужденного судом иностранного государства.»;

2) часть пятую статьи 108 изложить в следующей редакции:

«5. Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления обвиняемого в международный и (или) межгосударственный розыск при наличии судебного решения, принятого в порядке п. 1 ч. 11 ст. 462.1 настоящего Кодекса.»;

3) часть пятую статьи 460 изложить в следующей редакции:

«5. К запросу о выдаче для уголовного преследования должны быть приложены заверенные копии судебного решения о выдаче, вынесенного в порядке ст. 462.1 настоящего Кодекса, постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу. К запросу о выдаче для исполнения приговора должны быть приложены заверенная копия вступившего в законную силу приговора и справка о неотбытом сроке наказания.»;

4) часть четвертую статьи 462 изложить в следующей редакции:

«4. Решение о выдаче подозреваемого, обвиняемого или осужденного, находящегося на территории иностранного государства, иностранного гражданина или лица без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, обвиняемых в совершении преступления или осужденных судом иностранного государства, принимается судьей суда, указанного в части третьей статьи 31 настоящего Кодекса, или военного суда соответствующего уровня по ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя.»;

5) статью 462.1 изложить в следующей редакции:

«Статья 462.1. Судебная проверка обоснованности выдачи лиц, находящихся на территории иностранных государств и по запросам о выдаче лиц, находящихся на территории Российской Федерации.

1. Решение об отказе в направлении запроса о выдаче обвиняемого или осужденного, а также отказе в удовлетворении запроса иностранного государства о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора принимает Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель.

2. О принятом решении незамедлительно всеми доступными средствами уведомляются все заинтересованные лица, которым разъясняется право обжалования принятого решения в суд, указанный в части третьей статьи 31 настоящего Кодекса в течение 10 дней с момента получения такого уведомления. Право обжаловать принятое решение также предоставляется потерпевшему или иному лицу, чьи права и законные интересы затрагиваются таким отказом, а в отношении иностранного лица или лица без гражданства – также уполномоченному представителю компетентного органа иностранного государства, направившего запрос о выдаче.

3. Основанием выдачи лиц, находящихся на территории иностранных государств и по запросам о выдаче иностранных граждан или лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации является судебное решение, вынесенное в порядке, установленном частями четвертой – тринадцатой настоящей статьи.

4. В случае необходимости направления запроса о выдаче лица в порядке части четвертой статьи 460 настоящего Кодекса, а также по итогам рассмотрения запроса иностранного государства о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель обращается с ходатайством в верховный суд республики, краевой или областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области или суд автономного округа по месту производства предварительного расследования либо нахождения лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче, которое должно содержать:

1) по вопросу о выдаче обвиняемого, находящегося на территории иностранного государства: документы, позволяющие идентифицировать личность и наличие гражданства; документы, подтверждающие осуществление уголовного преследования (постановление о возбуждении уголовного дела, о привлечении в качестве обвиняемого (обвинительного акта или обвинительного постановления), о розыске, о международном розыске (при наличии), об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (при наличии), материалы в

подтверждение обоснованности причастности обвиняемого к инкриминируемому ему деянию; справку о сроках давности уголовного преследования по каждому преступлению;

2) по вопросу о выдаче осужденного, находящегося на территории иностранного государства: документы, позволяющие идентифицировать личность и наличие гражданства; копии обвинительного приговора с отметкой либо справкой о дате вступления в законную силу, решений вышестоящих судов (при наличии) с отметкой либо справкой о дате вступления в законную силу; сведения о неисполненных приговорах (при наличии) с копиями судебных решений; справку о сроках давности уголовного преследования по каждому преступлению;

3) в отношении иностранного лица или лица без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации, обвиняемого в совершении преступления или осужденного судом иностранного государства: документы, позволяющие идентифицировать личность и наличие гражданства, запрос иностранного государства с материалами, подтверждающими законность и обоснованность выдачи лица, которые в обязательном порядке должны содержать: описание фактических обстоятельств преступного деяния, его последствий, включая причиненный материальный ущерб, текст закона запрашивающей стороны, на основании которого данное деяние признается преступлением, включая соответствующее положение закона, предусматривающее наказание за данное преступление, текст закона относительно сроков давности привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора, а также применяемых актов амнистий; судебное решение или решение иного компетентного органа об избрании меры пресечения; копия приговора по уголовному делу, вступившего в законную силу, справка об отбытой части срока наказания, которые должны быть подписаны и заверены печатью; справку о сроках содержания под стражей и их продолжительности, а так же иных мерах пресечения, которые применялись до поступления ходатайства в суд; сведения о наличии тяжелого заболевания, препятствующего отбыванию наказания.

5. Судья вправе потребовать у прокурора иные сведения, необходимые для рассмотрения ходатайства, которые должны быть представлены в срок 10 дней. Если в течение указанного срока дополнительные сведения не будут представлены, суд принимает решение на основании ранее представленных материалов.

6. В случае, если лицо, в отношении которого поступил запрос иностранного государства о выдаче обратилось с ходатайством о предоставлении ему временного убежища на территории Российской Федерации, ходатайство не может быть направлено в суд до принятия решения по такому ходатайству.

7. Лицо, в отношении которого поступил запрос иностранного государства о выдаче не может быть подвергнуто выдворению, депортации, реадмиссии и другим процедурам, связанным с перемещением его на территорию запрашивающего или третьего государства до принятия решение в порядке части тринадцатой настоящей статьи.

8. Проверка законности и обоснованности ходатайства о выдаче лица производится в течение одного месяца со дня поступления ходатайства в суд в открытом судебном заседании, за исключением случаев, предусмотренных частью второй статьи 241 настоящего Кодекса, с обязательным участием прокурора, лица, в отношении которого поступил запрос иностранного государства, если он заявил ходатайство об участии в деле или выразил согласие на выдачу в порядке части двенадцатой настоящей статьи, а также защитника, следователя, потерпевшего, представителя иностранного государства, если они участвуют в деле.

9. При рассмотрении ходатайства в отношении обвиняемого или осужденного, находящегося на территории иностранного государства, суд принимает все необходимые меры, позволяющие данному лицу двести до суда свою позицию по ходатайству о выдаче.

10. В начале заседания судья объявляет, какое ходатайство подлежит рассмотрению, разъясняет явившимся в судебное заседание лицам их права и обязанности. Затем прокурор обосновывает ходатайство, после чего

заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица. Последним предоставляется право выступить лицу, в отношении которого вынесено ходатайство и (или) его защитнику.

11. В ходе судебного рассмотрения суд не обсуждает вопросы виновности лица, в отношении которого ведется производство, ограничиваясь проверкой соответствия решения о выдаче данного лица законодательству и международным договорам Российской Федерации. Также суд обязан проверить и дать оценку обстоятельствам, препятствующим выдаче, которые вытекают из общепризнанных принципов и норм международного права, а при наличии заявления со стороны защиты – оценку наличию обстоятельств, указывающих на обоснованность подозрения лица в совершении причастности лица в совершении инкриминируемого ему деянию.

12. Согласие лица на выдачу по запросу иностранного государства может быть принято судом только после того как он удостоверится в добровольности такого согласия, заявленного в присутствии защитника и с разъяснением последствий такого ходатайства.

13. В результате проверки судья выносит одно из следующих постановлений:

- 1) о разрешении выдачи лица;
- 2) об отказе в удовлетворении ходатайства о выдаче;
- 3) об удостоверении согласия лица на выдачу по запросу иностранного государства.

14. Повторное обращение в суд с ходатайством о разрешении выдачи того же лица и по тому же преступлению допускается только в случае наличия новых обстоятельств, которые не были известны прокурору при обращении в суд с первым ходатайством.

15. Постановление судьи может быть обжаловано в порядке гл. 47.1 настоящего кодекса, при этом передача лица запрашивающему государству не может быть осуществлена до принятия решения судом кассационной инстанции,

либо истечения срока кассационного обжалования, предусмотренного ч. 4 ст. 401.3 настоящего кодекса».

б) пункт первый части второй Часть первую статьи 401.3 дополнить словами «в том числе постановления, разрешающие выдачу лиц иностранным государствам для уголовного преследования»;

7) статью 462.1 считать статьей 462.2;

8) статью 463 изложить в следующей редакции:

«Статья 463. Обжалование решения об отказе в выдаче лица и судебная проверка его законности и обоснованности.

1. Решение Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя об отказе в выдаче может быть обжаловано в верховный суд республики, краевой или областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области или суд автономного округа по месту производства предварительного расследования и нахождения лица, в отношении которого принято это решение, в течение 10 суток с момента получения уведомления.

2. Прокурор в течение 10 суток направляет в суд материалы, подтверждающие законность и обоснованность решения об отказе в выдаче.

3. Проверка законности и обоснованности решения об отказе в выдаче лица производится в течение одного месяца со дня поступления жалобы в суд судьей единолично в открытом судебном заседании с участием прокурора и иных лиц, чьи права затрагиваются обжалуемым решением.

4. В начале заседания председательствующий объявляет, какая жалоба подлежит рассмотрению, разъясняет присутствующим их права и обязанности. Затем заявитель и (или) его защитник обосновывают жалобу, после чего слово предоставляется прокурору.

5. В ходе судебного рассмотрения суд не обсуждает вопросы виновности лица, в отношении которого поставлен вопрос о выдаче, осуществляя проверку соответствия такого решения законодательству и международным договорам Российской Федерации.

6. В результате проверки судья выносит одно из следующих постановлений:

1) о признании решения об отказе в выдаче лица незаконным или необоснованным и его отмене;

2) об оставлении жалобы без удовлетворения.

7. В случае признания законным решения об отказе в выдаче судья отменяет и меру пресечения в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства.

8. Постановление судьи может быть обжаловано в порядке гл. 45.1 настоящего кодекса.».

9) статью 464 дополнить частью четвертой следующего содержания:

«4. Если в выдаче отказано по основаниям, предусмотренным пунктами первым и пятым части первой, либо пунктом четвертым части второй настоящей статьи, то Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель передает материалы для возбуждения против такого лица уголовного преследования в соответствии с законодательством Российской Федерации. В этих целях запрашиваются имеющиеся в распоряжении компетентного органа соответствующего иностранного государства материалы и доказательства.».

Статья 2

Настоящий федеральный закон вступает в силу с _____ г.

Президент
Российской Федерации

СПРАВКА

**о сотрудничестве с компетентными органами иностранных государств
по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования и исполнения
приговора**

Данные о работе управления экстрадиции Главного управления международно-правового сотрудничества		2017 г.	2018. г.	2019 г.
Выдача из России				
Рассмотрено запросов о выдаче лиц из Российской Федерации		1433	1127	1231
Принято решений о выдаче из Российской Федерации (в том числе о выдаче на время)		984	793	794
Отказано в выдаче лиц по запросам зарубежных государств		134	98	153
Из общего числа отказов в выдаче	в связи с наличием гражданства Российской Федерации	39	23	44
	в виду истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности	26	31	50
	в виду отсутствия состава преступления по законодательству Российской Федерации	42	28	40
	в связи с предоставлением временного убежища	8	8	9
	в связи с признанием беженцем	0	0	0
	в связи с возможностью причинения выдачей ущерба интересам и безопасности Российской Федерации	0	0	0
	по иным основаниям	19	8	10
Принято решений о транзитной перевозке лиц по территории Российской Федерации		4	4	2
Принято решений об отсрочке в выдаче лиц		117	66	76

из Российской Федерации				
Дано поручений о розыске		143	141	165
Выдача в Россию				
Направлено запросов о выдаче всего		325	372	455
Принято решений о выдаче в Российскую Федерацию всего		158	193	184
Отказано о выдаче в лиц в Россию		66	60	47
Из общего числа принятых решений об отказе в выдаче	в связи с наличием гражданства иностранного государства	14	13	4
	ввиду истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности	12	13	9
	ввиду отсутствия состава преступления по законодательству запрашиваемого государства	8	7	6
	в связи с предоставлением убежища, признания беженцем	10	9	5
	в связи с причинением выдачей ущерба интересам иностранного государства	0	0	0
	по иным основаниям	22	18	23
Принято решений об отсрочке в выдаче		5	5	4
Направлено в НЦБ Интерпола поручений о международном розыске		1302	1108	1438

Информация предоставлена Управлением Экстрадиции Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации, октябрь 2021 года.